

*Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского*

Таврическая академия

Философский факультет

*Кафедра философии
естественнонаучного профиля*

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:

**состояние
и перспективы**

2019

**Сборник материалов
II научной конференции**

27 – 28 мая 2019 г.

г. Ялта

Часть I

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь
2019

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)
П 69

*Проект кафедры философии естественнонаучного профиля
Таврической Академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Главный редактор: *О. А. Габриелян*, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор: *Н. В. Сафонова*, кандидат философских наук, доцент

Редактор: *Л. И. Зинурова*, кандидат философских наук, доцент

Практическая философия: состояние и перспективы:
П69 сборник материалов II научной конференции. Часть I / гл. ред.
О. А. Габриелян. — Симферополь : ООО «Антиква», 2019. —
230 с.

ISBN 978-5-6043478-0-5

В сборнике представлены статьи и тезисы, подготовленные преподавателями кафедры философии естественнонаучного профиля и аспирантами всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Они были обсуждены на площадке научной конференции по практической философии. Это относительно новая форма работы с аспирантами, которым читался курс по «Истории и философии науки». По завершении этого курса аспиранты писали философское эссе по выбранной ими теме в рамках направления подготовки или проблемы диссертационного исследования.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)

ISBN 978-5-6043478-0-5

© Коллектив авторов, текст, 2019
© Оформление. ООО «Антиква», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Практическая философия: перспективы

<i>О. А. Габриелян</i> Потенциал практической философии: новые проблемные поля	6
<i>Ф. В. Лазарев</i> Новая философия в горизонте XXI столетия	13

II. Горизонты методологии

<i>Я. Е. Акимова</i> Принципы квантовой физики: перспективы методологического расширения на макромир.....	26
<i>М. В. Брецько</i> Об особенностях «скрученного света»: смена философской методологии	31
<i>С. В. Дорошкевич</i> Конвергенция наук в современной медицинской климатологии	35

III. Горизонты социальности

<i>А. В. Карабыков</i> Христианский брак после “конца” естественного порядка: взгляд с Востока	41
<i>П. Л. Зайцев, С. Н. Оводова</i> Разработка персоноразмерной модели мониторинга религиозных процессов в российском приграничье как практическая философия (на материале Омской области)	44
<i>Н. Н. Кузьмин</i> Принцип трансверсальности в управлении поликультурными обществами	49
<i>О. А. Гук</i> Гуманитарные науки о состоянии общества	54
<i>И. И. Башкова</i> Образ бюрократа в общественном сознании россиян в начале XIX века	57
<i>Ю. Н. Бычина</i> Современная пресса как источник метафор.....	69

<i>В. В. Логвиненко</i>	
Индустрия красоты как социальная проблема.....	76
<i>К. Г. Моргунов</i>	
Земство как социальный феномен.....	81
<i>Р. И. Ряпов.</i> Травелог как антропологическая потребность....	88

IV. Горизонты идеологии

<i>О. А. Мирошников</i>	
Идейная борьба и экстремизм на Ближнем Востоке	93
<i>В. Ю. Макогон</i>	
Элиты в контексте этической системы: СССР, США, Китай (1949-1991).....	97
<i>Т. В. Степанцевич</i>	
Мемориализация войны как способ формирования гражданственности	102

V. Горизонты просвещения и культуры

<i>Н. В. Сафонова</i>	
О просветительской роли науки: к 160-летию выхода в свет книги Ч. Дарвина «Происхождения видов»	111
<i>Т. П. Разбеглова</i>	
Аксиология отчуждения в философской и художественной рефлексии.....	116
<i>В. В. Шульгин</i>	
Вклад В. М. Шукшина в философию добродетели (по его сказке “До третьих петухов”, 1974). К 90-летию национального художника слова и образа	123
<i>А. А. Байракова</i>	
Эстетика урболандшафтов как фактор формирования личности.....	139
<i>А. Н. Булава</i>	
Россия: миф о пьянстве и культура винопития	147
<i>Л. Н. Глухенькая</i>	
Этический вызов постмодернизма в литературе	154
<i>М. В. Заднипряный</i>	
Диалог культур: метафора или реальный процесс?.....	160
<i>Н. Р. Кравченко</i>	
Николай Рерих: феномен синтеза между Западом и Востоком.....	165

<i>К. Э. Сефер</i>	
Современное искусство VS вандализм: пределы допустимого (на материале стрит-арт и паблик-арт)	174
<i>О. А. Скуридин</i>	
Памятник тираноубийцам Гармодию и Аристогитону: историко- культурный аспект	183

VI. Горизонты права

<i>Р. В. Ткаченко</i>	
Правовая проблематика в эпоху постмодерна	190
<i>И. Р. Юнси</i>	
Животные как субъект права	193

VII. Горизонты науки

<i>О. А. Габриелян, И. Э. Сулейменов, З. С. Тасбулатова, Е. С. Витулёва</i>	
Социальное измерение информационных технологий: проблема интеллектуального суверенитета личности	198
<i>И. И. Биляева</i>	
Этические принципы деятельности политического блоггерства	203
<i>А. О. Перегуд</i>	
Питание как инструмент глобального управления человечеством	208
<i>Т. О. Ком</i>	
Работа врача: служение или услуга? (к трансформации этических принципов).....	214

Post Scriptum

<i>С. Е. Черная</i>	
Особенности политической и гражданской маргинальности молодежи Крыма (эссе)	219
<i>Н. В. Казина</i>	
Гений места (эссе).....	223
<i>В. В. Белкин</i>	
К вопросу о происхождении права и правового нигилизма. Социально-философский анализ.....	225

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 101

ПОТЕНЦИАЛ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ

THE POTENTIAL OF PRACTICAL PHILOSOPHY: FIELDS OF THE NEW PROBLEMS

Габриелян О. А., доктор философских наук,
профессор кафедры
философии естественнонаучного профиля
философского факультета Таврической академии
КФУ им. В. И. Вернадского
Gabrielyan O. A., Doctor of Philosophical Sciences,
Full Professor of the Department of Philosophy
of a Natural-science Profile, Taurida Academy,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье в тезисной форме приводится ряд ключевых проблем современной практической философии. Показывается ее значимость для жизни конкретного человека в его повседневности, которая агрессивна в своей неопределенности и скорости возникновения экзистенциальных проблем, имеющих глубинные этические основания. Решение их лежит в плоскости практической философии и новых философских практик. По мнению автора, этический императив — это «третья сигнальная система», которая сохранит человека человеком, даже в ситуации изменяющегося его статуса в современном мире от Homo Sapiens к Homo Deus.

Annotation. The article presents a number of key problems of modern practical philosophy in thesis form. It shows its importance for the life of a particular person in his daily life, which is aggressive in its uncertainty and the rate of occurrence of existential problems that have ethical grounds. Their solution lies in the plane of practical philosophy and new philosophical practices. According to the author, the ethical imperative is a «third signal system» that will keep a person as human, even in a situation changing his status in the modern world from Homo Sapiens to Homo Deus.

Ключевые слова: практическая философия, повседневность, «третья сигнальная система», Homo Deus, философские практики.

Keywords: practical philosophy, everyday life, «third signal system», Homo Deus, philosophical practices.

Всматриваясь в широкое, практически безбрежное поле философии, стараясь понять ее перспективы в очень непростое для нее время, мы приходим к выводу об особых перспективах практической философии. Вопрос не о конъюнктурности, а именно о кризисном настоящем, которое может плодотворно сказаться на будущем философии. Мы считаем, что очередной в ее истории кризис как катарсис откроет новый потенциал ее мыследеятельности. В этом плане практическая философия обещает многое. Мы постарались обозначить эту перспективу в следующих тезисах не столько системно, сколько в некоторых ключевых проблемах.

1. Практическая философия обещает ренессанс философии. Классическая практическая философия, обретшая институциональный статус философской дисциплины в философии И. Канта, в настоящее время получает новый импульс развития. Это связано с тем, что практически все вопросы современного бытия человека так или иначе проходят через поле этической проблематики. Например, даже в цитадели объективности — в науке этический кодекс начал определять регламент проведения эксперимента.

2. В эпоху постмодернизма деконструкции подверглось все, и человек — в том числе. Постмодернисты правильно заметили, что распалась целостность человека. Современному человеку стало сложно собрать себя в целостную личность с определенными принципами, внутренним этическим кодексом. Противоречия, которые всегда в нем наличествовали, в настоящее время обнажились до такой степени, что стали актуальными проблемами его повседневной жизни. Время принятия решения относительно проблем, с которыми он сталкивается, сократилось до конкретного поступка в текущей повседневности.

3. Человек фрустрирован, он растерян, Homo Confusus по Т. Черниговской [1]. И это состояние становится качественной характеристикой человека так же, как качественной характеристикой сознания становится его клиповый характер. Способ «сборки» человека хоть в какую-то целостность становится коллажным. А так как он продолжает пребывать в этом мире и даже старается разрешить возникающие проблемы, в том числе угрожающие его существованию, то продолжает искать ответы на вопросы: В чем смысл человеческого существования? Как жить, как действовать в этом мире, чтобы реализовать этот смысл? Фундаментальность вопросов вступает в открытое противоречие с конвенциональностью и конъюнктурностью ответов, которые современный человек может дать на них. Теряется перспектива его личной жизни как уникальной судьбы. У него нет будущего. Есть только завтрашнее настоящее.

4. Люди не больны, чтобы обращаться к психиатру, психоаналитику, психологу. Они утратили и ищут смысл своего существования. Еще не все стали рафинированными потребителями. Человек потерялся в быстроменяющемся мире с ситуативными правилами и принципами, а по сути с их отсутствием. Почти каждый строит параллельную виртуальную жизнь. Философия должна подсказать как быть (какими принципами руководствоваться) в повседневности и каковыми *должны быть* этические принципы нового общества. Стоит сложная задача рассмотреть в повседневности это долженствование. В этом фундаментальная задача современной практической философии и потенциал ее возрождения, практической актуализации.

5. Сложность заключается в том, что наряду с актуальностью проблем (их обнаженностью в повседневности), человек имеет дело с высокой скоростью их возникновения, когда он не в состоянии справиться с калейдоскопической скоростью их появления, накатываемыми валами. В обществе потребления у него пытаются развить и закрепить только одну способность — потребления. Для этого снижают порог критического мышления, рефлексии, разрушают в нем социально-ориентированную ценностную систему, делают ее относительной, ситуативной, связанной только с навязываемыми извне эгоцентричными потребностями. Исчезает способность к критическому мышлению, рефлексии, которые только и способны сохранить сознательную деятельность, направленную на осмысление собственной жизни. Homo Consumens — человек потребляющий агрессивно вытесняет Homo Sapiens — человека разумного.

6. У обыденного человека, как правило, нет понимания отмеченных проблем. В лучшем случае он только чувствует растерянность. Его реакции на различные вызовы — спонтанны, но в основном коррелируют с массовым поведением. Вся его «одномерность» в настоящее время стала совершенно очевидной. В современном цивилизованном обществе потребления все люди по сути одинаковы, так как подчиняются одним и тем же желаниям. Люди утратили свою свободу, так как скрытый неототалитаризм приобрел изощренную технологическую (сетевую, виртуальную) форму. Ценности потребления стали настолько тотальными, что они начали разрушать общее, как бы бесхозное — природу, а потом и частное — самого человека, эксплуатируя его желания. Причем потребности человека уже не определяются им самим, а навязываются ему извне. В этом смысле труд Г. Маркузе «Одномерный человек» оказался пророческим. «Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом

бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи» [2, с. 43]. Согласно Г. Маркузе, предполагал, чтобы выйти из проблемной ситуации, человек должен совершить «Великий Отказ», то есть отказаться от навязанных императивов индустриального общества, а, следовательно, добавили бы мы — рыночной экономики, перейти к иной социальной парадигме, к иному устройству общества, экономики, политики.

7. Общество потребления идет к своей высшей стадии. Новый тип социальной организации «общество наслаждения» — ставит перед нами новые вызовы. В таком обществе из потребителя человек сам превращается в объект потребления. Неототалитаризм эксплуатирует людей и манипулирует ими посредством их же или навязанных им желаний. Очень точно об этом говорит Ноам Хомский. Он даже составил список из десяти методов манипулирования человеческим сознанием: отвлечение внимания; проблема — реакция — решение; постепенность; отсрочка исполнения; инфантилизация народа; упор на эмоции; дебилизация населения; продвижение моды на посредственность; культивация чувства вины; отличное знание человеческой природы [3].

8. Необходимо искать новые ресурсы для преодоления отмеченного кризиса и искать его надо в самом человеке как социальном существе. Очевидно при всей «эфемерности» этических норм по сравнению, например, с экономическими императивами, они тем не менее всегда сопровождали человека в его истории. Эволюция человека шла от адаптивных практик на уровне первой сигнальной системы собственно к появлению самого Homo sapiens через возникновение, активное использование и развитие второй сигнальной системы. Мы предполагаем, что третий этап развития человека — возникновение «третьей сигнальной системы», способности существования в виртуальности как реальности при новом типе коммуникации. По сути он творец этой новой реальности и себя в ней. В связи с этим важно отметить одну важную особенность второй сигнальной системы, а именно очень важную функцию речи. «Мы выяснили, что речь — ядро человеческой психики и что внушающая работа слов (прескрипция, суггестия) — ядро этого ядра» [4, стр. 117]. Возникновение в процессе эволюции суггестии как особого рода вербального воздействия на психику другого человека и прескрипции как высказывания о должном, нормативном, предписывающем действии собственно конституировали сознание Человека Разумного. По сути, посредством речи как знаковой системы, Homo Sapiens стал регулировать поведение — и свое, и других членов рода, тормозить и изменять импульсы первой сигнальной системы. «У порога истории мы находим

не «надбавку» к первой сигнальной системе, а средство парирования и торможения ее импульсов. Только позже это станет «надбавкой», т. е. отрицанием отрицания. Важным шагом к такому преобразованию служит превращение интердикции в суггестию, хотя последняя и лежит еще в рамках инфлюативного этапа второй сигнальной системы. Суггестия становится фундаментальным средством воздействия людей на поступки и поведение других, т. е. особой системой сигнальной регуляции поведения. Эта нейрофизиологическая система взаимного оттормаживания и побуждения тех или иных действий предшествует возможности возникновения общественных отношений и общества, но в то же время может рассматриваться как первичная завязь общественных отношений» [4, стр. 236]. Мы считаем, что этический императив в широком смысле этого понятия станет той «тормозной доминантой» и определяющей способностью, которая позволит человеку избежать самоуничтожения в цифровую эпоху.

9. Современный человек находится в точке бифуркации, в которой обозначились две перспективы: или трансгуманизм (киборг с трансформированной ситуативной этикой) или *Homo Deus*, так как в современном человеке сосредоточилась огромная созидательная и разрушительная сила. В этом смысле интересны мысли Ю Харари в его книге «*Homo Deus*», которая представляет собой попытку заглянуть в будущее. В аннотации к книге написано: «Что произойдет, когда Google и Facebook будут лучше, чем мы сами, знать наши вкусы, личные симпатии и политические предпочтения? Что будут делать миллиарды людей, вытесненных компьютерами с рынка труда и образовавших новый, бесполезный класс? Как воспримут религии и адаптируют достижения геномной инженерии? Каковы будут последствия перехода полномочий и компетенций от живых людей к сетевым алгоритмам — нейросетям и искусственному интеллекту, построенному на них? Что должен предпринять человек, чтобы защитить планету от своей же разрушительной силы?...«Главное сейчас, — полагает Харари, — осознать, что мы находимся на перепутье, и понять, куда ведут пути, простирающиеся перед нами. Мы не в силах остановить ход истории, но можем выбрать направление движения» [5]. Фундаментальную роль в этом выборе играет то, что в нас является принципиально человеческим, то чем ни животные, ни искусственный интеллект не обладают. Это «нравственный закон внутри нас» (И. Кант).

10. Кризис будет преодолен, если человек сумеет ответить на вопросы порядка, который он ранее делегировал Богу. Человек сначала пришел к Богу, потом он отказался от Бога (атеизм), а теперь эволюционировал к тому, что примеряет этот статус на себя. По крайней

мере, его достижения в геномной инженерии, в создании Искусственного Интеллекта, вообще в попытках создания иной формы жизни и разума делают его притязания соразмерными тем, которые во всех мировых религиях мира относились к божественному статусу.

11. Невозможно удалить глобальные проблемы из фокуса философии. Каково будущее социальных систем, экономики и политики, на которых они будут базироваться? Общество потребления — не единственная возможность социальной организации людей. Человечество или изменит эту организацию, или погибнет. По крайней мере, сегодня становятся все более очевидными угрожающие недостатки такой формы организации людей. Потребление становится изощреннее в роскоши, удовольствиях, но оно не становится качественно иным. В этом проблема капитализма, который ничего не предложил, кроме брендового потребления. А что будет, если люди отвернутся от такого потребления как от искаженной «нравственной пирамиды»? Например, меня не интересует статус вещи, меня интересует мое и другие Я! Ведь система брендового потребления — навязанная установка, она не встроена в природу *Homo Sapiens*. Стирается грань между богатыми и бедными не в деньгах, а в наслаждении. В этом плане капитализму нечего предложить *богатому* принципиально отличное от того, что он предлагает *бедному*. Капитализм изживает себя. С иной, экономической стороны к этому же выводу приходит и К. Валлерстайн в своей статье «Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным». Но опять-таки он в конечном счете видит все тот же этический выбор, который должны сделать люди, чтобы перейти к иной системе организации мироустройства: интеллектуального, экономического, политического. Он считает, что все, что мы можем предпринять, — это попытаться проанализировать исторические мнения, сделать свой моральный выбор касательно предпочтительного исхода и оценить оптимальную политическую тактику его достижения [6].

12. Капитализм эксплуатирует различные чувства: страха, стыда, секса, голода и др. При этом пытается «одеть» их в этически приемлемые формы или изменить сами эти формы и даже навязать совершенно новые. В свое время М. Вебер не без основания писал о связи западного капитализма с духом протестантской этики [7]. Возникает вопрос: На какой этической системе будет построена экономическая система общества, грядущего будущего?

13. Нам представляется, что нужна микрофилософия, изучающая человека в повседневности с его проблемами. Нужны ответы не только на глобальные, но и повседневные вопросы, хотя эти вопросы оказались рядоположенными, тесно соприкасающимися. При этом ответы

нужны всем: и детям, и взрослым и пожилым. Поэтому, наверное, не случайно появились новые философские практики, философские кафе, философия для детей. А гуру такого подхода к философии О. Бренифье пишет: «Истина коллективна, она не является ни индивидуальной, ни трансцендентальной, говорят прагматики, несомненно, в этом отношении они лучше выражают практическое измерение философствования, которое не является просто знанием, а всегда ноу-хау, знание того, как быть, как действовать, где благоразумие является конститутивной добродетелью» [8].

В заключение хотелось бы привести слова современного французского философа, ученика Ж. Делеза, Андре Масс-Стамберже: «А если Вы имеете в виду постмодернистские идеи о человеке как «машине желаний», поверхностном, ироничном любителе коллажей, — это все есть и остается актуальным, как и общество потребления в целом. Однако, учитывая невиданное наращивание виртуальной реальности и гиперреальности, тотальное проникновение этого феномена во все сферы жизни, может быть, и следует обосновать соответствующее дефиниции. Но выбор способа жизни — извечное и личное дело каждого. В планетарном масштабе я надеюсь на разумный выбор разумного человечества. Главное, чтобы человек остался Человеком! Верю, что наш парижский опыт практической философии хотя бы частично способствует этому!» [9, с. 286-287]. Думаем, что и наш крымский опыт может оказаться полезным.

Литература:

1. Черниговская Т. В. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.facebook.com/chernigovskayatatiana/?ref=page_internal (дата обращения: 22.05.2019).
2. Маркузе Г. Одномерный человек. — М.: REFL-book, 1994. — 368 с.
3. Хомский Н. 10 способов управления массами [Электронный ресурс] Режим доступа: (<https://philologist.livejournal.com/9793398.html>) (дата обращения: 22.05.2019).
4. Поршнев Б. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). — М.: «Мысль», 1974. — 487 с.
5. Харари Ю. Н. «Homo Deus. Краткая история будущего». — М.: Синдбад, 2019. — 496 с.
6. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным //Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. /Сборник статей. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 320 с.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 61-272.

8. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. — 2018. — № 1 (69). — С. 84.
9. Препотенская М. От café-philosophy — к горизонтам практической философии //Філософія освіти. Philosophy of Education. — 2017. — № 2 (21). — С. 276-288.

УДК 101

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГОРИЗОНТЕ XXI СТОЛЕТИЯ NEW PHILOSOPHY IN THE HORIZON OF THE XXI CENTURY

Лазарев Ф. В., доктор философских наук,
профессор кафедры
философии естественнонаучного профиля
философского факультета Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского.
Lazarev F. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Full Professor of the Department of Philosophy
of a Natural-science Taurida Academy,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье в сжатой форме представлен проект нового философского направления, который ставит перед собой задачу найти адекватные ответы на глобальные вызовы современной цивилизации. Отмеченное направление предлагается назвать «новая философия». Она представляет собой рефлексию над качественно новым способом человеческого бытия в горизонте современного цивилизационного развития. Важнейшей ее особенностью является практическая ориентированность. «Новая философия» предлагает свою философию истории, обновленную философскую антропологию и аксиологию, а также методологию многомерного видения и исследования реальности.

Annotation. The article briefly presents a project of a new philosophical direction, which aims to find adequate answers to the global challenges of modern civilization. The mentioned direction is proposed to be called «new philosophy». It is a reflection on a qualitatively new way of human existence in the horizon of modern civilizational development. Its most important feature is its practical orientation. «New philosophy» offers its own philosophy of history, updated philosophical anthropology and axiology, as well as the methodology of multidimensional vision and study of reality.

Ключевые слова: практическая философия, объект и субъект познания, родовая сущность человека, «новая философия», интервальный подход, сущностное бытие.

Keywords: practical philosophy, object and subject of cognition, generic essence of man, «new philosophy», interval approach, essential being.

Современная наука вступает в качественно новый этап своей многовековой эволюции. Это связано, прежде всего, с такой особенностью современных научно-технологических инноваций, как *конвергенция* технологий. Сходная конвергенция, вообще говоря, наблюдается еще с середины XX в., но до последнего времени взаимодействие технологий, появившихся на стыке разных наук отдельных отраслей знания, не вело к их *взаимопроникновению*. Сегодня ситуация меняется коренным образом. Процесс конвергенции приобретает особые черты именно благодаря указанному взаимопроникновению. В связи с этим можно выделить четыре измерения этого процесса. На наших глазах качественно меняются:

- *объект* познания;
- *субъект* познания;
- *технологии и средства* познания;
- *методология* познания.

Рассмотрим эти моменты подробнее.

Объект познания. Становление классической науки 17-18 вв. было связано с *аналитической* парадигмой изучения природы. Ученый посредством эксперимента и научной абстракции выделял простейшие элементы, части природного мира и их отдельные свойства. Это был метод расчленения и упрощения, метод поиска устойчивых связей и закономерностей в поведении вещей. Каждая наука в итоге находила и фиксировала свой особый предмет исследования — физический, химический, биологический, социальный и т. д. Сегодня объект научных изысканий приобретает новые черты — целостности, сложности, системности. Перед взором ученых открывается *новая реальность*. Речь идет о существовании *особого типа вещей* во всей их сложности и конкретности, в их взаимосвязи и взаимопроникновении. Здесь можно назвать такие сложные феномены, как биосфера, человек, мозг, культура, мир *cogito* и т. п. Ученые все больше имеют дело с такими объектами, в которых тонко переплетается живое и неживое, естественное и искусственное, деятельность мозга и функционирование компьютера.

В последние годы полным ходом развиваются научные направления, в которых осуществляется конвергенция биотехнологий с информационными, нано и когнитивными технологиями. Главной особенностью НБИК — конвергенции является сущностный синтез

разноуровневых технологий. Осуществляемое методологической мыслью вычленение нового типа исследуемой реальности порождает потребность в ее всестороннем философском осмыслении. Возникает необходимость и в ее терминологическом обозначении. В свое время философы открыли тип реальности, который они назвали «экзистенцией». Новую реальность современной науки мы предлагаем обозначить термином «коэксистенция». Важной особенностью последней является более тонкая диалектика субъект-объектных отношений. Следует отметить, что такая ситуация возникает и в ряде других познавательных контекстов современной культуры. Как отмечает Л. Морева, сегодня философская мысль «стремится выработать такое понимание, в котором дефетишизировано не только внешнее бытие, но прежде всего бытие внутреннее, дефетишизирован сам «центр» собственного мира, и в концепции мироздания «сохранено место» для свободы не только человека, но и мира, т. е. сохранено пространство для со-бытия, для подлинной встречи человека и мира в их протекании, становлении, бесконечной сложности и уникальности» [1].

Субъект познания. В классической науке субъектом познания выступает отдельная личность. Это — ученый, который исследует природу, как бы один-на-один со своим предметом. Так было во времена Ньютона, так было и во времена Эйнштейна. Тот факт, что в XX в. исследователь, как правило, работал в коллективе профессионалов (и поэтому субъектом, по сути, становится не отдельный человек, а группа), в данном аспекте не меняет статус гносеологической стороны дела. Сегодня ситуация становится существенно другой. Все чаще возникает такой тип задач и комплексных тем, работа над которыми отдельный ученый, например, физик, вынужден находиться в постоянном творческом контакте со специалистами других отраслей знания (химия, биология, психология, лингвистика и т. д.). Суть в том, что в данном случае коллектив отличается от отдельного специалиста не только количественно, но и качественно. Существует класс задач, с которыми ученый не может результативно работать и получать нужный инновационный продукт, не вступая в общение с профессионалами, представляющими другие науки и научные школы. Все они нуждаются друг в друге, образуя единое целое. Это целое — особый интеллектуальный ансамбль, который нуждается в дирижере. Таковым выступает *методолог*. Этот последний, для того чтобы эффективно выполнять свою функцию, должен иметь четкую методологическую модель, которая раскрывала бы основные принципы диалога в научном дискурсе. Такой моделью, в частности, может служить *интервальный подход* [2].

Технологии и средства познания. В эпоху ускорения процессов конвергенции резко меняется технологическая оснащенность исследовательской работы. НБИК — конвергенция приводит к созданию предсказуемых и контролируемых моделей человеческого поведения. Вместе с тем, современные «умные машины» имитируют не только двигательную активность и физические, технологические, трудовые операции человека, но и его интеллектуальные, эмоциональные и коммуникативные действия [3]. Робот уподобляется человеку. Но и человек, все шире пользуясь современными технологиями, в чем-то уподобляется роботу. Современные концепции технократизма (К. Штайнбурх, Г. Краух, Дж. Г. Гэлбрейт и др.) обращают внимание на исключительную роль техники и технологий не только в сфере материальной деятельности людей, но и в развитии социальной жизни общества, его духовной культуры, его аксиосферы.

Методология познания. Очевидно, что развитие и расширение масштабов современной инновационной деятельности порождает потребность в выработке соответствующих методологических инструментов и подходов. Переход от аналитической парадигмы к синтетической как современная стратегия научного разума, установка на познание целого, сложного, системно организованного, все это требует поиска новых способов интеллектуального проникновения в объект исследования. В свете процессов конвергенции возникает потребность в существенно новой методологии исследования — методологии *синтеза* и движения мысли вглубь предмета сквозь пласты, искусственно абстрагированных структур, уровней, моделей, полученных на предшествующих этапах познания. При этом сохраняется общее эпистемологическое правило: подобно тому, как метод расчленения целого посредством абстрагирования только тогда был успешным, когда он соответствовал самой структуре реальности, подобно этому и все процедуры концептуального синтезирования это вовсе не привнесение субъектом своего видения мира в картину объекта. Как говорит К. Маркс, истинным должен быть сам путь отыскания истины.

Парадокс Коллингриджа. В контексте того, что поток инновационных достижений движется со все возрастающей скоростью, возникает явление, которое часто называют «дилеммой Коллингриджа». Суть этого явления заключается в том, что возникает непреодолимый разрыв между временем открытия или внедрения той или иной инновационной технологии и временем осмысления ее реального влияния на все стороны жизни общества. Ведь очевидно, что всю меру рисков и побочных негативных эффектов от внедре-

ния той или иной инновационной идеи можно узнать лишь на практике, но к тому времени, когда соответствующий опыт применения технологии будет приобретен, эти риски и эффекты могут стать необратимыми из-за их масштабов и глубины воздействия на человека и окружающую среду [3, с. 200].

Опережающая функция философии в горизонте XXI столетия

Современная философская культура переживает новый этап своей эволюции. Это связано с особенностями современного научно-технического прогресса и глубинными кризисами глобального мира. На наших глазах формируется новый тип философского мышления, связанный с появлением опережающей функции философской аналитики. Эта опережающая функция — не благое пожелание. Потребность в ней, в частности, вытекает из парадокса Коллингриджа. Обнаружился фундаментальный цивилизационный кризис современного технократического общества: разрыв между «делать» и «понимать». Может ли философия взять на себя задачу преодоления парадокса Коллингриджа и других противоречий современной эпохи? Какие возможности могут быть использованы в сфере философской аналитики? Здесь следует выделить три момента:

- 1) введение исследуемой проблемы, связанной с внедрением тех или иных инноваций, в *нравственное измерение*;
- 2) формирование *моделей будущего* средствами философского дискурса;
- 3) новая, адекватная времени методология исследования — рассмотрение возникающих проблемных ситуаций на основе *интервального подхода* [4].

Философия: возможность ренессанса. Центральная проблема познания — это диалектика субъект-объектных отношений. В разные эпохи эта проблема ставилась и обсуждалась в философии в разных ракурсах. Древние греки сосредоточили философскую мысль прежде всего на *объекте*. В центре их размышлений находилось *бытие, природа*. Философия Нового времени в лице Декарта, Беркли, Юма и Канта обращается к *субъекту*, открывая новую философскую реальность — мир *cogito*. В XX в. мы наблюдаем поворот философской рефлексии к проблемам природы человека.

Персонализм, экзистенциализм и философская антропология фокусируют свое внимание на многомерной природе субъективной реальности, на экзистенциальном слое бытия человека в его фундаментальной онтологической специфичности. Экзистенция — это человеческий способ быть в мире, сопряженный с проектированием

себя и конституированием имманентного единства человеческой жизнедеятельности на основе смыслообразующих структур субъективности. В XXI в. наука в контексте процессов конвергенции открывает, как уже отмечалось, новую реальность «человек-мир» как единое, но расчлененное внутри себя целое — коэкзистенцию.

Философия античности была результатом своеобразных социальных и культурных процессов. Здесь слились воедино два фундаментальных фактора. Первый фактор отсылает нас к социально-политическому контексту. Философия, как и греческий разум в целом, — порождение *полиса* как первой и самой ранней формы демократии. Философия неотделима от духа свободы и свободомыслия, от бескорыстного, ничем не стесняемого поиска истины. Полис — это смыслопорождающий топос, имеющий свои специфические социально-политические структуры и традиции. «Свобода в ее философском истолковании — такое условие человеческой жизни, которое только и может его приблизить к истине, добру и красоте, т. е. делает возможным существование науки, морали и искусства» [5]. Второй фактор, породивший философию как форму духа, связан с культурным аспектом. На определенном этапе своей культурной эволюции древние греки обратились к мыслительным накоплениям ближайших к ним цивилизаций. В особенности это касалось Древнего Египта. Но греки увидели богатство идей и открытий соседних народов не «изнутри», а как бы со стороны, т. е. со своей собственной познавательной позиции. Эта новая перспектива видения позволила усмотреть в лучших интеллектуальных достижениях соседей особый познавательный потенциал, который они в конечном счете реализовали в виде качественно новой формы духовного производства — философии. Успешная разработка этого слоя знания явилась своего рода ренессансом в эволюции общечеловеческой мыслительной культуры.

Однажды возникнув, философия как бы упреждает появление науки и вместе с тем открывает интеллектуальный простор для ее последующего развития. Не случайно, что многие отрасли знания в начале формируются в лоне философии и лишь на определенном этапе «отпочковываются» в нечто самостоятельное. Этот процесс «отпочковывания» для некоторых наук (например, логика, психология, социология) занял многие столетия и даже тысячелетия.

В XXI в. мы видим очевидные признаки нового ренессанса философии. Но ситуация здесь существенно другая. Если в древности философия как бы предвляла возникновение наук, то сегодня бурное развитие ИТ-технологий дает толчок новому витку самого философского знания.

Некоторое время тому назад был опубликован 50-й, юбилейный доклад Римского клуба, в котором анализируются губительные угрозы нынешнего развития земной цивилизации и ставится вопрос о «философских корнях текущего состояния мира», о необходимости «новой философии» существования людей на земле. В чем можно усмотреть в анализируемом здесь контексте суть этой «новой философии»? Очевидно, прежде всего в том, что подобная философия должна быть *практической*.

В последнее время много спорят о том, что означает понятие «практическая философия». Здесь наметились две тенденции в толковании этого вопроса. Одни видят суть практической философии в том, что она, подобно современной науке, все больше погружается в прикладную область, в сферу «мирских интересов» коммерциализации и прагматизма. (Это видно на примере современной «прикладной социологии»). Этот процесс обмирщвления философии имеет, однако, одну опасность: он может подточить изнутри самую суть философии как рефлексивной основы всей культуры, ее критическую и проективную функцию.

Другие видят практичность философии в том, что она должна порвать с традицией рассуждать на абстрактные темы, оторванные от насущных проблем современной цивилизации. Но что значит встать лицом к таким проблемам? Прежде всего, речь идет о том, что мы должны заново в новых исторических реалиях осмыслить самую извечную из загадок философского ума — *загадку человека*. Необходимо по-новому понять *универсальную природу* родовой сущности Homo sapiens. Акцент на универсальном общечеловеческом аспекте — главный мотив и интенция нового подхода. При этом универсальное в индивиде не противостоит уникальному, а образует с ним органическое единство. Современное человечество, погруженное в мир коммерции, потребительских интересов и агрессивного индивидуализма, должно радикально изменить всю доминирующую сегодня *систему ценностей*. Если в образной форме метафизически сформулировать суть и цель трансформации, господствующей в мире аксиосферы, то можно сказать: человек должен стать богом. От стратегии адаптации к природной и социальной сфере, от убогого прагматизма человек должен перейти, опираясь на универсальный характер своих сущностных сил, к стратегии служения высшим ценностям, к сбережению окружающей среды, культуры и самого человека, к гармонии и коэволюции. Разработка современного подхода к указанным проблемам — цель и замысел новой философии как практической в высшем смысле этого слова.

Если первой особенностью «новой философии» является ее практическая ориентированность, то вторая ее особенность заключается в том, что это есть философия перехода *от сущего к должному*. Рутинное функционирование сущего в потоке истории не нуждается ни в какой философии. Здесь все решает «невидимая рука» рынка или «невидимая рука» любой другой самоорганизующей системы социума. При подобном положении дел в обществе господствует дух прагматизма и стратегия адаптации к жестко заданным условиям. Последние выступают для массовидного человека как абсолютная данность. В такой ситуации философия чувствует себя сиротливой, никому не нужной. Проблема перехода от сущего к должному возникает тогда, когда сущее исчерпало свой потенциал, когда обнаружились острые противоречия и кризисы, назрела необходимость в обновлении всех сфер жизни. Возникает потребность в проектировании новых способов бытия людей, потребность в теоретическом построении альтернативного, идеального плана реальности. А это — дело философии. Возникающая объективная потребность перехода к должному естественным образом предполагает выработку *образа должного* применительно к данным историческим условиям.

В первой половине XX в. философы-экзистенциалисты, анализируя глубинные кризисы цивилизаций той эпохи, сформулировали тезис о существовании в жизни людей двух планов бытия: подлинного и неподлинного. Переход человека к подлинному бытию означал, что личность осознает в себе потенциал абсолютной свободы и ответственности, абсолютную ценность индивидуального «Я» как экзистенции. Сегодня назрела задача реализации в человеке такого пласта бытия, который связан не только со свободой, но со всем богатством сущностных сил человека.

В глобализирующемся мире назрела необходимость не только в реформе акиосферы, но и базовых принципах управления. Речь идет о выработке масштабного, поистине философского понимания механизмов принятия решений и проблем управления как отдельным социумом, так и мировой цивилизацией в целом. Именно таков императив не только полноценного существования, но и выживания человечества. Кризис планетарной цивилизации в наше время — это во многом результат прагматически ориентированных стереотипов политического мышления лидеров ведущих стран западного мира. Разумеется, речь идет не только о важности адекватной современным условиям системы ценностей и принципов управления, но и о необходимости соответствующей методологической культуры. Под вопрос поставлена сама историческая судьба человека как родового существа, сохранится ли он в своей аутентичности или же пре-

вратится в постчеловека. Можно сказать: «новая философия» — это рефлексия над качественно новым способом человеческого бытия в горизонте современного цивилизационного сдвига. Она предполагает свою философию истории, обновленную антропологию и аксиологию, а также методологию многомерного видения и исследования реальности. Философия истории выстраивается здесь на двух основаниях. Первым таким основанием выступает теория локальных цивилизаций, восходящая к учению о культурно-исторических типах Н. Данилевского [6] и противостоящая монистическому пониманию истории. Мировая история не является единым, целостным, односторонним потоком движения человечества по восходящей линии прогресса, при котором одни народы в силу тех или иных причин вырываются вперед и как бы встают во главе прогресса, а другие народы вынуждены догонять наиболее передовые страны. В своем существовании в глобальном времени человечество представляет собой многомерную конфигурацию, распадаясь на множество крупных социокультурных целостностей, каждая из которых имеет свое время появления, расцвета и увядания, свои традиции, ценности и смыслы. Исторический процесс есть история взаимодействия, противоборства и «столкновения» цивилизаций.

Вторым основанием новой философии истории является философско-антропологическая гипотеза о том, что существование человека имеет три фундаментальных измерения:

- мир повседневности (с его принципом адаптации);
- экзистенция (с ее принципом ответственности);
- сущностное бытие (с его принципом универсальности сущностных сил человека, принципом гармонии и коррелятивности «человек-мир»).

Для понимания метафизики сущностного измерения человеческого бытия принципиально важной является категория *универсальности*. Это касается таких понятий, как универсальные ценности, универсальная природа родовой сущности человека и др. В этом контексте ключевую роль играет категория *универсалия*, которая структурирует способы существования вещей и порядки бытия, а также на социальном уровне задает смысл универсалиям культуры. Рассмотрим, например, основные характеристики такого феномена, как универсальная ценность:

Ценность, в которой есть элемент абсолютного, последний не может быть релятивизирован относительно каких-то конечных контекстов (истина, свобода, гармония и т. д.):

- ценность, которая измеряется универсальным масштабом, т. е. масштабом, задаваемым *структурой самой реальности* в ее целостности;

- ценность, имеющая объективные истоки и основания (например, истина, которая по определению зависит от устройства универсума и отражает ту или иную его сторону);

- ценность, которая носит конститутивный характер, т. е. является смыслопорождающей предпосылкой, которая сама себя полагает и обосновывает, так что ее отрицание ведет к парадоксу (например, отрицание возможности истины само должно быть истинным или ложным).

Новая аксиология предполагает *сущностную трактовку* природы человека. В своей жизненной практике человек не только обращается к высшим и вечным ценностям, он впитывает все бесконечное разнообразие мира, выбирая стратегию актуального и духовного бытия. Человек, как житель космоса — не бездомное существо, не сирота бытия, скорее, он — загадочная вещь из «точки сингулярности», когда все только начиналось, когда зарождалась сама Вселенная. Как гласит антропный принцип в космологии, наша Вселенная такова, что в ней возможен наблюдатель. Человеческая жизнь — высшая ценность и великий дар. Осознание каждым индивидом и обществом в целом самоценности этого дара есть основание, ведущее к слиянию космического, соборного и личностного начал в человеке.

Что касается эффективной методологии, которая могла бы быть взята на вооружение и учеными, и управленцами, и политиками, то в качестве примера можно указать на интервальный подход. Последний формировался прежде всего в контексте философского осмысления проблемы релятивизма и плюрализма в развитии современного научного знания.

Первым шагом на этом пути было осознание *историчности* познающего субъекта как факт принципиальной предпосылочности человеческого мышления: будучи погруженным в историческую реальность той или иной эпохи, познающий не может абстрагироваться в процессе гуманитарного познания от своей исторической ограниченности, от тех неосознаваемых установок (и предрассудков), которые выступают в качестве «исторического а priori». Аналогично стало проясняться и другое важное эпистемологическое обстоятельство: человеческое сознание может предопределяться социальными детерминантами — классовой или сословной принадлежностью, формами деятельности и т. п. (Маркс в этом контексте выдвинул свой знаменитый тезис: общественное бытие людей определяет их общественное сознание). Духовный и социально-исторический горизонт индивида, замкнутого на

систему существующих социальных отношений, оказывается принципиально ограниченным. В связи с этим перед философией возникает задача с помощью методологической рефлексии вскрыть основания «социального а priori», шире дать критику господствующей идеологии, показать социально-экономическую мотивированность ее мнимо общечеловеческого и вневременного содержания. Позднее была обнаружена и еще одна линия детерминации познания — ее культурная обусловленность («культурное а priori»).

В свете сказанного становится понятным и тот шаг, который делает в этой связи интервальная эпистемология: во первых, она, опираясь на крупнейшие открытия в области современного естествознания, вскрывает предпосылки познания, коренящиеся в онтологической структуре физической реальности, такие «условия познания», которые необходимым образом входят в его результат, в самую истину; во-вторых, она обнаруживает общность природы познавательных предпосылок во всех сферах познания, универсальность понятия «познавательной позиции» и «интервала абстракции» (как для естественнонаучного, так и гуманитарного познания); в-третьих, она позволяет выявить механизм состыковки субъективных и объективных условий мыслимости объекта познания. Единство тех и других как раз и фиксируется в понятии *познавательной позиции*.

Последняя предполагает, во-первых, внутренний, субъективный момент, выражаемый наличием у субъекта в любом познавательном акте той или иной интеллектуальной перспективы, а во-вторых, внешний, объективный момент, связанный с выбранным (из множества возможных) интервалом рассмотрения. Другими словами, познавательная позиция включает в себя важное в гносеологическом отношении качество: с одной стороны, она есть некоторая «точка отсчета» познающего субъекта, задающая перспективу видения реальности, с другой стороны, нечто, извне детерминируемое, некая мера, предопределяющая объективность смысла наших «образов» действительности и обуславливающая масштаб подхода к изучаемому предмету, его проекция или измерение, высвечиваемое субъектом с помощью имеющихся у него предметно-практических и концептуальных средств. Объективно задаваемую познавательную позицию можно обозначить как «смыслообразующий интервал».

Принцип интервальности (многомерности мышления) по своему эпистемологическому содержанию в сущности означает принятие следующих допущений:

- любое рациональное описание реальности (как природной, так и социальной) должно удовлетворять требованию легитимного обоснования;

- эпистемологически невозможно описание исследуемой системы самой по себе без учета объективных условий и познавательных предпосылок, с которыми связан субъект и которые определяют его познавательную позицию;

- каждый язык описания способен отобразить лишь какой-то один интервал, одно измерение реальности;

- неустраняемая множественность «точек зрения» на одну и ту же реальность означает невозможность существования абсолютной точки зрения, с которой открывался бы «вид» на всю реальность;

- в практике познания возможно существование системы (конфигурации) различных, рационально увязанных между собой интервалов описания, при этом каждый из них имеет свой набор концептов и свою собственную семантику;

- описание в рамках любого интервала подчиняется закону непротиворечивости, однако описания в разных интервалах могут противоречить друг другу.

«Новая философия» является ответом на вызовы современного мира: 1) «столкновение цивилизаций», 2) доминирование массовой культуры, 3) угроза расчеловечивания человека, 4) распад классической системы ценностей. Массовая культура, этот чудовищный постмодернистский мутант, нуждается сегодня в глубоком критическом анализе. Прежде всего, следует, видимо, отказаться от самого этого термина, ввиду его многозначности и дискуссионности. Мы предлагаем термин «псевдокультура» или «шизокультура», подчеркивая тем самым поврежденную, болезненную природу этого феномена.

Своеобразие каждой локальной цивилизации определяется характерным для нее соотношением указанных выше фундаментальных измерений бытия человека. Неповторимая конфигурация этих измерений образует ее культурный код. В одних цивилизациях преобладают миры повседневности, в других — экзистенциальные мотивы, настроения и интенции, в третьих особую роль играет сущностное, универсальное, трансцендентное начало. Цивилизация, которая клонится к «закату», постепенно трансформирует свой культурный код. Так, в Западной Европе в первой половине XX в. в духовной жизни были сильны экзистенциальные настроения. Сегодня Европа погрузилась в сферу обыденных практик и вульгарного прагматизма.

Для российской цивилизации при всей противоречивости ее истории характерен примат сущностных измерений жизни общества. Ее

культурный код включает в себя следующие основополагающие черты и принципы:

- принцип соборности;
- всемирная отзывчивость русского духа;
- принцип приоритета общечеловеческих ценностей культуры;
- принцип справедливости;
- верховенство морали над правом. [7].

Разумеется, в разные исторические эпохи эти черты и принципы определенным образом варьировались, образуя те или иные конфигурации, но постоянно оставалось одно — приверженность высшим ценностям. В 1991 г. «либералами» была предпринята попытка взломать наш культурный код, подчинив не только материальную, но и духовную жизнь народа установкам рыночной идеологии на обогащение. Алчность, социальный паразитизм, бездуховность стали новыми идеалами. Сегодня наше общество переживает момент духовного возрождения и возвращения к исконным нравственным началам Русского мира. Духовность вновь входит в наш Град, в наш ум и сердце.

Литература

- Морева Л. Интеллектуальные коллизии философствования // Интеллект, воображение, интуиция: размышления о горизонтах сознания. — С. — Петербург, 2001. — С. 301-302.
- Кураев В. И., Лазарев Ф. В. Точность, истина и рост знания. — М.: Наука. 1988.
- Звездный час философии // Вопросы философии. — 2015. — №12. — С. 199.
- Лазарев Ф. В. Основания интервальной эпистемологии // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Политология. Культурология». — 2001. — Т. 14(53). — №1. С. 3-13.
- Межуев В. М. Нужна ли сегодня философия? // Вестник РФО. — 2003. — №2. — С. 104.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд-во «Глагол», С.-Петербург. 1995.
- Лазарев Ф. В. Русский мир в XXI столетии: новый цивилизационный проект // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Политология. Культурология». — 2018. — Т. 4 (70). — №2. — С. 3-15.

II. ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 125

ПРИНЦИПЫ КВАНТОВОЙ ФИЗИКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ НА МАКРОМИР

THE PRINCIPLES OF QUANTUM PHYSICS: PROSPECTS FOR METHODOLOGICAL EXTENSIONS TO THE MACROCOSM

Акимова Я. Е., аспирант кафедры общей физики
Физико-Технического института Крымского
Федерального Университета
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Akimova YA. E., postgraduate student
Department of General Physics,
Physical-Technical Institute, V. I. Vernadsky CFU

Аннотация. В данной работе рассмотрен ряд современных проблем и достижений квантовой механики, а также описана модель и технические возможности квантового компьютера. Однако, в статье автор рассматривает не только лишь его технические возможности, но также один из основных философских вопросов, что такое реальность.

Annotation. In this paper, we consider a number of modern problems and achievements of quantum mechanics, as well as the model and technical capabilities of the quantum computer. However, in the article the authors consider not only its technical capabilities and directions, but also one of the main philosophical questions, what is reality.

Ключевые слова: квантовый компьютер, параллельные Вселенные, методология.

Keywords: quantum computer, parallel Universes, methodology.

На протяжении всего периода становления современной науки принцип универсальности занимает одно из главных мест, по той причине, что помогает свести сложный и многообразный мир к более простой и понятной форме. Так, данный принцип подразумевает возможность применения выдвинутой гипотезы к другим более общим явлениям, чем на основе которых она была сформулирована.

Считается, что одной из претенденток на данное звание является квантовая механика. Она способна объединить в себе все четыре фундаментальные взаимодействия в природе: гравитационное, электромаг-

нитное, сильное ядерное и слабое ядерное взаимодействие [1]. Однако само открытие квантовой механики, а именно то, что она была открыта на уровне микромира и то, что все ее законы широко описываются именно на примерах элементарных частиц, достаточно часто многих вводит в заблуждение, согласно которому данная теория не применима к объектам макромира. Это происходит по той причине, что единой математической модели, применимой как к объектам макро— так и микромира, нет. Так, уравнения, лежащие в основе квантовой механики, применимы лишь к объектам и расстояниям лежащих в пределах постоянной Планка. Все попытки применения данных уравнений к окружающему нас миру приводят к возникновению таких понятий, как декогеренция, квазиклассический предел и т. д., что с математической точки зрения приводит к переходу квантовой механики в классическую. Как говорил в своем докладе «Физика и геометрия», Лауреат Философской премии Эдвард Виттен: «Дело обстоит примерно так, как если бы удалось сформулировать общую теорию относительности в каких-нибудь искусственных терминах, не ведая ничего о римановой геометрии как математического аппарата теории гравитации. Сама мысль о формулировке общей теории относительности без римановой геометрии кажется странной, но именно такая ситуация сложилась в струнной теории» [2, с. 397]. Как можно заметить, данная ситуация в точности описывает и проблему квантовой механики. Однако, сложившаяся ситуация (а именно отсутствие единой математической модели) абсолютно не мешает наблюдать нам на уровне макромира такие квантовые проявления как, например, магнитную левитацию над охлажденным сверхпроводником или сверхтекучесть гелия [3].

Нужно отметить, что отсутствие в свое время уравнения для водяного колеса не помешало его созданию. Так, для применения законов квантовой механики к реальному миру (с целью описания того же человека в социуме [4]) некоторые ученые используют понятие фрактальности системы или ее структурирование (т. е. выбирается общая система, которая разбивается на замкнутые исследуемые подсистемы, что, в свою очередь, дает возможность использования квантовой механики в масштабах макромира).

Таким образом, вследствие применимости квантовой механики как к макро- так и микромиру возникает вопрос: а нельзя ли посмотреть на одну из главных задач современной науки, а именно, создание квантового компьютера, под другим углом зрения? Не просто как на прибор, вычислительную машину, способную облегчить наше существование, а как на нечто большее. Что, если именно квантовый компьютер является тем самым «пятым элементом», которого нам так не хватает для осознания самой реальности?

Пятый элемент или обычная вычислительная машина?

В настоящее время в квантовой механике основной упор делается на создание квантового компьютера. Полагают, что возможности, которые открываются с его созданием, безграничны [5, 6]. Это объясняется тем, что в качестве своей основы он уже будет использовать не обычные классические биты (способные находиться лишь в одном из двух состояний), а квантовые кубиты, то есть элементарные частицы способные находиться одновременно в двух состояниях системы. И в общем случае « n » кубитов может существовать в 2^n разных состояниях одновременно. При этом изменение состояния одного такого кубита приводит к изменению состояния другого абсолютно мгновенно на противоположное. То есть, как в свое время говорил Р. Фейнман, это уже будет не просто компьютер, а компьютер, способный делать то же, что и сама природа [7, 8].

В свою очередь, нужно отметить, что первый аналог квантового компьютера уже имеется в онлайн доступе. В 2019 году компания IBM представила первый квантовый компьютер, способный решать обычные квантовые задачи и рассчитывать относительно простые состояния биологических и химических реакций. И, несмотря на то, что данный квантовый компьютер еще очень далек от совершенства, как можно заметить, это уже не просто лабораторная установка или теоретическая разработка [9].

Однако давайте все же попробуем посмотреть на квантовый компьютер не просто как на вычислительную машину.

Неоднократно в своих книгах [10, 11] один из выдающихся физиков современности Ст. Хокинг выступал в поддержку многомировой интерпретации квантовой механики. Исходя из его размышлений, во время Большого Взрыва могло образоваться множество параллельных вселенных, и кротовые норы могут являться неким переходом в другую альтернативную реальность. Так, в своей последней работе [12], поданной в журнал *Journal of High-Energy Physics* накануне смерти, Хокинг предоставил последнюю версию возникновения Вселенной и помимо решения ряда парадоксов самой квантовой механики предоставил предпосылки многим ученым для поиска мультивселенных.

По существу, проблема заключается в том, что согласно классическим представлениям физики, существует лишь одна концепция мира, одна объективная реальность (хоть и с учетом теории относительности). В то время как квантовая теория указывает на возможность существования не только лишь одной реальности, а множества миров с разной степенью квантовой запутанности.

Возвращаясь к возможности создания квантового компьютера, отметим, что в работе [13] физика-теоретика Д. Дойча был представ-

лен материал, косвенно доказывающего гипотезу существования мультиверса или параллельных вселенных, сделанный именно при его помощи. Ученый объясняет это на примере алгоритма Шора, способного раскладывать большие числа на два простых множителя, что весьма широко используется в криптографии. При помощи данной методики можно как кодировать, так и взламывать информацию (для примера можно получить доступ к вашей кредитной карточке). Так, особенность в данном случае заключается в том, что даже при разложении 250-значного числа на многочлены квантовый компьютер задействует единиц, в то время как общее число атомов во Вселенной составляет всего единиц. При этом сам алгоритм Шора дает абсолютно реальный результат. Именно это навело Д. Дойча на вопрос: где же тогда квантовый компьютер проводит свои измерения, если в самой Вселенной попросту не хватает места, даже с учетом того, что будет использован каждый ее атом. Вследствие этого Д. Дойч делает предположение о существовании параллельных Вселенных.

Так, при анализе таких работ на ум приходит опыт Т. Юнга, а точнее его интерпретация (интерференция единичного электрона на металлической преграде с двумя отверстиями). Как известно, в ходе данного опыта был открыт «эффект наблюдателя». Впоследствии было выдвинуто мнение, что причина, по которой мы не можем зафиксировать двойственные свойства электрона, возможность электрона находиться в суперпозиции (в двух местах одновременно) объясняется использованием не квантового прибора на эксперименте. И если бы мы могли создать устройство, работающее на принципах квантовой механики, то смоли бы решить данную проблему.

Вследствие этого, анализируя возможности существования альтернативных реальностей и проблему их абсолютного доказательства, возникает вопрос: а что если нам также просто лишь не хватает такого прибора? Ведь наши органы чувств, позволяющие нам увидеть, услышать, почувствовать (глаза, уши, кожа), соответствуют всего лишь обычным приборам классической физики.

Заключение

Как было отмечено в данной работе, область применения квантовой механики не ограничивается лишь микромиром. Сейчас мы находимся на пороге второй квантовой революции, основной упор которой конечно направлен на создание технических приборов, способствующих развитию современной науки. Однако также не стоит забывать и о возможностях ее применения и к другим областям науки. Это может быть как социология (поведения людей в обществе, спутанность их состояний), так и биология, и химия (многократные

попытки понять возникновение и работу человеческого сознания). В то же время, как было замечено, возможно, именно квантовая механика сможет помочь ответить и на такой фундаментальный вопрос как, что такое реальность. Таким образом, становится понятным, что перспективы расширения принципов квантовой механики как на микро, так и на макромиры безграничны.

Литература

1. *Wheeler J. A.* Quantum Theory and Measurement / Wheeler J. A., Zurek W. H. — Princeton University Press.: Princeton, N. J.: Princeton, 1983. — 230 p.
2. Международный конгресс математиков в Беркли, 1986: Обзор докладов. / Пер. с нем. и англ. В. М. Тихомирова. — М.: Мир, 1991. — 454 с.
3. *T. Kovachy* Quantum superposition at the half-metre scale / T. Kovachy // *Nature*. — 2015. 57. 429 — 431 pp.
4. *В. М. Еськов, В. В. Еськов, Т. В. Гавриленко, М. И. Зимин.* Неопределенность в квантовой механике и биофизике сложных систем. — ВМУ. Серия 3. // *ФИЗИКА. АСТРОНОМИЯ*. — 2014. — № 5. — С. 41-46.
5. *Ллойд С.* Программируя Вселенную. Квантовый компьютер и будущее науки. М. Альпина нон-фикшн; 2014. ISBN 978-5-91671-270-4, 978-5-91671-324-4
6. *Стин Э.* Основы квантовых вычислений / Стин Э. // *Квантовые компьютеры и квантовые вычисления*. — Т. 2. — 2001. — №3. — 57 с.
7. *Feynman R.* Simulating physics with computers / Feynman R. // *International Journal of Theoretical Physics*. Vol. 21. No 6/7. — 1982. 467 — 488 pp.
8. *Feynman R.* Quantum mechanical computers/ Feynman R. // *Foundations of Physics*. Vol. 16. — 1986. 507 — 531 pp.
9. Портал новостей: О изобретении квантового компьютера от 11 января 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://3dnews.ru/980890>.
10. *Хокинг Ст.* Высший замысел, взгляд астрофизика на сотворение мира / Хокинг Ст., Миодинов Л. — М.: АСТ, 2017. — 208 с.
11. *С. Хокинг* Черные дыры и молодые вселенные / С. Хокинг. — АСТ.: Москва. — 2017. — 200 с.
12. *Hawking S. W.* A Smooth Exit from Eternal Inflation? / Hawking S. W., Hertog T. // *Journal of High Energy Physics*. — 2018. 147. 1 — 17 pp.
13. *David Deutsch.* The Fabric of Reality Allen lane the penguin press. /Пер. с англ. Н. А. Зубченко. /Под общей ред. В. А. Садовниченко. — РХД.: Москва — Ижевск. — 2001. — 201 с.

УДК 124.1

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «СКРУЧЕННОГО СВЕТА»: СМЕНА ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ABOUT FEATURES «TWISTED LIGHT»: CHANGE PHILOSOPHICAL METHODOLOGY

Брецько М. В., аспирант кафедры общей физики
Физико-Технического института
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Bretsko M. V., postgraduate student
Department of General Physics,
Physical-Technical Institute, V. I. Vernadsky CFU

Аннотация. В работе рассмотрен новый подход в изучении свойств скрученного светового потока, основанный на диалектическом сравнении понятий тьмы и света. Показаны основные представления, при которых стал возможным данный подход, а именно переход от метафизического взгляда на диалектический.

Annotation. The paper considers a new approach to the study of the properties of monochromatic laser radiation, based on a dialectical comparison of the concepts of darkness and light. The basic ideas are shown under which this approach became possible, namely the transition from a metaphysical view to a dialectical one.

Ключевые слова: метафизика, диалектика, ценностные представления.
Keywords: metaphysics, dialectics, value ideas.

В 2004 году ученые из университета Глазго и Бристоля представили теоретический и экспериментальный расчет, который помог дополнить знания о особенностях так называемого «скрученного света» [1]. Скрученный свет можно наблюдать в потоке монохроматического света, к примеру, при прохождении лазерного излучения через среду с единичным дефектом [2]. По своей структуре в поперечном сечении лазерного луча скрученный свет принимает вид тора, в центре которого находится минимум интенсивности, а на периферии интенсивность принимает максимальное значение [3]. Но существуют и исключения, когда подобными свойствами — скрученностью обладает и обычный белый свет. Впервые о данном эффекте заявил профессор из Физико-технического института Крымского федерального университета А. В. Воляр с командой. Они продемонстрировали данный эффект, пропустив сфокусированный белый свет через одноосный кристалл LiNbO₃ [4]. Это исследование показало, что скрученность является еще одной природной составляющей обычного белого света.

В действительности когерентный сингулярный пучок, как правило, содержит множество оптических вихрей, даже если он сформирован

рован специальным голографическим фильтром [5]. Исходя из этого был рассмотрен случай, когда нелинейная среда, обладая несколькими дефектами, воздействует на когерентные световые волны так, что проходя через эту среду лучи света накладываются друг на друга, образуя, так называемые «speckle» картины, что дословно означает «крапинки». В таких «крапинках» свет, как правило, отсутствует. При наблюдении такой картины на различных расстояниях наблюдается эффект, который обусловлен сменой «крапинок» на «sparkle», что дословно означает «искры» света [6]. Говоря иначе, при удалении наблюдателя от рассеянного лазерного излучения после нелинейной среды возникает эффект, обусловленный сменой точек света на точки тьмы и наоборот. Такой новый взгляд на концепцию взаимодействия света и тьмы с точки зрения представленного эксперимента позволяет нам дополнить уже имеющиеся знания о свете, как о явлении. Мы полагаем, что данное открытие стало возможным не только потому что современная наука получила высокотехнологическое оборудование, но и вследствие изменений подходов и методов в науке, а точнее: отказ от метафизического взгляда и его замена диалектическим.

Вообще говоря, сам по себе данный подход в изучении объекта или явления с помощью выяснения знания свойств о его противоположности — достаточно редкий в науке, хотя и имеет место быть [7, с. 91-92]. К примеру, в математике попытка изучения бесконечных множеств осуществлялась через перенос свойств конечного по аналогии [8, с. 233-234] на бесконечность. Такой подход, как правило, используется лишь тогда, когда мы, по сути, ничего не знаем об объекте и его свойствах, или другие способы исчерпали себя.

Таким образом, целью данной работы явилось рассмотрение представлений, при которых стал возможным подход в изучении света через его противоположность — тьму.

Благодаря работам известных исследователей в области философии науки, таких как Т. Кун, В. С. Степин и других, стало ясно, что научные знания не являются чем-то постоянным, неизменным, главным образом, они являются отражением культуры. Главенствующее место в философии до конца эпохи Средних веков занимал теоцентризм, где любая проблема рассматривалась с позиций христианства. В эту эпоху понятие «свет» имело деление на тварный и нетварный, то есть материальный и духовный. Все, кто следовал заповедям Божиим, могли обрести бессмертие — светносную частицу: «И вот благовестие, которое мы слышали от него и возвращаем вам. Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» [9, Иоанна 1:5]. Мы полагаем, что данную цитату стоит рассматривать не только с позиции того, что заниматься изучением свойств света в эпоху Средневековья невероятно популяр-

но и престижно («философы и историки науки единодушно отмечают ведущее положение «оптики» и «метафизики света» в системе зрелого средневекового знания... приблизиться к Богу как свету всех вещей» [10, с. 88]), но также цитата из Библии четко указывает, что свет невозможно в принципе рассматривать через тьму, что полностью соответствует принципам метафизического метода.

Смена метафизического подхода на диалектический стала возможной лишь в результате формирования диалектического метода В. Ф. Гегеля, одна из идей которого заключалась в получении знаний о явлении с помощью выявления противоречия. Человек и окружающий его мир, предметы содержат в себе противоположности, считается что каждое явление состоит из противоположных элементов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом и при этом не могут существовать без друг друга.

Таким образом, на описанном примере мы видим, что возникновение новой теории существенно зависит от ценностных представлений человека. О значении ценностных представлений в науке в XX веке был написан ряд известных работ [11; 12; 13].

Науку принято связывать с истинным знанием и полагать, что ученые непосредственно стремятся к нему. Но в действительности все немного сложнее. За последние двести лет ценностные установки в науке менялись довольно быстро. К примеру, закон сохранения энергии мог быть создан лишь в метафизических представлениях (в диалектике идея противоречия как источника развития не препятствует созданию вечного двигателя). С позиций диалектики возникло понимание, что свет и тьма обладают одним и тем же качеством, только с разными состояниями. Выискивание контрастов в отдельных случаях быстрее выводит нас на решение поставленных задач.

Так изобретение лазеров в 1958 позволило продвинуться в изучении данного вопроса. Одной из областей, занимающихся изучением неоднородной структуры когерентного света, является сингулярная оптика. Сингулярная оптика связана с изучением свойств световых полей (оптических вихрей), где образуются особые точки, в них принципиально отсутствует свет (точки тьмы). Основная задача сингулярной оптики как раз заключается в изучении этих самых особых точек, их возникновении и управлении. Чередуя в определенном порядке точки тьмы, мы можем управлять световым потоком.

Как оказалось, чередование точек тьмы является «отпечатком пальца», свойственной конкретному объекту. При удалении наблюдателя от объекта возникает эффект, при котором точки тьмы превращаются в точки света и наоборот, но в то же время существуют

точки тьмы, которые остаются неизменными при удалении от объекта на несоизмеримо (по сравнению с самим объектом) большие расстояния. Так, согласно новым исследованиям Британских ученых [14], количество точек, сохраняющихся при отдалении от объекта составляют 73% от всех точек тьмы, а 27% — это сингулярные точки, которые при отдалении от объекта описывают замкнутые траектории наподобие узлов и цепей, ранее известных в математике. Также стоит отметить, что траектории вихрей не меняются при изменении масштаба изображения, то есть траектории вихрей в рассеянном свете обладают масштабной инвариантностью.

Такое распределение траекторий вихрей и масштабная инвариантность довольно сильно совпадает с моделями иных объектов — космических струн — довольно тонких, плотных дефектов, искажающих пространство-время, которые, как предполагают ученые, сформировались в ранней Вселенной и, скорее всего, повлияли на рождение галактик [15].

Вывод: В работе рассмотрен новый подход в изучении свойств скрученного света. Автор полагает, что открытия в этой области могли осуществиться только в рамках диалектического метода. Такой взгляд на концепцию взаимодействия света и тьмы, с точки зрения представленного эксперимента, позволяет ученым дополнить уже имеющиеся знания о свете как о явлении. Предполагается, что данное открытие стало возможным не только потому, что современная наука получила высокотехнологическое оборудование, а вследствие изменений представлений, точнее — отказа от метафизического подхода и его заменой на диалектический.

Литература

1. *Leach J.* Knotted threads of darkness / Leach J., Dennis M. R., Courtial J., Padgett M. J. // Nature. — 2004. — 432. 165 — 166 pp.
2. *Gbur G. J.* Singular optics / Gbur G. J. — CRC Press.: New York, 2017. — 592 p.
3. *Bazhenov V Y.* Laser beams with screw dislocations in their wavefronts / Bazhenov V. Y., Vasnetsov M. V., Soskin M. S. // JEPT Lett. — 1990. — 52. 429-431 с.
4. *Воляр А. В.* Белые вихри в кристаллах / Воляр А. В., Фадеева Т. А. // Опт. и спектр. — 2003.-Т. 94. 260–270 с.
5. *Воляр А. В.* Лавинная неустойчивость орбитального углового момента оптических вихрей высших порядков / А. В. Воляр, М. В. Брецко, Я. Е. Акимова, Ю. А. Егоров // Компьютерная оптика. — 2019. — Т. 43, No1. — С. 14-24. — DOI: 10.18287/2412-6179-2019-43-1-14-24.
6. *Борн М., Вольф Э.* Основы оптики. М.: Наука, 1973. 718 с.

7. *Берков В. Ф., Яскевич Я. С., Павлюкевич В. И.* Логика: Учебное пособие / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, В. И. Павлюкевич. Мн.: НТОО «ТетраСистемс», 1997. — 416 с.
8. *Клайн М.* Математика. Утрата определенности. / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М: Мир, 1984. — 446 с.
9. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические [Текст]. — М, 1994. — 298 с.
10. *Шоркин А. Д.* Схемы универсумов в истории культуры: Опыт структурной культурологии. — Симферополь, 1996. — 216 с.
11. *Kuhn T. A.* Philosophical History for Our Times / Kuhn T. A. — University of Chicago Press: Chicago. 2000. 252 с.
12. *Лакатос И.* История науки и её рациональные реконструкции. // Прил. к кн.: Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2001.
13. *Степин В. С.* Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов / В. С. Степин, В. Г. Горохов, И. А. Розов. — М.: Гардарики, 1996. — 400 с.
14. *Kleckner D.* Creation and dynamics of knotted vortices / Kleckner D., Irvine W. T. M // Nat. Phys. — 9. — 2013. 253 — 258 с.
15. *Б. Паркер.* Мечта Эйнштейна. В поисках единой теории строения Вселенной. — М.: Амфора, 2000. — 333 с.

УДК 613.1+615.83+616-008.3/.5-08-031.81-092.6+1.16+141.201

КОНВЕРГЕНЦИЯ НАУК В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КЛИМАТОЛОГИИ

CONVERGENCE OF SCIENCES IN CURRENT MEDICAL CLIMATOLOGY

Дорошкевич С. В., научный сотрудник
отдела физиотерапии, медицинской климатологии
и курортных факторов, ГБУЗ РК «Академический
научно-исследовательский институт
физических методов лечения,
медицинской климатологии и реабилитации
им. И. М. Сеченова», г. Ялта
Doroshkevich S. V., researcher of the Department
of physiotherapy, medical climatology and resort factors,
Academic Research Institute of Physical Methods
of Treatment, Rehabilitation and Medical Climatology
named after I. M. Sechenov, Yalta

Аннотация. Медицина 21-го века — одна из наиболее стремительно развивающихся областей человеческого знания и технологического совершенства.

шенствования, в основном благодаря тому, что 20-й век завершился значительными успехами в понимании природы, человека. От возникновения до двадцатого века медицина была скорее искусством, набором эмпирических правил, теперь общепризнанным является приоритет доказательной медицины, построенной на научных исследованиях и развивающейся как часть общечеловеческого научного знания, в котором цель познания — улучшение жизни человека. Конвергенция наук в медицине — естественный результат сложности внутренней структуры и связей человеческого организма и его взаимодействия с окружающей средой, общего со средой материального субстрата, из которого состоит тело человека, и осознанной потребности человечества в развитии и сохранении как биологического вида.

Annotation. Medicine of the 21st century is one of the most dynamically developing areas of human knowledge and technological improvement, mainly due to the fact that the 20th century ended with a significant success in understanding nature, man. From the beginning of the twentieth century, medicine has been rather a mastery, a set of empirical knowledge, now generally recognized is the priority of evidence-based medicine, built on scientific research and developing as part of panhuman scientific knowledge, and as the goal of cognition — to improve human life. Convergence of Sciences in medicine is a natural result of the complexity of the structure and interrelationship of the human body inside himself and with the environment, common with the environment of the material substrate, which consists of the human body and the deliberate need of mankind for development and preservation as a biological species.

Ключевые слова: конвергенция наук, медицинская климатология, доказательная медицина, реабилитация, 3D— и 4D-технологии.

Keywords: convergence of Sciences, medical climatology, evidence-based medicine, rehabilitation, 3D— and 4D-technology.

Медицина 21-го века — одна из наиболее стремительно развивающихся областей человеческого знания, в основном благодаря тому, что 20-й век завершился значительными успехами в понимании природы, человека. Была завершена классическая физика [1], разработана релятивистская физика и квантовая физика [2], возникла физика высоких энергий [3]. Сформировались: космология, синтетическая теория эволюции, молекулярная генетика, общая экология, синергетика и когнитивные науки. В химии возникла предсказательная кристаллография на основе эволюционных алгоритмов [4]. Радиофизика и электроника, блокчейн, нанотехнологии, информационные, аддитивные технологии, 3D- и 4D-технологии — приобрели глобальные масштабы и касаются непосредственно почти каждого человека. Увеличение объема знаний ставит дополнительные трудности в изучении медицины (и не только) следующими поколениями новых специалистов, а также при имплементации новых знаний в сознание и память уже работающих специалистов.

Разнообразие наук возникло из натурфилософии, естествознания 300 лет назад, во времена И. Ньютона, путем дивергенции сложных задач познания, повышения точности и детализации знаний. На основе этого возникла отраслевая экономика и специализация науки и образования [5; 6; 7]. В то же время значительные успехи науки ассоциируются с прорывами в области синтеза, унификации и конвергенции, когда одна теория становится более общей для двух и более других: синтез, объединение, как возникновение электродинамики из электричества и магнетизма; унификация, как информационные технологии и математика, общие для разных наук [8]; конвергенция как компьютерное моделирование химических процессов на основе квантовой физики, эволюционной биологии и на языке математики [4].

В начале 21 века дивергенция наук с целью понять природу сменяется конвергенцией наук с целью получить возможность широко использовать уже понятое, повторить, воспроизвести, а иногда даже улучшить природные технологические процессы, отличающиеся высокой энергетической и материальной эффективностью. Доминирующие сейчас методы промышленного производства не могут дать устойчивого развития из-за ограниченности энергетических и пищевых ресурсов [5; 6; 7], а также изменений климата, как отрицательной обратной связи в биосфере [9].

Без конвергенции наук невозможно было бы создать концепт когнитива и надеяться понять, как функционирует мозг человека [10]. То же самое можно сказать об атомно-молекулярном конструировании веществ, их рентгеноструктурном анализе и компьютерной реконструкции 3D-, 4D-структуры, для создания вакцин и лекарственных средств [5; 6]; о расшифровке сигналов мозга с помощью электроэнцефалографии и их применении для реабилитации пациентов, восстановления утраченных или нарушенных функций методом доставки сигнала к исполняющему органу или его протезу, в обход нефункционирующих нервных проводников [11].

Для унификации науки предназначены и принятые 20 мая 2019 г. международным комитетом мер и весов изменения в системе СИ. Теперь все единицы измерений определяются посредством фундаментальных констант и не зависят от изменений во времени созданных человеком материальных эталонов.

В медицине со времен Гиппократов (около 460 года до н. э., остров Кос — около 370 года до н. э., Ларисса), несмотря на ограниченность доказательной базы, было понимание тесной связи лечебного дела с астрономией, климатологией, наследственностью и образом жизни потенциальных пациентов, чему посвящена книга «О воздухах, водах, местностях» [12]. То есть медицина изначально возникала как

междисциплинарная область знаний, включая медицинскую климатологию. Но практически до двадцатого века европейская медицина была скорее искусством, набором эмпирических знаний и правил, часто требующих консенсуса между исследователями, откладывающими научную однозначность выводов до лучших времен.

Только после утверждения позиций клеточной теории, биофизики, биохимии, микробиологии, эволюционной биологии, физиологии и патофизиологии, статистики и др. — медицина приобрела очертания науки. Общеизвестным является приоритет доказательной медицины [13], построенной на научных исследованиях и развивающейся как часть общечеловеческого научного знания с целью улучшения жизни человека. Конвергенция наук в медицине — естественный результат сложности структуры человеческого организма, его внутренних связей (геном, метаболом, микробиом, коннектом, когнитом) и взаимодействий с окружающей средой.

Наиболее заметно проникновение физических знаний в медицину в методах физио-диагностики: ультразвуковая доплер-эхография, компьютерная томография, магниторезонансная томография, позитронно-эмиссионная томография и др. — методы, позволяющие реконструировать макроскопическое внутреннее 3D-строение живого человека почти в реальном времени. Секвенирование ДНК и технологии CRISPR-Cas9 (заимствованные у бактерий, антивирусные системы) — позволяют контролируемо изменять ДНК живой клетки.

Обсуждение. Практическая реализация изменения ДНК половой линии человека вызвала бурные этические-философские дискуссии по поводу того, что исполнителей не остановил ни мораторий, ни правовые нормы и, как это понимать? Как во времена Аристотеля, Платона: «Истина дороже»? Или главную роль играют сопутствующие выгоды?

Похожие этические-философские дискуссии вызывает проблема изменений климата, попытки и перспективы управления климатом. В первую очередь, по причине нелокальности последствий вмешательства и наличия значительной и неустранимой стохастической составляющей в климато-метеорологических процессах и прогнозах, в особенности для человека.

Таким образом цель конвергенции наук — объединить усилия исследователей, специалистов и учащихся в общей системе координат и величин. Для этого представляются целесообразными следующие задачи:

1. унификация взаимопонимания учеными разных специальностей;
2. конвергенция наук и технологий на базе унифицированной методологии;
3. облегчение доступа к актуальным научным знаниям и увеличение скорости передачи знаний следующим поколениям;

4. создание медицинских прикладных решений для обеспечения здравоохранения, повышения продолжительности и качества жизни людей.

Какими могут быть методы решения вышеперечисленных задач? Введение медицинской климатологии [14] в концепцию конвергенции наук [5, 6, 7] (НБИКСМК [нб'иксэмка] — нано-, био-, инфо-, когно-, социо-гуманитарные и медико-климатологические науки). Расширенное применение общей системы координат (3D для статического и 4D для динамического представления прошлых и новых научных результатов), на основе новых международных стандартов [15]. Создание интерактивной параметрической 4D-модели человека и среды, с известной на момент создания детализацией как масштабируемой по пространству и времени карты науки. Использование модели в науке в поиске оптимальных [16] решений расширения жизненного пространства и в образовании.

Компьютерное 4D-моделирование реальности — новый тип библиотеки знаний, унифицированных математикой, информационными технологиями и наиболее близких по форме к объективной реальности. Медицинская климатология — дополнение НБИКС-технологий как очередная надотраслевая технология, включающая все предыдущие и модуль среды, в котором все происходит, с образованием НБИКСМК-технологий. Создание виртуального представления реальности лучше систематизирует знания, увеличивает плотность их записи и хранения, ускоряет их передачу следующим поколениям, делает человеческие технологии более природоподобными и экономными, делает здравоохранение более доказательным, персонализированным и адаптивным к антропогенным и природным изменениям климата.

Литература

1. Николаев П. Н., Николаева О. П. История и методология физики. / Т. 3. / История классической физики. — М.: 2015. — 162 с. — URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/14893804/> (26.05.2019)
2. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теоретическая физика в десяти томах. — М.: Физматлит, 2001-2005 гг. — URL: <https://alleng.org/d/phys/phys709.htm> (26.05.2019).
3. Перкинс Д. Введение в физику высоких энергий; Перевод с английского Беркова А. В.; Под редакцией Долгошеина Б. А. — М.: Энергоатомиздат, 1991 г. — URL: <https://www.twirpx.com/file/266231/> (26.05.2019)
4. Computational Materials Discovery Laboratory URL: <https://uspex-team.org/ru/артём-оганов> (26.05.2019)
5. Kovalchuk M. V., Naraikin O. S., Yatsishina E. B. Convergence of science and technology and creation of new noosphere // Nanotechnologies in Russia. February 2012. — Volume 7. — Issue 1–2. — pp 1–5. — URL: <https://>

- ru.scribd.com/document/131477284/Convergence-of-Sciences-and-Technologies-to-Create-a-New-Noosphere-Kovalchuk-M-V (26.05.2019)
6. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития. Вопросы философии № 3, 2013 г. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18937180> (26.05.2019).
  7. Трифонова М. К., Конвергенция — возврат естествознания в лоно практической философии? // Практическая философия: состояние и перспективы. — 2018 г. — С. 30-33. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36637448> (26.05.2019)
  8. Сафонова Н. В. Унификация научного знания на основе математики // Автореферат диссертации. — Симферополь. — 2000. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000347006#?page=1> (26.05.2019)
  9. European Environment Agency. Climate change adaptation, 2016. — URL: <https://www.eea.europa.eu/themes/climate-change-adaptation/intro> (26.05.2019)
  10. Ивашкина О. И., Воробьева Н. С., Груздева А. М., Роцина М. А., Торопова К. А., Анохин К. В. Когнитивная индексация нейронов: Сре-управляемое генетическое маркирование и изучение клеток, участвующих в обучении и памяти // Acta naturae. — 2018. — Т. 10. — № 2 (37). — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35693771> (26.05.2019)
  11. Каплан А. Я. Нейрофизиологические основания и практические реализации технологии мозг-машинных интерфейсов в неврологической реабилитации // Физиология человека. — 2016. — Т. 42. — № 1. — С. 118-127). — URL: http://brain.bio.msu.ru/papers/Kaplan_2016_FizChel_NeurophysFoundationsPractRealizationsBMIsNeurolRehabilitation.pdf
  12. Гиппократ. О воздухах, водах, местностях. // В: Гиппократ. Избранные книги; Перевод с греч. Руднев В. И., Редакторы Карпов В. П. — [Репринт-воспроизведение изд. 1936 г.]. — М.: ТОО «Сварог», 1994. — С. 275-307. — URL: <https://www.twirpx.com/file/1712474/>
  13. Пономаренко Г. Н. Доказательная физиотерапия — стратегия развития XXI века // Медицина Кыргызстана. — 2017. — Т. 1. — № 3. — С. 5-9. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30017084> (26.05.2019)
  14. Дорошкевич С. В. Действие климато-метеорологических факторов на больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Вестник физиотерапии и курортологии. — 2017. — Т. 23. — № 4. — С. 14-16. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30604203>.
  15. Inglis B., Ullrich J., Milton M. J. T. The International System of Units, 9th edition: March 2019. — URL: <https://www.bipm.org/utils/common/pdf/si-brochure/SI-Brochure-9.pdf> (26.05.2019).
  16. Панюков А. В., Горбик В. В. Параллельные реализации симплес-метода для безошибочного решения задач линейного программирования // Вестник ЮУрГУ. — 2011. — №25(242). — С. 107-118. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16909618>.

III. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

УДК 17(173.1)

ХРИСТИАНСКИЙ БРАК ПОСЛЕ “КОНЦА” ЕСТЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

A CHRISTIAN MARRIAGE AFTER “THE END” OF THE NATURAL ORDER: A VIEW FROM THE EAST

Карабыков А. В., д-р философских наук, к-т филологических наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии естественнонаучного профиля.
Karabykov A. V., D. Sc. in Philosophy, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor, Department of Philosophy of Natural Sciences.

Аннотация. Происходящие трансформации социокультурных представлений, норм и практик в сфере семьи и брака (“конец” естественного порядка) образуют вызов, который Церковь воспринимает как решающий для неё и христианской цивилизации в целом. Цель доклада — внести вклад в осмысление отношений между названными процессами в обмирщённых, “пост-христианских” обществах, христианским учением о браке и половой жизни, а также практической жизнью верующих.

Annotation. Current transformations of socio-cultural conceptions, norms and practices in a matrimonial sphere (the end of the natural order) make a challenge that the Church (in its traditionalistic confessions) takes up as crucial for itself and the Christian civilization in toto. The aim of the report is to contribute to understanding of the named processes in secularized, “post-Christian” societies, a Christian teaching on marriage and sexual life, and practical life of the believers.

Ключевые слова: христианская этика, нерасторжимость брака, контрацепция, целибат, гомосексуальность, православие, католицизм, протестантизм.

Keywords: Christian ethics, indissolubility of marriage, contraception, celibacy, homosexuality, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism.

Начну с настораживающего: “конец” естественного порядка. Что несёт в себе эта фраза? Ведь очевидно, что с христианской позиции естественный порядок — строй мироздания, который задан фундаментальными законами, “вписанными” Богом в творение, и который

определяет контуры общечеловеческой этики, — может закончиться только вместе с земной историей. Другой вопрос: какова мера его понимания? Православная, католическая и другие церкви, основанные на принципе апостольского преемства, утверждают о себе, что, сохраняя в чистоте богооткровенную Истину, проливающую свет на естественный порядок творения, они обладают достаточной мерой его разумения, в силу чего их моральная доктрина безошибочна.

В соответствии с этой доктриной, богоустановленной, а потому естественной и оправданной морально формой брака является только моногамный союз мужчины и женщины, «единственный и вечный» [1, с. 231; 2, с. 546–547]. Поэтому фраза, заявленная в теме доклада, прежде всего указывает на трансформацию, преобразившую область социокультурных представлений, норм и практик в обмирщённых, так называемых “пост-христианских” обществах. Проблема, которую я бы хотел затронуть в своём выступлении, касается отношений между состоянием “конца” естественного порядка в этих обществах и культурах, христианским учением о браке и практической жизнью верующих.

“Конец” естественного порядка в очерченном выше смысле был философски подготовлен на закате XVIII в., когда природа, лишённая теологических значений, получила морально нейтральный статус, из-за чего апеллировать к ней могли теперь как сторонники, так и противники христианской морали [3]. Осуществление интересующего нас события в практической жизни западных и затем других обществ началось в 70-е гг. XX в. Этот период был ознаменован подъёмом либерационных движений (феминизм, ЛГБТ-активизм и проч.), массовым распространением средств и технологий в сфере репродукции: от контрацептивов до экстракорпорального оплодотворения, тотальной “сексуализации” культуры через продвижение гедонистической идеологии, началом гендерной хирургии [4, р. 133–171]. Как реагировали на это основные христианские конфессии, и к каким результатам привели их стратегии в борьбе за традиционный брак и семью? Спустя полвека у нас есть возможность подвести некоторые итоги. Удобней всего сопоставить сначала контрарные позиции: крайний либерализм упоминавшихся протестантских конфессий и ультраконсерватизм Римской церкви.

В отношении первой позиции можно с уверенностью сказать, что установка на слияние с обмирщённой культурой оказалась всецело ошибочной. Вместо того чтобы евангелизировать Запад, эти конфессии оказались “переварены” и отторгнуты этой культурой как соль, лишённая силы. С другой стороны, мы видим, что церковь Рима, пусть и не так стремительно, но непрерывно теряет авторитет, начиная с тех самых 70-х гг. Локальные успехи католицизма, наблюдаемые, к примеру, в Польше, не меняют картину в целом. В чём причины провала католической консервативной стратегии? Я считаю, что самая глубинная из них состоит

в *ошибочной идеализации* человеческой природы и *оценке* современной ситуации. В теологическом плане она восходит в том числе к преуменьшению последствий грехопадения, а в жизненно-практическом — сопряжена с институтом целибата, который уже тысячелетие существует в этой церкви. Здесь нужно вспомнить о двух энцикликах папы Павла VI, последовавших одна за другой: «*О безбрачии священников*» (1967) и «*О человеческой жизни*» (1968), судьбоносных в интересующем нас плане. Посвятив первую обоснованию необходимости сохранить целибат как нелёгкого, но сильного и возвышенного обязательства всех призванных к священству мужчин, во втором документе Павел VI предписал мирянам постиндустриальных обществ, по существу, смягчённую форму того же ограничения. Запретив все виды искусственной контрацепции, этот и последующие римские понтифики оставляют дозволенным календарный метод, основанный на наблюдении за процессами женского организма [5]. Этот способ естественной контрацепции предполагает длительное воздержание, неизбежно продляемое по прочим причинам, и, стало быть, невозможен без строгого контроля за чувственностью и самообладания супругов. Легко догадаться, почему призванная “затормозить” секуляризацию энциклика «*О человеческой жизни*» в итоге только её ускорила. Бремена оказались слишком неудобноносимыми, и в последующие десятилетия церковь Рима столкнулась со значительным оттоком прихожан и опустением исповедален. А в 90-е гг. раздался новый взрыв. На этот раз изнутри самих церковных структур. Грязные скандалы вокруг нескольких тысяч клириков, обвиняемых в посягательствах на половую неприкосновенность детей и подростков, усугубили утрату доверия церкви и её моральной доктрине.

Если воспользоваться военной метафорой, можно сказать, что, судя по текущей ситуации, христианство на Западе (и не только!) проигрывает битву за семью. Это равнозначно *тотальному* поражению или, что тоже, исчезновению европейской христианской цивилизации и культуры. Хотя церковные моралисты всех рангов чаще всего возлагают большую часть вины на сами обмирщённые общества, которые, по их логике, отреклись от христианства и тем самым обрекли себя на вырождение, действительная проблема всё же намного сложнее. Один из её аспектов, который был затронут в этом докладе и который более века назад был радикально и во многом тенденциозно сформулирован русским мыслителем В. Розановым, касается ответственности церкви за кризис семьи и брака, ознаменовавший наступление “пост-христианской” эпохи.

Литература

1. Катехизис Русской Православной Церкви (Проект). М., 2016 (<http://theolcom.ru>). Дата обращения: 3.04.2019).

2. Катехизис. Католической Церкви. — М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2001. — 813 с.
3. *Daston L.* The Nature of Nature in Early Modern Europe // *Configurations* 6 (2) 1998. — P. 149–172.
4. *Herzog D.* Sexuality in Europe: a twentieth-century history Cambridge, New York et al.: Cambridge University Press, 2011. 230 p.
5. *Humanae Vitae: Encyclical Letter of Supreme Pontiff Paul VI* (http://w2.vatican.va/content/paul-vi/en/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_25071968_humanae-vitae.html). Дата обращения: 20.03.2019).

УДК 130.2

**РАЗРАБОТКА ПЕРСОНОРАЗМЕРНОЙ МОДЕЛИ
МОНИТОРИНГА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ
В РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ
КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**DEVELOPMENT OF A PERSONAL-DIMENSIONAL
MODEL FOR MONITORING RELIGIOUS
PROCESSES IN THE RUSSIAN BORDER REGION
AS A PRACTICAL PHILOSOPHY
(ON THE MATERIAL OF THE OMSK REGION)**

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор,
г. Омск, Омский государственный университет им.
Ф. М. Достоевского, декан факультета теологии,
философии и мировых культур
Zaytsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Omsk, Dostoevsky Omsk State University,
Dean of the Faculty of Theology, Philosophy and World
Cultures
Оводова С. Н., к. филос. наук, доцент,
г. Омск, Омский государственный университет им.
Ф. М. Достоевского, доцент кафедры теологии
и мировых культур
Ovodova S. N., K. Philos. Sciences, Associate Professor,
Omsk, Dostoevsky Omsk State University, Associate
Professor, Department of Theology and World Cultures

Аннотация. В статье представляется проект по разработке персоноразмерной модели мониторинга религиозных процессов в Омской области. Отмечается, что распространенные количественные социологические ме-

тодики сбора данных, реализующиеся через анкетирование на городских улицах во многом лишены здравого смысла.

Annotation. The article presents a project to develop a personalized model of monitoring religious processes in the Omsk region. It is noted that common quantitative sociological methods of data collection, implemented through questioning on city streets, are largely devoid of common sense.

Ключевые слова: идентичность, мониторинг, здравый смысл, количественная социология, религиозные процессы.

Keywords: identity, monitoring, common sense, quantitative sociology, religious processes.

Проект «Персоноразмерная модель мониторинга религиозных процессов в Омской области: концептуализация, разработка, апробация», реализуемый в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского специалистами в области философии, социологии, культурологии был связан с поиском решений одной из фундаментальных проблем современности, требующей комплексного, междисциплинарного исследования и состоящей в девальвации культурных доминант, свойственных индустриальному обществу, и, как следствие — кризису индивидуальной и коллективной идентичности. На момент формирования задела данного научного проекта исследовательскому коллективу, на основании анализа уже имеющихся мировых разработок по проблеме идентификационных стратегий и практик современности, представлялось важным обосновать следующие принципиальные положения: во-первых, идентификационные процессы в обществе, лишившись явного идеологического сопровождения со стороны власти (характерного на момент стремительной модернизации государств мира в первой половине — середине XX века) продолжают функционировать и представляют собой достаточно сложную и многоуровневую систему взаимодействия; во-вторых, отказ от проектов по построению кардинально нового общества и соответствующего ему нового человека, даже после видимых неудач революционных общественных преобразований не вызвал отказ от культурной политики как таковой, «мягким» образом способствующей достижению морального консенсуса между обществом и властью, поэтому в мировой политике по прежнему государственная власть продолжает оказывать воздействие на процессы идентификации; в-третьих, исследовательские принципы постмодерна, собранные вокруг идеи дискредитации институтов власти, понимаемых по большей части как институтов дисциплинарных, что особенно явно проявлено в постмодернистской теории культуры, не позволяют адекватно оценить современную социокультурную ситуацию, в которой государство является одним из существенных

акторов идентификационных стратегий; в-четвертых, мониторинговые мероприятия, проводимые в этноконфессиональной сфере, задача которых состоит пусть не в объяснении, а в фиксации изменений в наиболее проблемных зонах дискурса идентичности как дискурса памяти, не справляются со своей задачей, прямо противоречат здравому смыслу. Вместо задачи выявить и зафиксировать изменения в идентификационных стратегиях, связанных с участием индивидов в дискурсе веры (религиозная составляющая) и дискурсе крови (этническая составляющая), мониторинговые мероприятия, в частности столь популярные количественные социологические методики сбора данных, реализующиеся через анкетирование на городских улицах, не выявляют, а задают идентификационные стратегии. Из вопросов анкет, в процессе уличного опроса респонденты узнают названия новых религиозных течений, искусственно созданных этносов, экстремистских организаций.

В условиях, когда мониторинговые мероприятия и любая иная прикладная активность исследователя в изучении «социальности», «национальности», «религиозности» уже не могут опираться на установку о существовании устойчивой идентичности, отклонения от которой могли быть зафиксированы и теоретически объяснены, социально-гуманитарное знание оказывается в ситуации методологического кризиса.

В своих выступлениях, статьях, коллективных монографиях авторский коллектив провел всесторонний анализ идентификационных процессов. Нами было теоретически обосновано, что девальвация свойственных индустриальному типу организации общества культурных образцов не повлекла за собой вписывание индивида в национальную, культурную или религиозную общность, спровоцировав процесс доминирования личностной идентичности над социальной. В религиозной сфере жизни общества наблюдается усиление позитивного отношения российских граждан к религии, и, как никогда ранее, становится актуальна ситуация «выбора религии». При этом, применяемые сегодня средства и способы мониторинга религиозных процессов не позволяют отслеживать процессы личностной идентификации и поэтому дают искаженное представление о состоянии и тенденциях развития внутррелигиозных и межрелигиозных отношений, не способствуют выстраиванию системы взаимодействия между органами государственной власти, местного самоуправления и религиозными организациями.

Коллектив, ставя перед собой задачу создания и апробации в рамках исследовательского проекта адекватной современному состоянию проблемы мониторинговой модели, позволяющей нивелировать

формирующее воздействие любых мониторинговых действий на конфессиональные процессы в Омской области, снизить влияние негативных факторов субъективного характера на межкультурное и межрелигиозное взаимодействие демографически однородных регионов России и Казахстана, понимал всю сложность мониторинговых действий в сфере религиозной идентичности. Оводова С. Н. в выступлении «Сложности построения персоноразмерной модели мониторинга при изучении религиозных процессов», основные тезисы которого были расширены в коллективной монографии «Фактор самоидентификации в современных религиозных и культурных процессах (на материале Омской области)», отметила: «Сложность построения такой модели состоит в изменчивости, вариативности ключевых переменных, которые будут отслеживаться. Вопросы, предлагающие респондентам выбрать, к какой конфессии или религиозной организации они себя причисляют, для некоторых респондентов затруднительны, так как они не могут причислить себя к конкретной религиозной организации. Респонденты могут обладать внеконфессиональной либо индивидуальной религиозностью. Вследствие этого результаты мониторинга имеют большие погрешности. Проведение личных интервью с теми же респондентами, которые участвовали в опросе, демонстрируют, что религиозная идентичность не столь легко определима, как это видится в результате количественных исследований. Включение в список религиозных организаций новых наименований влечет за собой фиксацию новых идентичностей и может расцениваться как признание наличия нового религиозного течения. Репрезентация идентичности в дискурсе это не просто отражение, но и создание, конструирование идентичности» [1, с. 53]. Применение количественной социологической методологии представляется оправданным тогда, когда необходимо посчитать и провести зонирование определенных этносов, представителей религиозных организаций, распространение того или иного учения, взглядов.

Качественные изменения в религиозной сфере, в восприятии носителей религиозных представлений своей собственной религии таким образом не выявить. Более того, когда в вопросе анкеты появляется новая религиозная организация, то, несмотря на ее юридический статус, она уже приобретает идентичность.

В ходе исследования по проекту решена актуальная научная проблема теоретического осмысления процессов современной идентификации человека в обществе, а также проведена разработка модели мониторинга религиозных процессов, учитывающей их персоналистический и транскультурный характер. Особая актуальность и необходимость организации персоноразмерных мониторинговых

исследований религиозной идентичности на территории Западной Сибири и, особенно, Омской области, обусловлены прежде всего поликонфессиональным и полиэтническим составом населения при относительно меньшем (на фоне других регионов федерации) влиянии православия и ортодоксального ислама. Мы учитывали, что данная территория представляет собой зону интенсивных миграционных потоков, в том числе транзитного характера.

Предлагаемая к разработке модель мониторинга, опирающаяся на анализ личностных аспектов формирования идентичности, реализуемая посредством анализа самоописаний идентичности, дискурсивных репрезентаций респондентов, способна оказать мягкое формирующее воздействие на межрелигиозные отношения в Западной Сибири, снизить влияние негативных факторов субъективного характера на межкультурное и межрелигиозное взаимодействие демографически однородных регионов России и Казахстана. В настоящий момент авторский коллектив изучает возможность расширенного применения полученных результатов за пределами Западносибирского региона.

Литература

1. Оводова С. Н. Сложности построения персоноразмерной модели мониторинга при изучении религиозных процессов // Визуальные образы современной культуры: изучая локальность: фундаментальные схемы и исследовательские практики [Электронный ресурс]: сборник научных статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 27–28 сентября 2018 г.) / [редкол.: П. Л. Заичев (отв. ред.) и др.]. — Электрон. текст. дан. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. — С. 52-54.

УДК 304.442

ПРИНЦИП ТРАНСВЕРСАЛЬНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

THE PRINCIPLE OF TRANSVERSE IN THE MANAGEMENT OF POLICULTURAL SOCIETIES

Кузьмин Н. Н., кандидат философских наук,
доцент кафедры религиоведения Таврической
академии Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
Kuzmin N. N., PhD in Philosophical sciences,
Associate Professor of the Chair of Religious Studies,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal
University

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы концептуальных оснований социального управления в поликультурной социальной среде. Обосновывается необходимость применения трансверсального подхода для предотвращения конфликтов в поликультурном социуме.

Annotation. The problems of conceptual foundations of social management in multicultural social environment are treated in the article. The necessity of application of transversal approach for prevention of conflicts in multicultural society is justified.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, мультикультурализм, социальное управление, толерантность, трансверсальность.

Keywords: cross-cultural interaction, multiculturalism, social management, tolerance, transversality.

Мультикультурная реальность многих современных обществ обуславливает актуальность исследования путей реализации управленческих стратегий, которые обеспечили бы межнациональное, межконфессиональное согласие. Задача нашего исследования — поиск новых концептуальных оснований осуществления социального управления в поликультурном социуме.

Общество модерна виделось как единое культурное пространство, в рамках которого возможны отдельные вариации (меньшинства). Однако современность поставила новые проблемы. Одной из характеристик постмодернистской реальности является резко возросшая степень субкультурности. Сейчас мы достаточно свободно можем мыслить в пределах одного государства несколько культур. Рост межкультурных взаимодействий поставил под сомнение действовавшие в недалекие прошлые постулаты социального порядка, согласно

которым общество как социальная система имеет право на «культурную политику», то есть на трансформацию культурной реальности.

Мультикультурализм обуславливает приоритет в управлении процессами межкультурного взаимодействия деятельности, направленной на недопущение дискриминации и ассимиляции. Осознание дискриминации или угрозы ассимиляции субъектами межкультурного взаимодействия создает жестко классификационный мир, разделенный на «мы» и «они». В рамках таких отношений используются известные инструменты управления, механизмы такого взаимодействия хорошо изучены, под них наработана достаточно развитая правовая база.

Однако в мультикультурных обществах нередко приходится сталкиваться с тем, что количество субъектов в межкультурных взаимодействиях больше двух. В ситуации полисубъектности отношений проблема противостояния культурных групп усугубляется, поскольку к взаимной негации добавляется элемент интриги: возможно блокирование двух или более субъектов против третьего (или четвертого, пятого...), возможна, наоборот, игра первого на противоречиях, существующих между вторым и третьим. В поликультурных взаимодействиях не получается построения простой схемы «дискриминируемый — дискриминирующий». Здесь мы можем столкнуться с ситуацией нескольких дискриминируемых при отсутствии явного дискриминирующего.

Межкультурные взаимодействия осуществляются в пространстве различий и сходств между взаимодействующими группами. При этом, можно утверждать, что концептуальной основой управления бинарными межкультурными взаимодействиями является преобладание учета различий над учетом сходств. Такой подход позволяет наиболее эффективно противодействовать дискриминирующим практикам, препятствовать необратимой ассимиляции, сохранять культурное многообразие.

В случае поликультурного взаимодействия упор на различия может породить хаос. Необходимость сохранения поликультурного социума в достаточно едином и управляемом состоянии требует акцента на сходствах, поиска общих проблем, общих ценностно-нормативных оснований действия. Поскольку поликультурный социум разделяет слишком многое (различные нормы и обычаи, конфликты исторической памяти, этническое разделение труда, исторически сложившаяся дискриминация в доступе к ресурсам), акцент на различиях может его разрушить.

В такой ситуации не может быть эффективной стандартная политика поддерживающих действий (так называемая позитивная дискри-

минация)), применяемая в тех случаях, когда та или иная культурная группа в силу определенных обстоятельств не имеет возможности наравне с другими развиваться и отстаивать свои права и охраняемые законом интересы [2, с. 186]. Это связано с тем, что процедуры позитивной дискриминации, помимо неоднозначной реакции со стороны большинства, в поликультурной среде могут активизировать дискриминационный дискурс у третьей стороны.

Одной из управленческих проблем в поликультурном социуме, в связи со сложностью процессов межкультурного взаимодействия, может стать отсутствие концептуальной континуальности управления, его дискретность, что определяется следующими факторами. Во-первых, это неспособность раскрыть взаимосвязь и взаимозависимость проблем поликультурной социальной среды. Во-вторых, это реактивность в ответ на требования разных этнокультурных групп (работа по принципу — кто громче кричит, того требования и удовлетворяются в первую очередь).

Главным принципом управления в такой среде, на первый взгляд, может стать принцип толерантности, который в наиболее полной реализации представляет собой расширение собственного опыта и критическое обсуждение, основанное на уважении к чужой позиции и возможности сближения позиций в результате диалога [3, с. 46-54], включение гражданина в общественную рефлексию сопоставления взглядов, позиций, программ, совместного поиска согласия и стабильности [4, с. 65-66].

Очевидно, что без толерантности невозможно добиться стабильности в поликультурном социуме. Но может ли стать толерантность центральным принципом управления в поликультурной социальной среде? Толерантность — это понимание другого, движение навстречу, это реакция на культурные различия, их принятие [5, с. 18]. Быть толерантным достаточно просто, для этого нужно изменить самого себя. В управленческой ситуации, когда необходимо менять другого, толерантности явно недостаточно. Реализация процедур управления, достижение поставленных целей в процессе социального планирования и развития требует концептуальных оснований управления, которые дают возможность более активного воздействия и учета сложности и неоднозначности межкультурных взаимодействий.

Концептуальным основанием социального управления в поликультурном социуме, по нашему мнению, должен стать принцип трансверсальности, который, в отличие от толерантности, позволяет не только терпимо, с пониманием относиться к иным культурам, но и осуществлять воздействия на субъектов в мультикультурной среде.

В современной философии активно используется понятие «трансверсальный разум». Немецкий философ В. Вельш характеризует его как лейтмотив нового мышления, говоря о том, что трансверсальность становится «фокусом рефлексии» в условиях, когда множественность становится сущностью, и когда необходимо обнаруживать не только множество, но и связи [6, с. 24]. А. Кузьмин указывает, что «трансверсальным разумом пользуются тогда, когда оказывается недостаточным обычный, предметно ориентированный разум для выражения тех или иных специфических вопросов. Им тематизируются импlications, связи, глубинные структуры, поперечные взаимосвязи, различного рода заимствования и аналогии, которые образуются между рациональностями и иррациональностями, настаивающими на своей партикулярной перспективе» [7, с. 116-117].

По мнению В. Вельша, применение трансверсальной рациональности обуславливается следующими факторами: плюрализацией, переплетением гетерогенных начал и «беспорядком». То есть трансверсальность выступает как возможность управления в плюралистичной среде, причем в ситуации, когда плюрализация является не просто дифференциацией, а связана с сосуществованием различных «парадигм и концепций». Именно последний вариант плюралистичности среды наиболее характерен для поликультурного социума, в котором складывается не просто разделение общества на страты, а сосуществование, конкуренция и конфликтность различных культурных практик и картин мира, нередко порождающих «беспорядок». В этом случае реализация принципа трансверсальности как концептуальной основы управления позволит сформировать социальный порядок в мультикультурной среде.

С точки зрения принципа толерантности процессы межкультурных взаимодействий — это взаимодействия самоценных субъектов, каждый из которых имеет полное право на реализацию своих культурных интенций с учетом соблюдения такого права по отношению к другим. С точки зрения принципа трансверсальности межкультурные взаимодействия формируют специфическое социальное пространство, в рамках которого возможны разнообразные процессы: от взаимно толерантных до конфликтных.

Так, в советское время в автономных республиках РСФСР проявилась тенденция преобладания в гуманитарно-социальной сфере (образование, медицина, культура) представителей титульной национальности, а в производственно-технической сфере — русских [8, с. 209-211]. Очевидно, что такая ситуация несла в себе потенциальные конфликты и требовала управленческого вмешательства. Однако, с точки зрения толерантности, каждая этнокультурная группа может

реализовывать себя в той или иной сфере деятельности. Трансверсальный подход позволяет понять причины такой стратификации, предвидеть ее последствия и предпринять действия, направленные на предупреждение негативных результатов.

Резюмируя, можно утверждать, что трансверсальное управление в поликультурном социуме способно обеспечить в нем стабильность не только за счет декларирования межнационального согласия, обеспечения культурных прав, формирования толерантности, но и путем рациональных процедур, включающих в себя учет интересов и культурного потенциала этнических и конфессиональных групп, предвидение последствий управленческих действий в разной культурной среде, анализ и предупреждение возможных конфликтов.

Литература.

1. Степанова Н. М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы / Н. М. Степанова // Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — С. 185-192.
2. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. — 1997. — № 11. — С. 46-54.
3. Галкин А. А. Культура толерантности перед вызовами глобализации / А. А. Галкин, Ю. А. Красин // Социологические исследования. — 2003. — № 8. — С. 64-74.
4. Грива О. А. Образовательный потенциал межкультурных коммуникаций в поликультурном обществе / О. А. Грива, С. А. Макиенко. — Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. — 144 с.
5. Вельш В. Трансверсальность. Трансверсальный разум и разум вообще / Вольфганг Вельш // Культура у філософії ХХ століття: Матеріали ІV Харківських міжнародних Сквородинівських читань. — Харків, 1997. — С. 22-33.
6. Кузьмин А. «Комический миф» и трансверсальный разум / Александр Кузьмин // Бренное и вечное: политические и социокультурные сценарии современного мифа: Материалы Всерос. науч. конф. 11-12 октября 2005 г. — Великий Новгород, 2005. — С. 115-119.
7. Остапенко Л. В. Этнические аспекты социальной стратификации / Л. В. Остапенко // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Аратюняна. — М.: Наука, 2005. — С. 199-213.

УДК 101.1

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
О СОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВА
HUMANITARIAN SCIENCES
ABOUT THE CONDITION OF SOCIETY**

Гук О. А., канд. филос. н., доцент кафедры менеджмента предпринимательской деятельности Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Guk O. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Business Management V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматривается развитие представлений о состоянии общества, проявляющихся в различных качественных характеристиках, что дает возможность моделировать и описывать современное состояние общества. Раскрыта сущность понимания категории «состояние общества», проанализированы подходы авторов к определению понятия «состояние общества», дано определение состояния общества как современной социально-философской категории.

Annotation. The article discusses the development of ideas about the state of society manifested in various qualitative characteristics, which makes it possible to model and describe the current state of society. The essence of understanding the category “state of society” is disclosed, the authors’ approaches to the definition of the concept “state of society” are analyzed, the definition of the state of society as a modern socio-philosophical category is given.

Ключевые слова. Состояние общества, социальная стабильность, социальный порядок, социальная философия.

Keywords. The state of society, social stability, social order, social philosophy.

Введение. Изучение литературы показало, что, несмотря на работанность темы, переход от одного состояния системы к другому связан с трудностями описания и диагностирования начала, протекания и завершения изменения состояния социальной системы, что нуждается в более глубоком анализе.

Методика исследований. В работе использовался структурно-функциональный подход для описания структурных элементов социальной системы, а также системный подход при определении возможных состояний социальной системы в категориях развитие, трансформация, кризис, динамический рост, стабильность, нестабильность.

Современные процессы изменения социальной структуры, институтов, общественного сознания, средств функционирования и

развития происходят слишком быстро, что может стать причиной рассогласованности между темпами экономического развития и социальной модернизацией. Современное общество находится в различных состояниях, характеризующихся изменениями различного порядка.

Состояние общества — это характеристика общества как социальной системы в категориях: развитие, трансформация, кризис, динамический рост, стабильность, нестабильность. Состояние общества определяется при помощи социальной диагностики, на основе которой можно диагностировать современное общество, используя указанные термины.

Понимание состояния системы неоднородно. Состояние можно определить, как элемент процесса, который подвержен изменениям, динамичностью, процессуальностью, что характерно для открытых систем, подверженных изменениям во времени, пространстве. Такая система определяет состояние как один из возможных способов функционирования, проходя ряд состояний развития в разном порядке.

Стабильность, поддержание социального порядка, интегрированность — понятия «академической социологии», где в зависимости от степени наличия этих характеристик оценивается любая социальная система. Они выступают как своеобразные эталоны, близость к которым делает систему адекватно функционирующей. Исходя из этих представлений, возможно оценить и современное состояние общества.

Социальная система у Огюста Конта рассматривается с точки зрения социальной статики и социальной динамики как «порядок и прогресс» [2, с. 123]. Поиск законов социального порядка, где в основе общественного бытия лежит общественный порядок, рассматриваемый на примере семьи и быта, сложившийся и долгое время не подвергающийся изменениям, это порядок, социальная статика. И, с другой стороны, обнаружение законов прогресса, состояние движения, необходимость отклонений для совершенствования, улучшения, прогресса — социальная динамика.

При анализе системы действия Т. Парсонс рассматривает проблему порядка. Ответ на гоббсовскую проблему порядка он находит в структурном функционализме, согласно которому система имеет тенденцию к самоподдерживающемуся порядку, или равновесию, состояние равновесия системы поддерживается при условии распределения и интеграции, сохраняется порядок системы внутри, и с внешней средой. Особое внимание Т. Парсонс обращает на социальные изменения и проблемы управления этими из-

менениями, не рассчитывая на процессы саморегуляции общества [4, с. 79-82].

В. Парето рассматривает состояние социальной системы как возможность взаимодействия нескольких факторов: внешних природных и неприродных условий, а так же внутренних субъективных условий. Все эти элементы социальной системы взаимозависимы, так как изменения, происходящие в одних элементах, неизбежно вызывают изменения и в других. Действие и противодействие таким образом как бы поглощают друг друга. Это и является, по его мнению, причиной состояния равновесия общества. Он применяет к социальной системе понятие равновесия как эволюционной составляющей развития.

В разработку проблемы взаимосвязи, сбалансированности, стабильности, консенсуса и конфликта в постиндустриальном обществе свой вклад внесли работы Р. Дарендорфа, Л. Козера и др. [1, с. 236-242; 3, с. 14-18], Проводя анализ интересов и рассогласований, представители теории конфликта приходят к выводу о позитивной и созидательной, а не разрушающей функции конфликта в обществе [5, с. 28]. Насилие и разногласия могут быть инструментом формирования и поддержания социальной структуры через разнообразные отклонения. Постоянная «борьба с конфликтами» не только обеспечивает стабильность, но и постоянно их воспроизводит, т. е. механизм, который может привести к стабилизации, становится конфликт, являющийся органическим элементом социальной структуры. А разногласия становятся новым толчком в изменении системы, что позволяет социальной системе изменять состояние в новых условиях.

В настоящее время утвердился своеобразный синтез — неорациональный подход (П. Блау, Ф. Селзник, Г. Саймон и др.) [5, с. 167-170], Организационная структура как бы поглощает любое дезорганизующее влияния внешней среды в виде рыночных колебаний, политической конъюнктуры или дефектов правовой системы. Организация более приспособлена к изменению внутренних условий, нежели к влиянию на изменения внешних факторов. Внутренние условия изменений, индивид и малая социальная группа являются основой социальной и политической стабильности.

Синергетика как теория развития сложноорганизованных систем в противовес классическим представлениям об общественной эволюции показывает, что «хаос» в противовес «порядку», может выступать как конструктивный механизм общественного развития. Через простые структуры-аттракторы социальная система эволюционирует к стабильному состоянию.

Выводы. Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать стабильность как состояние и стабилизацию, как социальный процесс, что не является чем-то застывшим, самотождественным в границах того или того социального времени. Хотя стабильность предусматривает воссоздание социальных структур, процессов и отношений в границах установившейся целостности общества, это не является простым воссозданием предыдущих этапов функционирования общества, а включает и элементы изменений.

Литература

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Фрагменты из книги // Иностранная литература. — М., 1993. — № 4. — С. 236-242.
2. Конт О. Система позитивной политики // Западноевропейская социология XIX века. Тексты. / Под ред В. Добренкова. — М.: Канон пресс, 1996. — 310 с.
3. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Г. Ионин (общ. ред.), О. Назарова (пер. с англ.). — М.: Идея-Пресс, 2000. — 208с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. The System of Modern Societies/ Т. Parsons // Л. А. Седова (пер. с англ.), А. Д. Ковалева (пер. с англ.). — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
5. Тернер Дж. Структура социологической науки. — М., 1985. — 440 с.

УДК 316.653:35.08-057.162

ОБРАЗ БЮРОКРАТА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН В XIX ВЕКА

THE IMAGE OF THE BUREAUCRAT IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN THE XIX CENTURY

Башкова И. С., старший преподаватель кафедры документоведения и архивоведения Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Bashkova I. S., Senior Lecturer of the Department of documentation and archival science, Faculty of history, Taurida academy, V. I. Vernadsky Crimea Federal University

Аннотация. В статье автор приходит к выводу, что образ государственного служащего имеет гуманитарное содержание, элементами которого

выступают мифологемные аспекты литературно-художественного и художественного отображения представлений о государственной службе и чиновника, среди которых особый вес имеют мнения об их государственническом подходе, нравственности, преданности делу, чести и достоинстве. Также отмечено, что эти составляющие образа государственного служащего положительно влияют на имидж государственной власти и ее восприятия гражданами и должны более активно использоваться в современной ситуации во время формирования партнерских взаимоотношений между властью и обществом.

Annotation. In the article the author comes to the conclusion that the image of a civil servant has humanitarian content, the elements of which are mythological aspects of literary, artistic and artistic representation of ideas about the civil service and the official, among which opinions about their state approach, morality, dedication, honor and dignity have special weight. It is also note that these components of the image of a civil servant have a positive impact on the image of state power and its perception by citizens and should be more actively used in the current situation during the formation of partnerships between the government and society.

Ключевые слова: бюрократия, общественное сознание, Россия, XIX в., литература, М. Вебер.

Keywords: bureaucracy, public consciousness, Russia, XIX century, literature, M. Weber

Актуальность темы исследования. Демократические преобразования, которые происходят в начале третьего тысячелетия, сопровождаются трансформацией институтов власти и общественного устройства. Очевидно, что особенностью современного трансформационного периода в государственном управлении является и переходное состояние государственной службы. Такое положение привлекает внимание и политиков, и ученых, поскольку сложилось объективное противоречие между теми требованиями к государственной службе, которые выдвигает современная социально-политическая, экономическая, духовная реальность, и существующим стилем мышления и деятельности государственных служащих, с одной стороны, и восприятием образа государственного чиновника — бюрократа в общественном сознании россиян, с другой. Соответственно возникает вопрос о необходимости изменения философии государственной службы, мировоззрения государственных лиц, направленного на поддержку таких отношений между государством и обществом, которые должны формироваться при условии взаимопонимания и сотрудничества. Учитывая это, важно исследовать процессы и механизмы восприятия государственной власти людьми, определить, каким образом отдельные индивидуализированные представления о властных лицах превращаются в инте-

грированный образ государственного служащего — бюрократа, и, соответственно, создают имидж власти.

Как свидетельствует анализ литературы, исследованию феномена государственной власти и способов и механизмов ее осуществления отводилось видное место в трудах известных ученых и мыслителей. Но анализ современной научной литературы по проблемам государственного управления говорит о том, что в научном плане проблема взаимоотношений между властью и обществом, их значение для становления демократического государственного управления и гражданского общества, роли в этих отношениях имиджа власти и представлений о государственных служащих на сегодня остается малоисследованной. В научной литературе государственное управление и государственная служба анализируются преимущественно как организационно-правовые институты, а это ограничивает круг исследования проблемами, связанными с анализом их организационного становления, законодательного оформления и правового регулирования, информационного, материально-технического и финансово-экономического обеспечения. При этом вне поля зрения остается целый ряд морально-этических, ментально-психологических, духовных аспектов деятельности институтов государственной власти, в частности, государственной службы и лиц, ее осуществляющих, то есть именно тех, которые формируют общественное мнение относительно восприятия власти.

В научной литературе почти отсутствуют работы, в которых бы анализировались формы, средства, методы создания образа государственного служащего, власти в целом и исследовались механизмы влияния представлений государственных лиц на восприятие власти обществом. Отдельные исследования моделей организации государственной службы и работы управленческих кадров и механизмов их влияния на имидж власти (труды Г. В. Атаманчука [1], В. Н. Манохина [4], А. В. Оболонского [5] и др.) не могут считаться исчерпывающими, поскольку, во-первых, у них отсутствует ответ на вопрос, каким политическим, экономическим, социальным условиям отвечает тот или иной тип представлений о государственном служащем, а во-вторых, государственная служба достаточно часто рассматривается как закрытая, непрозрачная институция, оставляющая без внимания вопрос необходимости создания и поддержки устойчивых связей ее с обществом. На сегодня в указанном аспекте рассмотрения проблемы государственной службы сквозь призму ее значения в формировании властно-общественных отношений не имеет комплексного характера, и среди исследователей отсутствует единодушное мнение относительно того, как создаются представления о власти, о госу-

дарственных служащих. В условиях актуализации темы перспектив сотрудничества власти и общества, несмотря на большое количество исследований в последние десятилетия прошлого века по проблематике государственного управления, государственной службы, вопросам отношений между властью и обществом учеными было уделено мало внимания. Некоторые ученые, которые рассматривают процессы отношений между властью и обществом именно сквозь призму оценок государственной власти гражданами, одним из критериев оценки состояния государственно-общественных отношений называют, как правило, имидж власти, который формируется на основании результатов восприятия как деятельности властных структур, так и персонального имиджа политических лидеров, а образы общего массива государственных чиновников-администраторов остаются за пределами исследования, что не позволяет в полной мере воссоздать реальное состояние дел.

Цель исследования заключается в определении образа бюрократа в общественном сознании россиян в XIX в. для понимания и обоснования положительного имиджа государственного служащего как предпосылки преобразования отношений между государством и обществом.

Для достижения этой цели были определены следующие задачи:

- рассмотреть эволюцию представлений о власти в процессе исторического развития форм общественного устройства и режимов правления;

- раскрыть формы отражения представлений о власти и властную личность в художественной литературе XIX в. и типизировать их по смыслу.

Объект исследования — отношения между властью и обществом и средства их коррекции.

Предмет исследования — общественные представления о государственном служащем как фактор создания имиджа государства и средство влияния на процесс формирования государственно-общественных отношений.

Сложность исследуемой темы обусловила применение ряда как общенаучных (анализ и синтез, исторический, логический, моделирования, прогнозирования, хронологический), так и специальных методов, в частности, историко-компаративный метод для определения места и роли образа государственного служащего в эволюции представлений о государственной власти и в формировании стиля взаимоотношений государства и общества; ситуационный метод, стержнем которого является анализ конкретных ситуаций, исследование комплекса обстоятельств, влияющих на интерпретацию

отношений между властью и обществом, процесс создания образа государственного служащего, а также определения его влияния на имидж государственной власти.

Методология исследования государственной службы должна исходить из многогранности ее парадигм и учитывать ее значение в формировании отношений между государством и обществом. Одной из них является так называемая веберовская парадигма, которая была распространена среди ученых XX в. По теории М. Вебера [3], бюрократия, государственная служба трактуется как инструмент, с помощью которого в данных социальных условиях проводится собственная воля государства, даже вопреки сопротивлению граждан. Согласно его идеям, власть, государственное управление должны действовать как условное политическое предприятие, где заработная плата, социальный престиж, профессиональная честь, привилегии выполняют роль классической мотивации. Особенностью государственного управления, в отличие от управления классическим предприятием, является то, что все финансовые ресурсы такого политического предприятия сосредотачиваются в высшей инстанции, так что никто из государственных служащих не может рассматриваться как непосредственный владелец ресурсов, которыми он управляет, то есть как владелец или акционер этого предприятия. Идеи М. Вебера разделяли такие известные ученые, как В. Вильсон, Ф. Гуднау, что во многом способствовало их распространению в теории и практике государственного управления.

Использование любых ресурсов государственной службы должно не только соответствовать нормативно-правовой базе, но и быть легитимным, что означает признание и поддержку большинством населения данной власти, а, следовательно, и государственной службы, ее права управлять, а не просто навязывать свою волю, заставлять граждан. Чтобы завоевать и удержать легитимность, сознательное доверие народа, государственная служба прибегает к аргументации своих действий, обращаясь к высшим ценностям (справедливости, правды, человечности), к истории, чувствам, эмоциям, настроениям, реальной или вымышленной воле народа, велениям времени и тому подобное. Типология легитимности, созданная М. Вебером, содержит следующие три формы ее обеспечения: традиция, харизма, легальность. Если «традиционная» легитимность обеспечивается правилами поведения, традициями и обычаями, а «харизматичная» — личными характеристиками обладателя, то легальность современной государственной службы основывается на признании не только гражданами, но и служащими юридических норм, конституции, законов, регулирующих общие отношения управления и подчинения. Положение государ-

ственного устройства во многом зависит от того, каким способом он пытается утвердить свою легитимность: путем авторитарных действий — принуждения и подчинения, в результате привлечения сознательного понимания и создания атмосферы конструктивного сотрудничества государственной власти и общества. В этой ситуации, как уже отмечалось, решающую роль играет имидж власти как механизм отражения, «зеркало» государственно-общественных отношений [3].

Переходя к вопросу отражения государственной власти, государственных служащих в сознании граждан, следует осуществить толкование таких терминов, как «лицо», «воображение», «образ», «фигура», «имидж», которые являются ключевыми для установления уровней оценок восприятия таких категорий, как «индивид», «индивидуальность», «личность» и пр. Несмотря на синонимичность этих слов, они отличаются, с одной стороны, уровнем индивидуализации оценочных характеристик, а с другой — уровнем обобщения.

Для осуществления анализа процесса восприятия власти гражданами с учетом изменений государственно-общественных отношений, определяющими участниками которых являются, с одной стороны, граждане, с другой — государственные лица, государственные служащие, чиновники, наиболее подходящим для обобщения характеристик последних можно считать термин «образ», поскольку он определяет не только индивидуально-личностные характеристики человека, но и его социально-профессиональное положение в обществе. Сам процесс восприятия, как правило, базируется на формировании в сознании человека представления об объекте, где такими выступают в различных ситуациях отдельные государственные лица, их группы и объединения, органы власти, государственная власть, государство в целом.

XVIII-XIX вв. вызвали появление в литературе новых проблем, новых отношений с государством, нового понимания государственности. Стало очевидным, что важным является не только сама государственная идея, но и существующие механизмы ее реализации — бюрократический аппарат. На это время он уже представлял собой достаточно сложившуюся систему, очень неоднородную в социальном, имущественном и образовательном отношении. Еще во время губернской реформы 1775 г. было создано значительное количество новых служебных мест, прежде всего низовых исполнительных, что сопровождалось большими трудностями по их заполнению. В ряде губерний штаты были укомплектованы только в конце 1790-х гг. и нередко случайными людьми и элементарно неграмотными. Нелюбовь дворян к гражданской службе и, как следствие, преобладание

среди служащих представителей непривилегированных сословий отмечали и современники. Историк, генерал-лейтенант Н. Ф. Дубровин, характеризует состав служащих местных учреждений в начале XIX в., писал: «...присутственные места заполнились часто людьми недостойными, безразличными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лет больше сидели дома в недоучках, пока не наступало время их женить. Тогда родители записывают их в низший земский суд и вместе с празднованием коллежского регистратора играется свадьба... Дворянство находилось тогда в таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от нее» [6, с. 122]. По свидетельству известного мемуариста и тайного советника Ф. Ф. Вигеля, дворянство «не уважало» гражданскую службу, «молодые дворяне, как известно, при Екатерине и до нее, вступали единственно в военную службу, более веселую и тогда менее трудную... Собственно званием канцелярского брезговали, и оно оставлено было детям священно-, церковнослужителей и разночинцев» [6, с. 123]. Гражданская служба для дворян не была престижной, но это, по сути, во многом ограничивало их участие в управлении государством. Таким образом дворяне не внесли в кодекс государственной службы аристократические требования чести и достоинства, что были достаточно распространенными и почитались в среде военных.

Литература в начале XIX в. активно начинает интересоваться чиновниками как социальным состоянием. Свидетельством этого является творчество, прежде всего, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкин продолжает в духе классицизма рассматривать государство как порождение исторических условий и объединяющий фактор. Но тема власти в течение всей творческой деятельности поэта раскрывается им неоднозначно. Основным злом считались государственная тирания и помещичья, то есть злоупотребление правом управления и собственности. Спасение от тирании виделось в «разумном» ограничении власти, но с сохранением социальной структуры общества. Пушкин впервые дополнил тему власти темой народа, общества как определяющей силы истории. Тема власти и народа, государственности и личности, решается им в знаменитом «Медном всаднике» и получает художественное воплощение в противостоянии Петра как абсолютной государственности и маленького чиновника. Пушкин вывел в русской литературе образ нового героя-чиновника, который вошел в литературу как тип «маленького человека». Евгений из «Медного всадника» и Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» открывают целую галерею образов мелких чиновников в русской литературе. Далее за пушкинскими героями идет полуко-

мичный, полутрагичный титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин из «Шинели» Н. Гоголя, за ним — сентиментальный Макар Девушкин из «Бедных людей» Ф. Достоевского и многие другие.

Положение чиновника, занимавшего низшие должности в царском правлении России, было действительно очень тяжелым. Л. Ф. Писарькова описывает условия службы низовых чиновников: в XVIII в. рабочий день в организациях длился по 12 часов — с 5 утра до 2 часов дня и с 5 до 10 часов вечера, а в случае необходимости служащие оставались и позже. До завершения строительства специальных домов присутственных мест, начавшегося в конце XVIII — начале XIX в., губернские и уездные учреждения часто размещались в малопригодных помещениях. Нередко присутственные места были размещены в столь старых зданиях, что осенью служащие страдали от дождей, а зимой от сильных морозов. Правда, к концу правления Александра I почти все губернские и уездные управленческие учреждения были переведены из временных помещений в новые дома. Однако внешнему виду этих дворцов далеко не всегда соответствовала внутренняя атмосфера. Так, в присутствиях, которые в 40-е годы XIX в. посещали гоголевские герои «Мертвых душ», стены имели «... темноватый вид — снизу от спин канцелярских чиновников, сверху от паутины, от пыли. Бумаги без коробок, в рядах, одна на другой, как дрова... Вместо чернилниц иногда стояло дно разбитой бутылки». Впечатление дополняли грубые окрики начальника, его неизменное «ты» по отношению к подчиненному. Хотя к середине XIX в. в служебном быту гражданских служащих и произошли значительные изменения, Александр I издал специальный указ «О не действии в присутствующих местах над приказнослужащими бесчинства и жестокости». Этот документ хорошо характеризовал обстановку в заведениях: «В делах правительствующего Сената выяснилось, что в некоторых губерниях советники губернских правлений наказывают приказных служащих неприлично и бесчинно, а именно: сажают под стражу, в тюрьму, держат в цепях, таскают за волосы, бьют по щекам, и, наконец, наиболее больных побуждают к отправлению должности... чтобы такого бесчинства и жестокости допустим нигде не было» [6, с. 128]. Вполне понятно, что существующий порядок, который был обусловлен общественным строем России, нельзя было отменить принятием одного указа. Материальное положение маленьких чиновников было действительно очень сложным, но одновременно они были и значительным объектом критики и общественного порицания. Тема различия личных и государственных нужд и проблем стала тем определяющим

направлением, которое позволило взглянуть на человека с его личной жизнью как на составляющую общества. Несмотря на то, что личное «Я» его вроде бы теряется в водовороте глобализма государственных проблем, он и именно он определяет общественный строй и формирует направления его обустройства. И с этим фактом нельзя было не считаться.

Отношения русских писателей и государства в XIX в. вообще складывались неоднозначно. Почти все литературные произведения того времени были наполнены гражданским пафосом. В частности, два больших художественных таланта — Пушкин и Гоголь были сторонниками государственности — мудрой и справедливой. Государственные дела нередко были в центре внимания русских писателей, которые формировали общественное мнение. Острая критика государственности, которая довольно часто провозглашалась творческой интеллигенцией, несмотря на это была вызвана не разрушительными относительно государства тенденциями, а наоборот, творческими. Это можно сказать особенно о Гоголе, взгляды которого на социальный строй были очень консервативны. Именно из-за веры в справедливость монархизма, которая наиболее ярко освещена в его «Избранных местах из переписки с друзьями», он получил сокрушительную критику со стороны В. Белинского в его «Письме к Гоголю» [2, с. 615-619].

Ярко показаны иерархические градации российского чиновничьего аппарата Гоголем в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Обличительные мотивы в его творчестве тесно связаны с его политическими взглядами. Просветительские иллюзии требовали разоблачения зла ради восстановления справедливости. В развитии российской комедии от «Недоросля» до «Ревизора» наблюдается роковое падение веса добродетели и повальное разрастание зла, достигающее у Гоголя размеров социального бедствия. Уже не одна семья, не какое-то московское общество, а весь город погряз в пропасти порока. «Ревизор» — комедия от начала и до конца социальная: страх перед начальством и желание достичь высшего чина поглощает все личное в человеке, превращает его в искаженный механизм.

Одна из важных социальных проблем, которая рассматривается в «Ревизоре», — взяточничество. Это, действительно, на то время была настоящая беда общества и власти. Отсутствие надлежащего контроля за деятельностью правительственного аппарата порождало беззаконие и неслыханные масштабы этого явления. Пагубные последствия для общества и меры, необходимые для «истребления взяточничества», неоднократно обсуждались в Сенате в специально созданных комиссиях. Однако эти пороки бюрократии продол-

жали существовать и, более того, прогрессировать. Основания для повсеместных злоупотреблений были оговорены самой повседневной жизнью, поэтому их нельзя было ликвидировать механически, только принятием какого-то правительственного решения. «Правительство искушает честность, оставляя ее в бедности», — писал по этому поводу в 1803 г. публицист и директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский. Почти через двадцать лет это же мнение высказал член Государственного совета Н. С. Мордвинов: «пока правосудие в России не будет достаточно вознаграждено с удовлетворением всех необходимых потребностей исполнителей оно, правда не воцарится на суде, потому что правду поселить нельзя там, где нищета живет! Она несовместима со нищетой...» [6, с. 152]. Итак, несмотря на то, что в самих правительственных кругах взятки признавались злом, низкий жизненный уровень чиновничества становился оправданием существования этого зла. Взятничество и казнокрадство процветали и в XVIII в., о чем свидетельствуют многочисленные законы, которые грозили самыми строгими наказаниями в случае этих вин, а также русская литература — яркий и колоритный, правдивый источник свидетельств о жизни чиновников всех рангов и особенно о том, что объединяло их — о взятках.

А. С. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века» бюрократизм периода правления Екатерины II охарактеризовал одной фразой: «От канцлера до последнего протоколиста все крал и все было продажным» [7, с. 129].

В XIX в. правительственный аппарат не смог избавиться от этих пороков. Реформы государственного управления, которые были проведены Александром I, и, прежде всего, создание министерств, которые сосредоточили в своих департаментах управление Россией, способствовали усилению бюрократизма, что создавало благоприятную почву для казнокрадства и взяточничества. «Воруют», — обще определил ситуацию в России в начале XIX в. М. М. Карамзин [6, с. 153].

В «Мертвых душах» Н. Гоголь создал образ казнокрада и взяточника высочайшего уровня — Павла Ивановича Чичикова, который за свою служебную карьеру прошел путь чиновника с самого низа, от чина к чину, каждый из которых расширял возможности мошенничества. Творчество Гоголя имело целью не критиканство, а именно искоренение зла. Его произведения не были в оппозиции к государству, в том числе и к самодержавию. Он искал пути решения проблем, что были одновременно актуальны и для общества, и для государства. Не случайно, что в России многие писатели вышли из состояния чинов-

ничества, то есть знали проблему изнутри, чувствовали потребность изменить ситуацию к лучшему. К ним можно отнести Радищева, Салтыкова-Щедрина и др. Именно благодаря им, под влиянием сатирических и юмористических образов чиновничества как социального слоя наделяется устойчивыми негативными характерологическими качествами: подбострастием, чиновпочтанием, подхалимством, взяточничеством, злоупотреблениями и т. п.

Таким образом, тип чиновника первой половины XIX в., сформировавшийся под влиянием жесткой системы административного управления, к середине столетия получил окончательное завершение. Основанная на принципах строгой дисциплины, служебной иерархии и признании высшего авторитета — неограниченной власти императора, — эта система отводила довольно скромное место всем остальным структурам власти. От чиновников были нужны лишь безоговорочное исполнение и строгая дисциплина, а не оригинальные самостоятельные решения или инициативы. В этих условиях именно литература стала носителем конструктивной критики, воссозданием идеи стремления к новому, творчески ориентированному типу чиновника.

В заключение необходимо сказать, что среди основных характеристик, отражающих и одновременно формирующих взаимоотношения власти и общества, определены общественные представления о государственных лицах, а также об уровне эффективности организации государственной власти, что может быть воспроизведено с помощью таких синонимичных словесных конструкций, как «образ государственного служащего», «образ бюрократа». Главными проблемами исследования механизмов формирования отношений между властью и обществом сквозь призму образов государственных служащих и имиджа власти видна многоаспектность и междисциплинарность объекта и предмета исследования, что требует применения комплекса методов, которые дополняют друг друга, с использованием системного анализа как основного, что позволяет целостно раскрыть проблему зависимости типа взаимоотношений власти и общества от существующих в общественном мнении образов государственных служащих, которые влияют на имидж власти.

Понятие «образ бюрократа» интерпретировано как системно-целостное, содержание которого раскрывается с помощью структурно-функционального, субъектно-объектного, институционального, стратификационного, информационного, парадигмального, ценностного и других подходов, использование которых позволяет определить значимость общественных представлений о государ-

ственной личности в формировании имиджа власти и стиля взаимоотношений между властью и обществом.

В результате рассмотрения исторического наследия государства и анализа зависимостей стиля взаимоотношений между властью и обществом от известных истории режимов и форм правления в контексте эволюции представлений о власти можно сделать вывод относительно перспективы современной гуманистической содержательности государственной службы и ее социальной направленности относительно нахождения взаимопонимания с обществом. Если на первоначальном уровне зарождения государственности доминировали сугубо патриархальные взгляды на иерархию должностей по принципу «отец-дети», то с платоновских времен отношения между властью и обществом уже строились по принципу «правитель-подданный», а в конце XX в. большинство стран выбрало ориентир на воспроизведение рационалистически-гуманистического типа управления, который предполагает наличие партнерских отношений между государством и обществом. Но усиление власти чиновников нуждалось в мерах по преодолению таких негативных явлений, как злоупотребления, бюрократизм, коррупция. Возникает потребность в установлении общественного контроля над деятельностью бюрократических учреждений и их аппарата.

На основании анализа изменений взглядов на власть в полемической и художественной литературе сделан вывод, что образ государственного служащего имеет гуманитарное содержание, элементами которого выступают мифологемные аспекты литературно-художественного и художественного отображения представлений о государственной службе и чиновника, среди которых особый вес имеют мнения об их государственных подходе, нравственности, преданности делу, чести и достоинстве. Отмечено, что эти составляющие образа государственного служащего положительно влияют на имидж государственной власти и ее восприятия гражданами и должны более активно использоваться в современной ситуации во время формирования партнерских взаимоотношений между властью и обществом.

Изменить образ государственного служащего, который сложился в течение нескольких веков, задача не простая, но от того, как граждане будут относиться к чиновничеству, будет зависеть отношение и к государственной власти, и к государству в целом. На изменении этих образов должно быть постоянно сосредоточено внимание как непосредственно государственных служащих, так и творческих деятелей, и всей общественности.

Литература

1. Атаманчук Г. О целостности государства и государственного управления / Г. Атаманчук. // Власть. — 2001. — № 12. — С. 24-31
2. Белинский В. Г. Избранные сочинения / В. Г. Белинский. — Москва, 2018. — 237 с.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. — М., 1994. — 704 с.
4. Манохин В. Н. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование / В. Н. Манохин. — М., 1997. — 296 с.
5. Оболонский А. В. Человек и государственное управление / А. В. Оболонский. — М., 1987. — 252 с.
6. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века / Л. Ф. Писарькова // Человек. — 1995. — № 3. — С. 122-128; № 4. — С. 152-153
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин; [Примеч. проф. Б. В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. — 4-е изд. — Ленинград, 1977-1979. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. История Пушкина. Записки Моро де Бразе. — 1978. — 415 с.

УДК 81'373.612.2:070

СОВРЕМЕННАЯ ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОР MODERN PRESS AS A SOURCE OF METAPHORS

Бычина Ю. Н., аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Bychina Y. N., post-graduate student of the Department of the Russian, Slavic and general linguistics, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье выявляются особенности реализации ключевых единиц в современных медиатекстах с учетом семантического, прагматического и ассоциативного потенциала. В исследовании подчеркивается, что важную роль при метафоризации политических событий играют языковые единицы из неполитических сфер. Данные слова и конструкции транслируются на определенные сюжеты и ситуации и особенно характерны для социально-политических реалий последних лет.

Annotation. The article identifies the features of the implementation of the key units in modern media texts, taking into account semantic, pragmatic and associative potential. The research emphasizes that language units from non-po-

litical spheres play an important role in the metaphorization of political events. These words and constructions are translated into certain plots and situations and are especially characteristic of the socio-political realities of recent years.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, медиакоммуникация, метафора, коннотация.

Keywords: political text, political discourse, political communication, media communication, metaphor, connotation.

Научная проблема. Современный медиадискурс апеллирует к историческим и культурным фактам, реалиям, отражение которых приобретает в тексте определенную коннотацию. В частности, ценной представляется метафоризация языковых единиц, которые транслируются на тех или иных политических субъектов.

Актуальность работы связана с активным ростом внимания как к политической сфере, так и непосредственно к политической метафоре, интересующей на данный момент уже не только лингвистов, но и представителей других наук (политологии, социологии, психологии). Также актуальность обусловлена перспективностью и эффективностью дальнейшего изучения и применения политической метафоры, отражающей текущие события страны и мира, и заключается в проведении лексикографической интерпретации ключевых слов и анализе контекстов современных СМИ.

Новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа метафорической модели «политика — это театр» в русскоязычных медиатекстах.

Цель работы: выявление особенностей языковой реализации метафорической модели «политика — это театр» в русскоязычном политическом дискурсе.

Данная цель определила решение **задач** следующего характера:

- 1) изучение становления политической лингвистики;
- 2) выявление специфики интерпретации терминов «метафора» и «метафорическая модель» в лингвистических исследованиях
- 3) выявление особенностей употребления метафорической модели «политика — это театр» в масс-медийных текстах;
- 4) анализ образа театра и распределение его на тематические группы.

Для реализации выше поставленной цели были применены такие **методы** исследования как: описательный метод, метод сплошной выборки, интерпретационный, компонентный анализ и элементы количественного анализа.

Материалом исследования послужили тексты русскоязычных СМИ 2010-2019 гг. политической направленности, а также речи

выступлений политиков, политические документы, персональные странички и блоги известных политиков и политических обозревателей. В объем исследования входили не только материалы, опубликованные в России, но и данные других стран СНГ. Критерием отбора было то, что все тексты публиковались на русском языке и касались социально-политических реалий. Объектом исследования являются метафорические модели «политика — это театр», «политика — это цирк» в русскоязычных СМИ 2010-2019 гг. Предмет исследования — особенности языковой реализации метафорических моделей «политика — это театр», «политика — это цирк» в русскоязычных СМИ 2010-2019 гг.

Политическая лингвистика как отдельная дисциплина начала развиваться в 20-50-е годы XX века. Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью У. Липпманна, П. Лазарсфельда, Г. Лассвелла. Важное место в политической лингвистике также занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. Данное направление плотно связано еще с такими направлениями — политической философией и политической теорией. Политическая философия — философская дисциплина, одна из основных областей философского знания о человеке и обществе, посвященная исследованию фундаментальных проблем политики, её наиболее глубоких сущностных оснований. В центре внимания политической философии стоят вопросы о сущности государства и власти, их предназначении и целях, отношении к природе человека и др. Для создания понятий и аргументов, которые будут менять определенную политическую ситуацию, необходимо понимать, как люди мыслят и откуда берутся их представления, как институты влияют на их поведение, как устроены политические идеологии и технологии правления. Общим в политической лингвистике и политической философии является понятие «манипуляция». Изначально манипулирование людьми представляет собой атрибут политики. Философское осмысление проблемы манипуляции сознанием личности было начато еще античными философами. Еще Платон говорил об этом понятии, отмечая такую особенность, как добровольное подчинение, а не насильственное. На данном этапе с политической лингвистикой переплетается и практическая философия,

которая говорит о том, что мысль может непосредственно влиять на действие: либо побуждать человека к действию, либо, напротив, тормозить, останавливать действие, отвращать от него. Практическая философия — это та часть философии, которая пытается непосредственно изучить влияние и непосредственно влиять на жизнь людей через философские тексты и речи, через живое общение философов с людьми. В широком смысле к практической философии относят тексты и речи разных авторов, содержащие философскую аргументацию, обращенные ко всем людям и побуждающие к действию или отвращающие от него. Данная особенность присуща и политическим текстам, причем как текстам СМИ, так и непосредственно речи политиков.

К числу объектов политической лингвистики также относятся и метафора. Политическая метафора — существенная часть политического дискурса «от журналистов» [9, с. 68]. «В ее основе — предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [12, с. 141]. Лингвист Н. Д. Арутюнова в своей работе «Метафора и дискурс» говорит о том, что изучение метафоры традиционно, но что неправильным было бы считать, что метафора используется только в традиционных художественных текстах. Автор отмечает, что метафора активно развивается и функционирует в различных областях знаний: философии, риторике, искусстве, герменевтике, семиотике, литературоведении и лингвистике [1, с. 112].

На данный момент мы можем утверждать, что политическая лингвистика является устойчиво сформировавшимся и активно развивающимся научным направлением. О большой значимости данного направления языка говорит появление и развитие Екатеринбургской лингвистической школы, представителями и организаторами которой являются А. П. Чудинов [10, 11], А. Н. Баранов [2], Е. И. Шейгал [14].

Проведенный в работе анализ научной литературы (работы Н. Д. Арутюновой [1], А. Н. Баранова [2], Л. Е. Бессоновой [3], Э. В. Будаева [4], Р. И. Зарипова [7], В. А. Масловой [8], О. А. Солоповой [9], А. П. Чудинова [11, 12], Е. И. Шейгал [14]) позволил определить политическую лингвистику как актуальное направление современных научных изысканий с широким арсеналом собственного терминологического аппарата. Одной из ключевых категорий политической лингвистики была названа политическая

метафора, которая понимается в работе как «речевое воздействие с целью формирования у реципиента (общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице» (А. П. Чудинов [12, с. 26]), «непосредственно воздействие на адресата для формирования у него отношения к политике (партии, депутату)» (А. Н. Баранов [2, с. 201]). Политическая метафора является зеркалом социально-политических событий и отражает актуальные ситуации и представления. В первую очередь, она отражает ментальный мир как отдельного человека, так и общества в целом, позволяя нам изучать и анализировать особенности когнитивных механизмов человека. В дополнение к этому, политическая метафора отражает обыденные представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, и непосредственно человеческие представления о современной политической реальности. Значимым фактом является то, что структура политической метафоры неоднородна и, как правило, представлена иерархией ключевых единиц, входящих в различные лексико-семантические группы.

На данный момент метафора искусства является одним из самых распространенных способов образного представления политики. Наиболее частотной в употреблении является метафорическая модель «политика — это театр». В качестве иллюстрации фрагментарно опишем метафорический образ театра. Как показал анализ, в медиатекстах данный образ представлен следующими тематическими группами:

1. **Вид зрелища** (театр, представление, балаган);

Новый руководитель райсовета начал вместо работы превращать заседания депутатов в политический балаган и выяснять отношения с главой района (CRNews, 30.12.2018).

2. **Жанр представления** (спектакль, драма);

Политический спектакль запланирован на предстоящем заседании Думы Нижнего Новгорода (НИА «Нижний Новгород» 22.10.2017).

3. **Атрибутика театра** (подмостки, сцена, арена, кулисы, партер, галерка, бутафория, декорации);

Владимир Путин доминирует на российской политической сцене (Россия Сегодня, 15.03.2018).

Условие допуска любых других фигур на политическую арену, в том числе допуск до выборов-2018 — их принципиальный и публичный отказ от уличных методов борьбы (Политсовет, 15.03.2018).

4. **Субъекты театра** (марионетка, кукловод);

Дипломат призвал Запад «не ставить преждевременно клеймо» политической марионетки на депутате (Deutsche Welle, 17.02.2018).

5. Части представления (увертюра, антракт).

Те острые события, которые имели место за последний период в партии, являются только увертюрой к дальнейшему развитию событий (1917, 07.01.2018).

Таким образом, метафорическая модель «политика — это театр» реализуется в политических текстах посредством представленных в работе слотов как через ключевые лексемы, так и через устойчивые конструкции, что позволяет нам говорить о многокомпонентности и сложности структуры данной модели. Данная метафорическая модель в большинстве своем имеет отрицательную коннотацию, актуализируя семы 'наигранность', 'обманчивый', 'показной', 'ненастоящий'. О выходе таких сем из периферии в центр говорили многие лингвисты. Так, например, Н. Г. Шехтман отмечает, что в метафоре «политика — это театр» ярко выражается «лицемерие политической жизни, лживость предвыборных обещаний, предрешенность результатов избирательной кампании, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны» [13, с. 9]. При анализе лексикографических источников, была отмечена частотность употребления и появления переносного значения ключевого слова, являющегося основным при анализе контекстов. Таким образом, можно предположить, что ключевые лексемы театра не только употребляются в живой речи, имея под собой словарную базу, но также входят в словари после активного воздействия при живом употреблении.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М., 1990. — 512 с.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А. Н. Баранов — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
3. Бессонова Л. Е. Лексикографическое описание политических концептов / Л. Е. Бессонова // Культура народов Причерноморья. — Т. 3. — № 60. — Симферополь, 2005. — С. 49-54
4. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 352 с.
5. Бычина Ю. Н. Метафорическая модель «политика — это театр» в масс-медийном политическом дискурсе / Ю. Н. Бычина, Н. А. Сегал // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». — № 2-3. — 2016. — С. 21-28.
6. Бычина Ю. Н. Метафорическая модель «политика — это цирк» в русскоязычных медиатекстах / Ю. Н. Бычина // Сборник тезисов участников III научной конференции профессорско-преподаватель-

ского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского». — 2017. — С. 766-768.

7. Зарипов Р. И. Метафорические образы российской власти во французском политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. — М. — 2014. — С. 127.
8. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. — Вып. 1(24). — Екатеринбург, 2008.
9. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: моногр. / О. А. Солопова. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. — 175 с.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов — М.: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.
11. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А. П. Чудинов. — 2003. — С. 20-31.
12. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / Отв. ред. А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.
13. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафор в российском и американском политическом дискурсе: дис...канд. филол. наук / Н. Г. Шехтман — Екатеринбург, 2005 — С. 15.
14. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса. Единицы языка и их функционирование / Е. И. Шейгал. — Вып. 6. — Саратов, 2000.

УДК 101.1:616-007.71

ИНДУСТРИЯ КРАСОТЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

INDUSTRY OF BEAUTY AS A SOCIAL PROBLEM

Логвиненко В. В., аспирант 1-го года обучения
кафедры стоматологии и ортодонтии Медицинской
академии имени С. И. Георгиевского
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Logvinenko V. V., the 1st year post-graduate student
Department of Dentistry And Orthodontics Medical
Academy named after S. I. Georgievsky,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В работе осуществляется попытка выявить ценностные основания эстетики женского тела в отдельные культурно-исторические эпохи. Автор приходит к выводу, что индустрия красоты становится максимально эффективной при взаимосвязи двух позиций: воспитание ценностных приоритетов у потребителя и культивирование таких эстетических идеалов, достижение которых становится возможным в результате значительных денежных затрат.

Annotation. The paper attempts to identify the value foundations of the aesthetics of the female body in certain cultural and historical eras. The author comes to the conclusion that the beauty industry becomes as accessible as possible when two positions are interconnected: the cultivation of value priorities and the use of such aesthetic ideals, the achievement of which becomes possible as a result of considerable monetary costs.

Ключевые слова: индустрия красоты, воспитание потребителя, ценностные основания, эстетика женского тела.

Keywords: beauty industry, consumer education, value bases, aesthetics of the female body.

На первый взгляд, возникает впечатление, что мода — нечто стихийное, неподвластное анализу и, следовательно, она неуправляема. Мы полагаем, что каждый раз в той или иной модной тенденции можно обнаружить ценностную подоплеку. Более того, мы считаем, что последние сто лет этот процесс стал управляемым. Цель работы: показать, что через заданные аксиологические приоритеты стало возможным создать индустрию красоты.

Известно, что представления о красоте (особенно женской) в различные времена и в разных цивилизациях значительным образом отличались друг от друга. Мы полагаем, что каждый раз можно обнаружить причину этих разнящихся стандартов: они вызваны

определенными историческими условиями, и, как следствие, — культурными ценностями. Мы не ставим перед собой задачу изучить абсолютно все известные человечеству представления о красоте в различные исторические эпохи и в разных культурах — это было бы большим многоотомным исследованием. Наша задача: показать на примерах, что подоплекой канонов красоты всегда выступают ценностные представления, доминирующие в каждой конкретной культуре.

Так, в средние века в Европе фрейлина при королевском дворе должна была выглядеть следующим образом: очень бледная с фиолетовыми кругами под глазами, с подчеркнута высоким специально выбритым лбом, очень худая (в талии 40 см), грудь перетянута (сдавлена). Чтобы соответствовать этому стандарту, женщины натирали лицо лимоном, сбрасывали брови и подвергали себя кровопусканиям [1, с. 9 — 10]. Эти параметры были призваны максимально подчеркнуть доминанту духовности, так как тело представлялось сосудом греха. В те времена полагали, что именно через тело дьявол может завладеть душой человека. Большую опасность представляло тело женщины (это связано с Библейской историей грехопадения), поэтому его нужно было лишить черт сексуальности.

Несмотря на единую платформу христианских идей, стандарты женской красоты в эпоху Возрождения резко меняются. «От резкого принижения ее как символа античной культуры (тело — «сосуд зла», «темница души»; «идолы» и «кумиры» святотатственны и т. д.) до признания тела «братом ослом» (Ф. Асизский) и постановки высокой цели одухотворения плоти» [2, с. 89] — происходит так называемая «переоценка телесности». Известный русский философ Алексей Федорович Лосев так описывает эстетику эпохи Возрождения: «Бог создал мир, но как же этот мир прекрасен, как же много красоты в человеческой жизни и в человеческом теле, в живом выражении человеческого лица и в гармонии человеческого тела [3, с. 53].

Объяснение этой метаморфозы (по сравнению с эпохой средневековья) мы видим в том, что чума в эпоху Возрождения «выкосила» половину Европы — нужно было восстанавливать население, а очень худая женщина для этой функции не пригодна.

На первый взгляд необъяснимой была мода в Китае (с начала X до начала XX века) на миниатюрную женскую стопу. Китайским девочкам привязывали к ступне все пальцы ноги, и заставляли ходить в обуви маленького размера, в результате ступни значительно деформировались, иногда лишая возможности ходить вообще. Такие ноги традиционно назывались «золотыми лотосами». Девочкам было не-

выносимо больно, а из-за нарушения кровотока могли возникнуть серьезные заболевания, вплоть до гангрены. Но без «лотосовой» ножки в Китае на удачный брак можно было и не рассчитывать. Несмотря на это зверство, традиция перевязывания ног сохранялась на протяжении 10 веков и была отменена только в 1902 году указом императора Цин. Полагаем, эта противоестественная мода также имела основания в ценностях культуры: изувечить себе ноги (а, значит, позволить себе не работать) могли только аристократы. Маленькая ножка была свидетельством аристократичного происхождения.

Итак, до XX века каноны красоты формировались как ответ на определенные исторические вызовы или как соответствие господствующему мировоззрению. Самой важной особенностью было то, что мода имела значение для очень небольшого числа людей (для аристократов и богатых людей). Последние сто лет, на наш взгляд, ситуация изменилась: представления о красоте становятся достоянием масс. При этом процесс становится управляемым: с помощью эстетических и аксиологических установок (искусственным образом, извне) происходит манипуляция людьми.

Так, в 1-й четверти XX века появляется довольно-таки противоестественная мода на женскую фигуру — мальчика-подростка. Появляются самые некрасивые фасоны платьев, соответствующие канонам — отсутствие талии, груди, акцент на узкие бедра. Таковую ненависть к женскому телу можно было встретить только в средневековье. Но тело уже не воспринималось «сосудом зла», в чем же дело?

Все это, на наш взгляд, вызвано осознанием достаточно искусственной проблемы — мир озаботился проблемой перенаселения. Мы убеждены, что подобные представления об эстетике женского тела были заданы «сверху», искусственным образом. Очевидно, источников, прямо указывающих на формирование эстетических идеалов, мы априори найти не должны. Но косвенные подтверждения есть, например, они нашли отражения в литературе и в философских произведениях (в романе А. Н. Толстого «Аэлита», Герберта Уэллса «Война миров», в произведении Освальда Шпенглера «Закат Европы»).

Стандарты резко меняются после двух мировых войн. Произошло то же, что и эпоху Возрождения: Европа, потерявшая большое количество населения, восстанавливает его с помощью новых представлений об идеальной красоте.

Таким образом, можно видеть, что в каждую эпоху новый стандарт красоты определялся доминирующими ценностями: изнеженностью и богатством, доминированием духовности над телесностью,

вопросами восстановления населения (решением демографической проблемы).

Последние 30-40 лет процессы формирования идеалов красоты стали полностью управляемыми. Мы живем в мире, где учат тому, что основная «валюта» — это внешность. Реклама рассказывает о том, как стать красивым, ТВ показывает женщин и мужчин, отвечающих традиционным стандартам красоты. Мы считаем, что данная политика не случайна и преследует определенные цели.

На сегодняшний момент при формировании идеалов красоты играет роль множество факторов. Главным из них является экономическая подоплека. Чтобы быть красивой, нужно потратиться: увеличить грудь, губы, сделать пластику лица («идеальные» параметры у женщины без хирургического вмешательства встречаются очень редко). Незаметно расставляются ценностные приоритеты: уже не подчеркивается роль матери, бабушки. В приоритете образ: молодая женщина с пышной грудью и пухлыми губами. В современном обществе красота женского тела олицетворяет, главным образом, удовольствие, о чем говорит Ю. Эвола: «В современной цивилизации Запада пропадает интерес к интеллектуальной жизни, высоким чувствам, поскольку все вытесняется стремлением к телесному (прежде всего — сексуальному) удовольствию, которое в первую очередь, олицетворяет женщина» [4, с. 34 — 35].

По-прежнему представления о красоте женского тела остаются тесно связанными с решением демографической проблемы. Очень верным, на наш взгляд, является представление М. Фуко об использовании женского тела в рамках его учения о теле, как поверхности: «Механизмы власти обращены на тело, на жизнь, на то, что заставляет ее размножаться, на то, что усиливает род, его мощь, способность господствовать и использоваться» [5, с. 253].

Худая, высокая женщина с маленькой грудью и узким тазом, с медицинской точки зрения, не способна к вынашиванию и рождению здорового потомства. Рассматривая проблему глобального перенаселения и нехватки продовольствия, формирование у молодого поколения таких представлений о красоте женского тела в долгосрочной перспективе позволит привести к снижению деторождения и уменьшению демографического бума.

При этом стремление женщин похудеть и «исправить» себя ежегодно приносит колоссальные доходы индустрии красоты. Важно отметить, что пресловутые стандарты «90-60-90» очень часто являются параметрами нездорового организма. Жесткие диеты, изнурительные физические нагрузки, состояние хронического стресса приводят к нарушению функционирования организма как единой системы. Суще-

ствуется мнение, что «дисциплина тела, любое научение и даже режим дня — это модификации наказания» [6, с. 342 — 343]. Мы согласны с этим утверждением частично: во всем необходимо знать меру: правильное питание — залог здоровья, умеренные физические нагрузки лежат в основе здорового сердца.

С медицинской точки зрения, именно натурализм правильно представляет акценты в красоте: женское тело создано для репродукции. Стремление продолжить род, выносить здорового ребенка — вот, что должно воспитываться в молодежи. Важно отметить, что в последнее время в мире наметилась отчетливая тенденция к переосмыслению стандартов женской красоты.

Так, в 1996 году возникло направление «бодипозитивизм», целью которого является освобождение людей от страданий, связанных с необходимостью соответствовать нормативному образу тела, принятому в обществе. Бодипозитив связан со стремлением освободить отношение к телу от стандартов и общественного гнета, который, с одной стороны, связан с гендерным неравенством, когда от общества женщины идет посыл «будь привлекательна», с другой — представлением о том, что такое красота вообще. Сторонники этого движения предполагают, что людям необходимо освободиться от критики и общественного осуждения, чтобы услышать потребности тела и полюбить его [7, с. 155 — 156].

Идеальное совершенное тело стало для современной женщины навязчивой идеей, а несоответствие ему — источником страданий. Однако сейчас женщина сама должна решать, как жить и выглядеть, не обращая внимания на «мифы о красоте». На наш взгляд, бодипозитив является перспективным направлением, способным сломать существующие стереотипы о женской красоте.

Таким образом, мы приходим к выводу, что женская красота на сегодняшний день является объектом общественных манипуляций. Существующий стандарт женского тела является продуманной пропагандой средств массовой информации. Мы считаем, что женщина, в первую очередь, является матерью, поэтому современное представление об идеальных параметрах женщины требует переосмысления.

Литература

1. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике [Текст] / Пер. с итальянского А. П. Шурбелева. — СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2003. — 256 с.
2. Шоркин А. Д. Схемы универсумов в истории культуры: Опыт структурной культурологии. — Симферополь, 1996. — 216 с.
3. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. — 623 с.

4. Эвола Ю. Метафизика пола / Ю. Эвола. — М.: Беловодье, 1996. — 448 с.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет [Текст] / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
6. Яблонская Л. В. Специфика женской телесности как объект гендерной философии / Вестник ИРГТУ. — 2015. — №10. — С. 340— 344.
7. Современные исследовательские практики в социологии сборник материалов конференции молодых ученых (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / Под общ. ред. В. В. Семенович; ФНИСЦ РАН. — Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. — 232 с.

УДК 316:342.25 (091)

ЗЕМСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ZEMSTVO AS A SOCIAL PHENOMENON

Моргунов К. Г., аспирант кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Morgunov K. G., post-graduate student, Department of Russian history, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассмотрены причины, значение и последствия введения земской реформы 1864 года для населения Российской империи, а также исследованы социальный феномен российского земства. Отражена необходимость активного вовлечения широких социальных слоев в общественную и государственную жизнь и устройства самоуправления на местах, которое явилось важным инструментом возникновения и развития инициативы и активности населения в политической, культурной, хозяйственной и других областях.

Annotation. The article discusses the causes, significance and consequences of the introduction of the Zemstvo reform of 1861 for the population of the Russian Empire, as well as the social phenomenon of the Russian Zemstvo. The necessity of active involvement of broad social strata in social and state life, local self-government, which was an important tool for the emergence and development of initiative and activity of the population in the political, cultural, economic and other areas.

Ключевые слова: земство, социальный феномен, социальная сфера, реформа, самоуправление, управа, уезд, губерния, земское собрание, гласный.

Keywords: zemstvo, social phenomenon, social sphere, reform, self-government, uprava, uезд, guberniya, zemskoye sobranie, glasnyy.

Проблема социального противоречия и социальной стабильности, взаимодействия государственной власти с органами власти на

местах продолжает вызывать интерес у научного сообщества. В связи с этим **актуальным** является обращение к опыту земств имперского периода и реформе 1864 года, которая систематизировала местное самоуправление. Земства накопили значительный опыт организации социальной инфраструктуры и местного хозяйства, выработали действенные меры местного общественного управления и контроля, аккумулировали в ходе своего развития общественное мнение по всем злободневным вопросам российской жизни.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем отдельно подвергаются анализу особенности социальной организации и деятельности земства как явления.

Целью исследования является изучение земства как социального явления российской жизни. Основными **задачами** работы является изучение социальных причин возникновения земств и их значения, а также причин вовлечения широких социальных слоев в общественную и государственную жизнь России.

Для рассмотрения полноты картины социальной жизни России в работе применяются теоретические **методы** — анализ и синтез. Логический метод используется для эффективного определения причин, побудивших страну к реформе. Также в исследовании используются исторический и сравнительный методы, которые помогают отразить изменения в социальной жизни Российской империи после введения земской реформы.

Для комплексного изучения темы необходимо обратиться к терминологическому аппарату. Требуется выявить исходное фундаментальное понятие исследования «социальный феномен».

Социальный феномен — одно из основополагающих понятий социологии и социальной философии, которое означает «элемент социальной реальности, обладающий всей полнотой социальных свойств и признаков» [12]. Это явление взаимодействия людей, осуществляемое в социальном пространстве: непосредственно в контактной группе или опосредованно через причастность индивидов к сообществам через социальные организации и институты [13, с. 291].

С 1860-х гг. органы земского самоуправления вовлекаются в социальную работу. В сфере общественного призрения деятельность земств по мере укрепления институтов организации управления на местах становилась разносторонней и более широкой. Опыт земского самоуправления свидетельствует о том, что качественное выполнение государством своих задач и функций, в том числе решения вопроса повышения уровня жизни населения, предполагает с объективной необходимостью активное вовлечение широких социальных слоев в общественную и государственную жизнь [11, с. 47].

Опыт создания и деятельности земств наглядно показал, что устройство самоуправления на местах являлось важным инструментом возникновения и развития инициативы и активности населения в политической, культурной, хозяйственной и других областях, выполняло роль школы социального управления. Губернские и уездные собрания и управы в своей всесторонней деятельности по регулированию местного хозяйства и повышению качества быта населения накопили колоссальный опыт организации общественной поддержки и помощи населению в самых различных сегментах социальной сферы, передали будущему поколению такое ценное наследие, которое достойно внимания и всестороннего исследования в современных условиях [1, с. 18].

Земское самоуправление являлось одним из видов выражения либеральной тенденции в политическом течении Российской Империи второй половины XIX века. Рассматривая организацию правового государства как важную ступень демократического реформирования Российской Империи, идеологи либерального движения в качестве одного из составных частей его строительства считали создание и распространение системы местного самоуправления [7, с. 209]. В 1860-1870-е гг. программа их деятельности по демократизации государственного порядка включала следующие условия: внедрение всеобщих учреждений управления на местах, сдерживание полномочий бюрократии, предоставление населению гражданских прав и свобод и др. Активные высказывания либеральных слоев за распространение местного самоуправления стали ключевым обстоятельством, под воздействием которого правительство пошло на осуществление земской реформы 1864 г. Другой побудительной причиной данного акта было желание монархии в определенной степени компенсировать дворянству потерю вотчинной власти над крестьянами. Большое значение одновременно имело и осознание правительством нежизнеспособности дореформенной модели административного управления делами регионов [4, с. 53].

Б. Б. Веселовский, известный исследователь истории земства, оценивая данный социальный феномен, отмечает, что результатом бюрократического руководства, при котором регионы и население с их многочисленными проблемами находились на положении «домашнего хозяйства исправника», что привело к упадку экономической жизни, здравоохранения, просвещения и иных отраслей социальной сферы. В данных условиях не находится возможным достичь какого-либо повышения качества народной жизни и быта без вовлечения общественных масс. Именно поэтому земская реформа оказалась объективной необходимостью и неизбежно-

стью, исторически обусловленной реакцией на запросы нового, капиталистического порядка, утверждавшегося в Российской Империи [3, с. 602].

1 января 1864 г. Александр II своим указом утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [10, с. 574]. Согласно данному законодательному акту на местах формировалась система выборных органов самоуправления, состоящая из уездных и губернских собраний, которые избирались сроком на три года. Органами исполнительной власти земских собраний являлись уездные и губернские управы. Они являлись постоянно действующими учреждениями с трехлетним сроком полномочий. Выборы в органы земского самоуправления осуществлялись по трем избирательным куриям: сельских обществ, городских избирателей и уездных землевладельцев [14, с. 129]. В основе системы выборов лежал принцип имущественного ценза, лишавший избирательного права определенные категории населения. В процессе компании выборов в каждом уезде для избрания гласных уездного земского собрания организовывалось три избирательных съезда. В заседании первого съезда принимали участие землевладельцы, имеющие не менее 200 десятин земли. На второй съезд созывались городские собственники с определенным имущественным цензом [14, с. 148]. Третий избирательный съезд составляли избранные на волостных крестьянских сходах выборщики от сельских обществ. Все съезды без исключения избирали установленное количество гласных уездного земского собрания. Гласного губернского земского собрания избирали на уездных собраниях. Пропорционально количеству избирателей количество уездных гласных по различным уездам достигала 96, а губернских гласных — 100 человек [14, с. 152].

Структура земского самоуправления не охватывала территорию всей империи, по закону от 1 января 1864 г. она была введена в 34 губерниях России. Прав на самоуправление не получило население Сибири, Астраханской, Архангельской и Оренбургской губерний. Реформа также не коснулась Средней Азии, Кавказа и Казахстана. В тех губерниях, на которые распространялось действие закона, он не одновременно вступал в силу. Реализация земской реформы растянулась на 15 лет [5, с. 241]. На первых порах органы местного самоуправления появились в 19 губерниях империи. В 1866 г. они появляются еще в 9 губерниях. С 1867 по 1879 года земские учреждения были сформированы в Вологодской, Бессарабской, Вятской, Олонецкой, Пермской и Уфимской губерниях. К 1914 г. земства имелись в 43 губерниях Российской империи.

Самодержавным правительством был сразу ограничен правовой статус земских органов. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» не определяло их в качестве политических органов. Правительство решает, что объектом «попечения» органов земского самоуправления должны быть и социально-культурная, и экономическая сферы подведомственных территорий, их местные «пользы и нужды». Главное внимание земства сосредоточили на мерах по организации местного быта и хозяйства, в числе которых значительный вес имело социальное обслуживание населения [8, с. 60].

По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» в полномочия земских управ и собраний входило:

- заведование капиталами, имуществами и денежными сборами земства;
- меры обеспечения народного продовольствия;
- устройство и содержание принадлежащих земству зданий, других сооружений и путей сообщения, содержимых за счет земства;
- заведование земскими лечебными и благотворительными заведениями; попечение и призрение бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сырых и увечных и прочие меры призрения; способы прекращения нищенства; попечение о построении церквей;
- попечение о развитии местной торговли и промышленности;
- управление делами взаимного земского страхования имуществ;
- участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах закона определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравии и о тюрьмах;
- содействие к предупреждению падежей скота, а также по сохранению хлебных посевов и других растений [9, с. 106].

С течением времени полномочия земских органов в границах местных «польз и нужд» конкретизировались и расширялись. В обязанности земства стало входить поддержка (содействие) развития земледелия, организация сети местных торговых и промышленных предприятий, благоустройство сел и городов, руководство земскими школами и иными образовательными учреждениями, организация населению медицинской помощи, финансирование больниц, фельдшерских и врачебных пунктов, создание особых капиталов на содержание учреждений общественного призрения и др.

Для того, чтобы осуществлять финансирование всевозможных социально-культурных и экономических мер в угоду местного населения, вводились земские сборы. Для этого земствам было предоставлено право облагать доходы с частновладельческих и надельных крестьянских земель, торгово-промышленных заведений особым налогом. Налогом облагались и другие движимые и недвижимые

имущества в уездах и городах. Главным ресурсом формирования бюджета земств был земельный налог. По мере развития хозяйства в земствах росло и налогообложение. Например, в 1864 г. расходы земств составили 14, 5 млн руб., в 1876 г. выросли до 30, 5 млн руб., а в 1910 г. смета была определена суммой 90 млн руб. Лишь с 1907 г. земские органы стали получать финансирование от государства, величина расходов земств с этого времени стала возрастать еще больше. В 1910 г. на местные нужды органы земского самоуправления затратили почти 170 млн руб., а в 1912 г. из общей суммы земских сборов 103 млн руб. получено было путем налогообложения лесов и земель 25 млн руб. с торговых и фабрично-заводских помещений, 17, 5 млн руб. с жилых домов уездах и городах. Вместе с государственным финансированием земские расходы в 1912 г. превысили 220 млн рублей [9, с. 200].

Непосредственное управление хозяйственными и социальными делами местного значения осуществляли земские губернские и уездные управы. В 1880 г. в стране действовало 34 губернских и 360 уездных земских управ. В эти органы входило более 1300 выборных членов. Постепенно при земствах сложился штат постоянных работников, число которых в 1912 г. составляло 85 тыс. человек [8, с. 271].

Подводя **итоги**, следует сказать, что земские управы в вопросе реализации своих функций опирались на специалистов, которых они принимали на работу в подведомственные земствам учреждения. В 1886-1908 гг. количество врачей, учителей, агрономов, страховых агентов, статистиков, землеустроителей, инженеров и иных лиц, которые работали в учреждениях земского ведомства, увеличилось с 32-35 тыс. до 65-70 тыс. человек. В составе земских специалистов и служащих различных отраслей в целом в 1912 г. насчитывалось почти 150 тыс. человек. Высокие образцы служения народу показали многие представители сельской интеллигенции. Отдавая свои знания и силы службе в учреждениях, которые создали органы самоуправления, либеральная земская интеллигенция практически заново создала целую группу отраслей местного хозяйства и социальной сферы [3, с. 705].

Литература

1. *Абрамов В. Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура / В. Ф. Абрамов. — М., 1996. — 351 с.
2. *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. 1. / Б. Б. Веселовский. — СПб.: Издательство О. Н. Поповой, 1909. — 741 с.

3. *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. 4. / Б. Б. Веселовский. — СПб.: Издательство О. Н. Поповой, 1911. — 868 с.
4. *Гармиза В. В.* Земская реформа и земство в исторической литературе / В. В. Гармиза. — М., 1960. — 280 с.
5. *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. — М., 1990. — 473 с.
6. *Звягинцев Е. А.* Полвека земской деятельности по народному образованию / Е. А. Звягинцев. — М., 1915. — 374 с.
7. *Лаптева Л. Е.* Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева. — М., 1993. — 298 с.
8. *Максимов Е. Д.* Из истории и опыта земских учреждений в России / Е. Д. Максимова. — СПб., 1913. — 350 с.
9. *Маслов С.* Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования (1864-1914) / С. Маслов. — М., 1914. — 243 с.
10. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ): Собрание второе: 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 г.: В 55 т. Т. 39: 1864. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867.
11. *Соловьева М. Ф.* Земская школа: опыт общественно-государственного управления / М. Ф. Соловьева. — Киров, 2000. — 407 с.
12. Социальный феномен — Философия науки: Словарь основных терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://philosophy_of_science.academic.ru/234/ (Дата обращения: 20.03.2019).
13. Философия. История и теория: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухин. — М.: Мир философии, 2016. — 799 с.
14. *Шутов А. Ю.* Земские выборы в истории России (1864-1917 гг.). Исследование избирательных систем / А. Ю. Шутов. — М., 1997. — 398 с.

УДК 168

ТРАВЕЛОГ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ TRAVELOGUE AS AN ANTHROPOLOGICAL DEMAND

Рянов Р. И., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Ryapov R. I., postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье анализируются актуальные для гуманитарно-го знания, а также для литературоведения, особенности и специфика путешествия как формообразующий базис травелога, отображается проблематика исследования путешествия как средства межкультурной коммуникации. Автор делает акцент на изучении фундаментальных мотивационных механизмов путешествия, его исторических форм, а также рассматривает его как выработанную на протяжении развития человека потребность. Отдельной категорией исследователь отмечает образование этнокультурных стереотипов в процессе осуществления акта путешествия.

Annotation. The peculiarity and specificity as the base-formatting factor of travel being relevant to humanitarian directive of knowledge and science of literature are analyzed and problematics of the study of travel as the means of cross-cultural communication in the article. The author underscores the research of fundamental motivational mechanisms of travel, its historical forms, and considers travel as necessity that has been being produced during humanity evolution. The researcher displays the formation of ethnical and cultural stereotypes during the process of travel's act is being conducted as the independent category.

Ключевые слова: травелог, путешествие, межкультурная коммуникация, стереотип.

Keywords: travelogue, travel, cross-cultural communication, stereotype.

Актуальность. На протяжении многих столетий человечество испытывало потребность в постижении нового, что обуславливается когнитивной природой мышления человека как биологического вида. Эпоха современности дает возможность беспрепятственного пересечения пространственных границ практически любой страны с целью ознакомления с ней, познания национальных особенностей ее населения, обычаев и иных социокультурных вариаций жизненного уклада.

Проблема: путешествие представляет собой синкретичное с антропогенетическим процессом явление, которое характеризуется различными потребностями, историческими формами, многообразными мотивами, а также является инструментом эмпирического познания инокультурного пространства.

Цель: изучить путешествие как антропологический фактор когнитивной деятельности человека. **Задачи:** проанализировать специфику путешествия как метода познания инокультурного пространства; исследовать базовые мотивационные механизмы путешествия, а также определить его исторические формы; представить этнокультурные стереотипы как обязательное следствие процесса путешествия. **Новизна:** несмотря на наличие значительного количества научных трудов, посвященных путешествию и травелогу в частности, данная сфера все же остается недостаточно изученной, что обуславливает новизну данного исследования. **Методы:** метод компонентного анализа, структурно-функциональный метод.

Потребность человечества в путешествии наблюдается на протяжении практически всего его существования. Изначально она проявлялась как жизненная необходимость в освоении новых земель, которые были более пригодными для проживания. Речь идет о том историческом явлении, когда древний человек (питекантроп) начал заселять территории современной Европы, проникая в нее с юга. Как утверждает известный историк А. С. Орлов, это произошло около 700 тысяч лет назад. Отметим, что подобные явления на протяжении истории человечества встречаются достаточно часто, о чем свидетельствуют процессы Великого переселения народов, длящиеся в период с 4-го по 7 вв. н. э. [5, с. 13]. Примечательно, что это переселение было спровоцировано давлением со стороны тюркского племени гуннов, у которых перемещение в пространстве с целью освоения новых земель стало основой образа жизни (кочевничество).

Очевидно, что обусловленное постоянно изменяющимися условиями жизни освоение новых земель мало схоже с сущностью путешествия в современном его понимании. Однако данный процесс представляет собой первоначальный этап формирования сначала на физическом, а затем и ментальном уровне потребности человека к путешествию. Имеется в виду своеобразный эволюционный ход не только предмета и цели путешествия, но и его причин, сменивших тематический вектор с базового перемещения в пространстве на духовную интенциональность [1]. Так, сферу желаемых практических результатов начинает формировать познание, являющееся ключевым аспектом путешествия, помимо очевидного и аутентичного ему перемещения в пространственной плоскости. Необходимо подчеркнуть,

что подобный когнитивный процесс является многовекторным, поскольку направлен на различные области культуры той или иной посещаемой страны, будь то особенности языковой картины мира, линия традиций и обычаев, религиозный контекст, социальная стратификация, внутрисемейные отношения, ценностно-ориентированная концепция и вектор искусства. Безусловно, локативные характеристики выступают в роли первостепенных факторов, формирующих основу путешествия и потребности в нем, однако подобно тому, как предмет познания неразрывно связан с субъектом, по мнению М. Ю. Тимофеева, познавательный процесс путешествия является невозможным без путешественника, который, в свою очередь, «выступает семиотически необходимым фактором места» [6, с. 123]. Более того, благодаря самому путешественнику образуется смысловое поле того или иного пространства, что делает возможным различие множества топосов между собой по определенным критериям. Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что любое путешествие является эволюционным продуктом сначала ассимиляции нового окружающего человека пространства и территории, а в дальнейшем — естественным процессом когнитивного восприятия объективной действительности, связанной с инокультурными вариациями различных стран.

История человечества демонстрирует тот факт, что необходимость в смене той или иной географической локации не возникает бесосновательно, а подкрепляется важной причиной, которая формирует мотивационный механизм путешествия. Такой российский философ как А. Н. Назаров утверждает, что перед каждым из путешествий стоит какая-либо задача. В силу этого важно обозначить, что существует достаточно большое количество вариантов классификаций исторических форм путешествия. Однако ввиду этого в качестве основных форм путешествия нами были избраны следующие:

1. Паломничество.
2. Экспедиция (научно-исследовательская, военная).
3. Туризм (походы, непосредственно путешествие) [3, с. 51].

В свою очередь, стоит отметить, что существует и иная точка зрения, представители которой считают путешествие самоцелью. Однако философский подтекст путешествия отображает собой гораздо более широкий ряд целей и задач, чем перемещение в пространстве ради самого процесса перемещения. И, главным образом, следует отметить такие цели путешествия, которые формируют мотивационное подспорье для каждого туристического акта, а именно:

1. Межкультурная коммуникация (познание инокультурного).
2. Создание и трансляция стереотипов (автостереотипы и гетеростереотипы).

3. Восприятие нового и передача уже имеющего опыта.

Травелог, равно как и его основная составляющая — путешествие, играет большую роль в процессе познания и обмена культурным опытом. Абсолютно любое путешествие представляет собой акт межкультурной коммуникации, что обусловливается невозможностью невступления в культурный диалог: знакомство с достопримечательностями, памятниками, особыми территориями и есть основания межкультурной коммуникации [3, с. 42]. С учетом этого важно отметить, что не каждое путешествие является травелогом, поскольку последний не только должен представлять собой обязательно документальную, достоверную информацию об иностранном мире, но и выступать в роли средства межкультурной коммуникации. В случае, если этот фактор отсутствует, путешествие и его описание не может именоваться травелогом. Таким образом, в процессе путешествия устанавливаются двусторонние взаимосвязи, в ходе которых благодаря интерпретационному механизму формируются определенные представления как об инокультурном пространстве, так и о самом путешественнике.

Представленный выше факт дает основание констатировать, что продуктом межкультурной коммуникации в процессе путешествия выступает устойчивая интерпретационная установка. Это формирование стереотипов является неотъемлемой частью осуществления путешествия. Однако, говоря о стереотипной перцепции в период осуществления путешествия, нельзя не упомянуть о том, что подобного рода стереотипы этнокультурного характера первоначально строятся на восприятии образа так называемого «чужого». Важно указать на то, что особенностями образа «чужого» в концепте «свой-чужой» занимается такая сравнительно молодая наука как имагология. Именно данная научная директива констатирует тот факт, что осуществление путешествия, выступающего, как уже было отмечено нами выше, в качестве фундамента для травелога как литературного жанра, напрямую сопровождается взаимоотношениями по принципу «свой-чужой», где функцию «своего» выполняет сам путешественник, его картина мира, культурные установки, система ценностей, а в образе «чужого» предстает культурное пространство другой страны, ее национальные особенности, нормы и образ жизни. Говоря о стереотипах как о следствии описанной выше межкультурной коммуникации, важно понимать, что в контексте последней интерпретация образа «чужой» страны вне категории стереотипа представляется невозможной. Более того, существует разделение стереотипов на два вида: гетеростереотипы (отвечают на вопрос кто они такие?) и автостереотипы (кто мы такие по сравнению с ними?) [2, с. 293]. Отметим, что

каждая из стереотипных установок, возникая при совершении акта путешествия, будет выполнять опытообразующую функцию, чему способствуют два факта:

1) стереотип может сформироваться только на основании реального исторического опыта;

2) этнокультурные устойчивые представления (стереотипы) обладают свойством транслирования определенной семантики в долгосрочной перспективе [4, с. 87].

Подводя итоги, следует отметить, что потребность в путешествии является неотъемлемой частью человеческой когнитивной деятельности. Процесс познания инокультурного при осуществлении акта путешествия подразумевает под собой формирование определенных этнокультурных стереотипов, которые, в свою очередь, базируются на детерминации «чужого» относительно «своего», а основой любого стереотипа выступает именно документальный факт, реалия, запечатленная путешественником.

Литература

1. Блауберг И. И. Философские путешествия Виктора Кузена (к истории рецепции идей немецкой философии во Франции в XIX в.) // Философские науки. — 2013. — №11. — С. 104-118.
2. Муртузалиев С. И. Задачи изучения инациональных стереотипов во взаимоотношениях народов «дуги нестабильности» (XVIII-XXI вв.) // Исторические записки. — 2016. — С. 285-296.
3. Назаров А. Н. Путешествие как метод постижения бытия / А. Н. Назаров. — М.: Российская международная академия туризма, 2016. — 184 с.
4. Овчарова Е. Э. Проблема жанра в литературе путешествий и философия истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2009. — №3. — С. 86-92.
5. Орлов А. С. История России / А. С. Орлов. — М.: Проспект, 2019. — 528 с.
6. Тимофеев М. Ю. Философ путешествий // Вестник Ивановского государственного университета. — 2013. — №3 (6). — С. 123-124.

IV. ГОРИЗОНТЫ ИДЕОЛОГИИ

УДК 1.291.7 (5-14)

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА И ЭКСТРЕМИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ IDEOLOGICAL STRUGGLE AND EXTREMISM IN THE MIDDLE EAST

Мирошников О. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского»

Miroshnicov O. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor Department of Philosophy and Social Sciences of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье говорится о традиционализме как агрессивном движении, способном принимать как религиозную, так и антирелигиозную форму. Как проявление традиционализма на Ближнем Востоке рассматриваются современные исламские движения.

Annotation. The article suggests, how aggressive traditionalist movement capable of receiving both religious and anti-religious form. As a manifestation of traditionalism in the Middle East are considered the modern Islamic movements.

Ключевые слова: конфликт, мировая религия, герилья, агрессивность, традиционализм.

Keywords: conflict, world religion, guerilla, aggressiveness, traditionalism

С появлением мировых религий значительная часть конфликтов проявляется как межконфессиональные.

В процессе исторического развития — а это развитие может быть рассматриваемо, помимо прочего, и как борьба идей — можно наблюдать как целые страны и народы в течение веков увлекались фантомами.

В XX в. таким ложным маяком был фашизм. В христианских странах этого времени не только появляются фашистские партии, но иногда фашизм приходит также и к власти. Но как обстоит дело с другими странами, не затронутыми христианской культурой? Иногда находят «фашистские» партии в Турции, Иране, Индии. Вот, собственно говоря, и все. Исключение, однако, лишь подтверждает то правило, которое не формулируется никем, но существует: фашизм

возникает на определенном этапе в ареале распространения христианской культуры.

Во многих религиях кроме светлой силы присутствует также сила темная. Люди, принимающие религиозную картину мира, в большинстве своем верят в божество, представляющее светлую силу. Однако не все и не всегда. И, в частности, в христианстве место, которое в XX в. займет фашизм, издавна было определено достаточно точно. Это место занимала фигура Антихриста.

В этом плане идеи ислама не подвергались подробному анализу. Но история ислама также дает немало примеров служения темным силам под личиной служения Богу.

Так можно сказать, например, о средневековых исмаилитах. Они «держались в своих замках, пользуясь всеобщим беспорядком, и продавали услуги своих фидаинов феодалам, желавшим избавиться от того или иного соперника. Убийства приносили секте доход» [1, с. 229]. У современников не было сомнения: мусульмане-исмаилиты являются служителями зла.

Ближний Восток издавна был сферой действия ислама. Но религиозный экстремизм и терроризм как форма проявления последнего объясняется еще и давним противостоянием в этом регионе двух мировых религий — ислама и христианства, — которые, по выражению С. Хантингтона, «сражаются по всему свету за новых приверженцев и находят их» [5, с. 555 — 556].

Едва ли не в каждой из стран, где «фашистское» движение существует, оно называется по-своему. Поэтому нам представляется убедительной позиция У. Эко, предложившего для подобных контркультурных явлений обобщенное название «традиционализм». Главной характеристикой традиционализма Эко считает культ традиции, возникновение же его относит к периоду позднего эллинизма. Традиционализм возник «как реакция на рационализм классической Греции» [8, с. 68].

Итальянский философ полагает (и, по-видимому, вполне справедливо), что в условиях современного общества, когда прежний пролетариат превращается в мелкую буржуазию, традиционализм «найдет в этом новом большинстве превосходную аудиторию» [8, с. 72]. События, происходящие в ряде стран Восточной Европы, как представляется, служат убедительным подтверждением этого прогноза.

Но было бы ошибкой ограничивать этот прогноз только народами, принадлежащими к христианской религии и европейской культуре. Положение в ареале распространения третьей мировой религии — ислама — представляется наиболее тревожным. Не слу-

чайно С. Хантингтон говорит об упадке Запада и об исламском возрождении [5, с. 162 — 163]. Обе великие религии, христианство и ислам, пытаются войти в зону действия друг друга.

Задолго до сегодняшних событий один из футурологов сделал вывод: неважно по каким причинам, но мусульманская враждебность к христианам в грядущем, весьма вероятно, возрастет [4, с. 488 — 489].

Об этом, в частности, свидетельствует наличие огромного количества экстремистских и откровенно террористических организаций на Ближнем Востоке. Одни из них многочисленны и имеют отделения в ряде стран. Другие мало кому известны даже в собственной стране. Всех членов подобной организации порою без труда можно разместить в одной квартире.

Еще тридцать лет назад один востоковед задавался вопросом: смогут ли они реализовать свой призыв к установлению халифата — «истинно исламской власти»? [2, с. 180].

Но что же из этого следует? Случайное с точки зрения любой такой организации событие — например, появление значительного источника внешних поступлений — способно перестроить внутреннюю структуру всей этой массы более или менее самостоятельных организаций. Средства, получаемые одной из организаций, попадают также по разным каналам к другим. Эти последние попадают в положение некоей «вассальной» зависимости от «осчастливленной» и получившей, таким образом, возможность «осчастливить» также и несколько других организаций, а те, в свою очередь, приобретают также и собственных «вассалов».

Здесь, кстати, действует старый феодальный принцип «вассал моего вассала — не мой вассал». И проявляется он, в частности, в том, что «вассальные» террористические организации могут вести борьбу, помимо прочего, также и против своих западных спонсоров на полученные от Запада средства. Деньги ведь, как известно, не пахнут.

Один из американских авторов еще до начала деятельности ИГИЛ отметил бессилие американской военной машины перед методами борьбы иракских повстанцев и выразил опасение, что подобные методы могут с успехом быть применены против американцев и в будущем [7, с. 353 — 354].

Относительно «технологий и стратегий», используемых повстанцами на Ближнем Востоке, можно констатировать следующее. То, что мир с ужасом наблюдает сейчас в Ираке, представляет собой разновидность герильи. Последняя может быть охарактеризована, как крайний способ борьбы, к которому обращаются в том случае, когда все иные способы борьбы исчерпали себя, не дав результатов [3, с. 118]. Применительно к событиям на Ближнем Востоке

можно сказать, что здесь вызывающие отвращение методы бойцов ИГИЛ определяются также их отвращением к наиболее одиозным традициям религиозной войны. Бойцы ИГИЛ — традиционалисты. Традиционалисты такого же плана как фашисты и неофашисты в европейских странах. Просто в силу особенностей ислама их традиционализм окрашен в религиозные цвета, в отличие от традиционализма европейских фашистов.

Таким образом, в качестве трудности гносеологического характера при рассмотрении экстремистских движений на Ближнем Востоке выступает недостаточность предшествующей работы по обобщению некоторых явлений, общих для всех мировых религий, в частности, христианства и ислама. Надеемся, что данная работа в определенной степени будет способствовать преодолению этой трудности.

Литература

1. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало / Л. Н. Гумилев. — М.: Танаис, 1994. — 541 с.
2. Игнатенко А. А. Халифы без халифата / А. А. Игнатенко. — М.: Наука, 1988. — 207 с.
3. Мирошников О. А. Осмысление герильи как проявления «чистой игры» в философской концепции Ж. Делеза: Материалы I Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения. Керчь, 18 — 19 февраля 2013 г. / О. А. Мирошников. — Керчь, 2013. — С. 115 — 117.
4. Уткин А. Подъем и падение Запада / А. Уткин. — М.: Аст, 2004. — 635 с.
5. Хантингтон С. Кто мы? / С. Хантингтон. — М.: Аст, 2004. — 635 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: Аст, 2003. — 603 с.
7. Шапиро Р. Прогноз на будущее / Р. Шапиро. — М.: Аст, 2009. — 537 с.
8. Эко У. Пять эссе на темы этики / А. Эко. — СПб.: Симпозиум, 2007. — 158 с.

УДК 17 (470+571) + (73) + (510) "1949/1991"

ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКОСИСТЕМЫ: СССР, США, КИТАЙ (1949-1991) ELITES IN THE CONTEXT OF ETHICAL SYSTEM: USSR, USA, CHINA (1949-1991)

Макогон В. Ю., аспирант кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Makogon V. YU., postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена изучению элит СССР, США и Китая в контексте их этнических систем в период холодной войны и разделения на двухполярный мир. Этические системы многогранны и каждая имеет свои плюсы и минусы, что отражает разницу элит разных стран. В исследовании отражено различие и сходство элит в их взаимосвязи.

Annotation. The article is devoted to the study of the elites of the USSR, the USA and China in the context of their ethnic systems during the Cold War and the division into bipolar world. Ethical systems are multifaceted and each has its advantages and disadvantages, which reflect the difference between the national elites. The study reflects the difference and similarity between these elites and ethical systems in connection with their close contact.

Ключевые слова: элиты, этическая система, холодная война, двухполярный мир, СССР, США, Китай.

Keywords: elites, ethical system, Cold War, bipolar world, USSR, USA, China.

Проблемы этических систем различных стран продолжают вызывать интерес у научного сообщества. В этой связи **актуальным** является рассмотрение существования элит в контексте своих этических систем на примере СССР, США и Китая в период существования двухполярного мира. **Новизна исследования** заключается в сравнении элит и этических систем трех государств, отличающихся друг от друга.

Целью исследования является рассмотрение элит в контексте этических систем СССР, США и Китая. Основной **задачей** работы выступает рассмотрение элит в каждой этической системе в отдельности и их сравнение между собой.

В первую очередь будут применяться теоретические методы анализ и синтез, для рассмотрения полноты картины этических систем

и их влияния на элиты. Эти же **методы** способствует выведению общих черт между этическими системами СССР, США и Китая. Сравнительный метод покажет разницу элит в своих этических системах выбранного периода. Также в исследовании используется исторический метод, который раскроет изменения этических систем в период холодной войны.

Для раскрытия темы исследования обратимся к терминологическому аппарату. Требуется выявить исходные фундаментальные понятия «этическая система», «система ценностей» и «элита».

Система ценностей — это определенный перечень, список элементов, каждый из которых соотнесен с кодами добра и зла. Элементами таких списков могут быть природные и социальные явления, предметы культа, общественные цели, а также поступки и качества людей. Этот список усваивается членами обособленной организации людей в процессе воспитания и обучения и, как правило, делается неотъемлемым атрибутом личности. Однако, владение этим списком недостаточно для решения даже простейших социальных задач, так как индивид обычно оперирует не одной ценностью, а комплексами, внутри которых имеются различные отношения. Для этого ему требуется правило, позволяющее ставить соответствие этих комплексов добру и злу. Эти правила содержит в себе этическая система.

Этическая система — это набор правил перехода от элементарных ценностей к комплексам [4, с. 51].

Мы будем рассматривать элиту в одном ракурсе как совокупность людей, занимающих высокие руководящие должности в управлении государством и в экономике.

Становление элиты, в первую очередь, начинается с ее этической системы, которая уже заложена в обществе. Эффективность и результативность политической элиты зависят в значительной мере от понимания ею своей роли, ее позиции и убеждений. Исследования показывают, что элита глубоко сознает свою роль в политической жизни общества, однако идеологическая и ценностная ориентации национальных элит заметно различается. Это обусловлено социокультурными особенностями стран, в которых формируются эти элиты. Модель желаемого будущего в представлении различных элит отличается доминированием тех или иных значимых для них факторов. В связи с этим элита либо продолжает существующую этическую систему, либо трансформирует ее под себя и свои представления о целесообразности подобной системы.

В период существования СССР этическая система претерпевала незначительные изменения, так как была основана на марксистско-

ленинской теории коммунизма и идее, как должны вести себя новые элиты в построенном социалистическом обществе. Элита хотя и стояла на ступеньку выше всего остального сообщества, но была готова принимать новых членов, поднимающихся по карьерной лестнице. Это придавало элите стабильность и стимул к дальнейшему существованию и управлению государством.

Помимо этого, элита должна была показывать, что даже простой человек может стать ее частью на примере обычных граждан, занимающихся самой обычной работой. Это создавало ореол видимости элиты и общества, демонстрировало, что разницы между ними не было. Такая позиция элиты на примере СССР просуществовала 70 лет и изжила себя в связи с тем, что элиты перестали соблюдать этическую систему и стали выходить за ее рамки. Процесс обновления элиты остановился, что, в конце концов, привело к распаду страны на отдельные государства.

В США процесс формирования элит сложился на основе другой этической системы. В период холодной войны элита США была уже полностью сформирована и существовала не одно столетие. С начала XX века она стала формироваться по принципу приближения к власти, что давало возможность сразу же входить в круг правящей элиты без прохождения определенных этапов становления. Со временем это привело к тому, что появилась клановая система в управлении страной, что, с одной стороны, сохраняло существующие ценности, но с другой — не давало им возможности видоизменяться в течение времени.

Элита США застыла в старой этической системе времен холодной войны, когда СССР и его этическая система воспринималась как угроза для существования самих Соединенных Штатов. Это приводит к тому, что страна теряет свою устойчивость не только на мировой арене, но и внутри страны, когда общество не верит в существующие ценности, которыми пренебрегает сама элита.

Китайская новая элита с 1949 года сформировалась на основе идеологии коммунистических завоеваний и собственного понятия этических ценностей, которые существовали здесь на протяжении столетий неизменно.

Развитие современной элиты Китая следует разделить на два периода: с 1949 по 1978 гг. — установление власти КПК; с 1978 г. по настоящее время — начало политики реформ и открытости для общества. Для первого этапа характерно стремление коммунистической партии отыскать опору в народе, чтобы стать легитимной властью в стране. В связи с этим была развернута масштабная пропагандистская компания по дискредитации предыдущей истории

Таблица № 1.

императорского Китая и даже критиковалось конфуцианство. Глава Китая Мао Цзэ-дун таким способом собирался доказать населению государства, что из-за конфуцианства произошло засилье страны иностранцами. По его мнению, только КПК освободила страну от иностранных интервентов и передала народу верховную власть. В целом подобная практика почти полностью копировала практику СССР, когда для оправдания своей власти необходимо было показать неспособность эффективно управлять всех предшествующих правительств и благодаря этому значительно повысить свой политический статус. Проводимая таким образом агитационная работа привела в конечном результате к тому, что китайцы потеряли свои многовековые культурные традиции. Новообразованная элита стремилась укоренить в массах новые идеалы в духе коммунистического интернационализма.

После смерти Мао Цзэ-дуна к управлению Китаем пришли сторонники реформистского направления во главе с Дэн Сяопином. Реформистов в первую очередь заботило, что китайское самосознание и национальная гордость не были восстановлены в период правления Мао Цзэдуна. Новый глава КНР пошел по другому пути, совместив коммунистическую идеологию с постулатами конфуцианства. Последовав советам Дэн Сяопина «скрывать свой потенциал, выжидать и не высываться», Китай в течении 30 лет развивал свою внутреннюю мощь. Это привело к тому, что элита стала носить национальный характер [6, с. 10].

В связи с этим можно сделать некоторые промежуточные выводы, один из которых: развитие элиты зависит от историко-культурных условий региона и потенциала людей, которые входят в данную элиту и являются двигателями реформирования этических систем.

В конце 60-х годов XX века советский ученый В. А. Лефевр применил метод формальной логики по отношению к человеческому поведению. В результате оказалось, что человек или группа в своих поступках действуют не только на основе ценностей, существующих в обществе в определенный момент, но и на гораздо глубокой этической системе, к которой принадлежит социум [5, с. 24-26].

В конечном итоге удалось выяснить отличия между этическими системами США и СССР.

ЭС 1— США
ЭС 2— СССР

Этическая система № 1 (ЭС 1)	Этическая система № 2 (ЭС 2)
Конфронтация добра и зла есть добро. Компромисс между добром и злом есть зло.	Конфронтация добра и зла есть зло. Компромисс между добром и злом есть добро.
В обеих системах:	
Конфронтация добра и добра, равно как и компромисс добра и добра есть добро. Конфронтация зла и зла, равно как компромисс зла и зла есть зло. Зло осознающее, что оно зло, становится добром.	

Различия и сходство между этическими системами США и СССР

Данные таблицы исследования показывают кардинальное невосприятие элитами двух стран друг друга, а также их этических систем. Это привело к полномасштабной конфронтации, переросшей в холодную войну с горячими точками соприкосновения по всему миру [4, с. 118-154].

Элиты в контексте своих этических систем во времена холодной войны прошли все этапы развития присущие любой структуре — от зарождения к распаду. Но процесс распада зависит от возможности элиты трансформироваться в других условиях. Первой элитой, которая не выдержала натиска, стала элита СССР. Элиты США замерли в своем противостоянии с врагом, которого не существует более четверти века на мировой сцене. Китайская элита смогла пройти процесс трансформации, что дало толчок для ее дальнейшего развития.

При сравнении элит и этических систем было выявлено, что США и КНР кардинально отличаются в этом плане, противопоставляя себя друг другу, но не входя в фазу острой конфронтации. Длительное время США не признавало КНР, как равного партнера. Возможно такое поведение двух элит способствовало установлению нейтральных отношений.

Перспективными и эффективными оказываются те элиты, которые могут адаптироваться к вызовам времени и основываются на своих этических системах, укорененных в их культуре и цивилизационном коде. Элиты должны быть направляющим звеном в развивающемся постоянно мире.

Литература

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность; монография / Г. К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 600 с.
2. Гаман-Голутвина О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт: Часть I. // Полис. Политические исследования. — 2008. — № 6. — С. 67.
3. Зайцев Я. А. Особенности становления и функционирования политической элиты КНР // Молодой ученый. — 2013. — №11. — С. 728-732.
4. Лефевр В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр; пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2003. — 214 с.
5. Лефевр В. А. Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. — Том 2. — № 1. — 2002. — С. 24–26.
6. Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция (русско-кит. версия). — 2011. — № 1 (январь). — С. 10.
7. Миллс Р. Властвующая элита / Р. Миллс. — М.: ДиректмедиаПабблишинг, 2007. — 844 с.

УДК 355.01.659.4

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ВОЙНЫ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
MEMORIALIZATION OF A WAR
AS A WAY OF FORMING CITIZENSHIP**

Степанцевич Т. В., аспирант 1-го курса кафедры культурологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Stepantsevich T. V., 1 year postgraduate student of the Department of Culture Studies, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассмотрена проблема использования коммеморативных практик и культурной памяти как инструмента формирования гражданской позиции общества. Представлен критический обзор отечественной и зарубежной научно-исследовательской литературы по теме. Сформулированы теоретические основания процессов формирования и механизмов функционирования культурной памяти, проанализированы особенности мемориализации войны в социокультурном пространстве города Севастополя. Исследовано влияние вышеуказанных процессов на формирование гражданской позиции населения.

Annotation. The article examines the problem of the usage of commemorative practices and cultural memory as a mechanism of forming the civil position of society. A critical review of national and foreign research literature on the subject of the article is presented and theoretical aspects of the processes of formation and mechanisms of functioning of cultural memory are formulated. The author analyzes the peculiarities of memorialization of a war in social and cultural space of Sevastopol. The issue of the study is the above mentioned processes on forming the citizenship of its population.

Ключевые слова: гражданственность, мемориализация войны, место памяти, культурная память, культурное забвение, коммеморативные практики.

Keywords: citizenship, memorialization of a war, memory space, cultural memory, cultural oblivion, commemorative practices.

Развитие самостоятельного и самодостаточного гражданина-патриота представляет интерес для государства и осуществляется на стыке правовой, политической и нравственной культуры общества. Становление и развитие личности как гражданина невозможно без приобщения ее к существующей в обществе системе ценностей и идей. В последнее время способы и механизмы формирования гражданственности, выражающейся в трансляции общественных идеалов общества и развитии в человеке чувства активной и сознательной включенности в социально-политическую жизнь, все чаще оказываются в фокусе внимания ученых. **Актуальность** исследования определяется ролью культурной памяти и исторического сознания в формировании гражданской позиции, в политической и правовой социализации личности. Данная **проблема** тесно связана с необходимостью решения вопросов функционирования механизмов культурной памяти, соотношения памяти / забвения, способов манипуляции коллективной памятью и её «фальсификации» в контексте реализации коммеморативных практик. Тема исследуется на материале мемориализации Крымской (Восточной) и Великой Отечественной войн в г. Севастополе, что, в свою очередь, актуализирует вопросы изучения крымского текста как составной части русской культуры.

Научная новизна данного исследования заключается в изучении процессов мемориализации войны в г. Севастополе как способа формирования гражданственности и патриотизма населения.

Цель данной работы — выявление механизмов мемориализации войны и определение значения этих процессов в формировании гражданственности личности и общества.

Для достижения цели необходимо решение следующих задач:

1) проанализировать степень изученности гражданственности как предмета исследования в гуманитарно-философском дискурсе;

2) раскрыть механизмы функционирования исторической и культурной памяти о военном событии в контексте социокультурного городского пространства на примере г. Севастополя;

3) определить значение процессов мемориализации военного события в формировании гражданской ответственности населения.

Для решения поставленных задач использовались общенаучные и специальные **методы исследования**: анализ и синтез; обобщение специальной литературы по теме исследования; системный, семиотический и герменевтический подходы при анализе мемориального текста Севастополя и изучении коммеморативных практик, реализуемых в городе.

Подходы к изучению гражданской ответственности отличаются в западной и отечественной научной традиции. В Европе и США ученые рассматривают категорию гражданской ответственности в контексте политико-правовой культуры общества (примерами могут служить исследования Ф. Гринштейна, Д. Истопа, С. Верба, Дж. Дениса и др.). В отечественной гуманитарной науке гражданственность является предметом междисциплинарных исследований на стыке педагогики (В. А. Сухомлинский, Н. А. Шатунова, Л. К. Фомичева и др.), психологии (Д. Н. Узнадзе, Л. М. Архангельский и др.), социологии (И. Н. Руссу, Л. П. Буева, И. С. Кон и др.), философии (А. П. Бутенко, В. Н. Кудрявцева, В. Э. Смирнов и др.).

На сегодняшний день понятие гражданственность объединяет два подхода к его изучению. С одной стороны, гражданственность рассматривается как необходимость выполнения гражданином определенных обязательств перед правовым государством в ответ на права и свободы, соблюдение которых гарантирует это государство. Такой подход был сформирован в отечественной науке преимущественно в советский период и тесно связан с категориями «гражданского долга» и «патриотизма». С другой стороны, под гражданственностью понимают способность личности к критическому осмыслению социальной действительности, основанному на нравственных убеждениях, уважении не только к своим правам и свободам, но и правам и свободам других членов гражданского общества [4]. Существует также определение гражданской ответственности как «осознание своей гражданской идентичности, принадлежности к стране, обществу и государству, их правовому и языковому пространству, истории и культуре» [2].

Таким образом, приняв во внимание всю многоаспектность рассматриваемого нами понятия, можно определить гражданственность как осознание личностью своей принадлежности к государству в рамках социально-правовой системы и с учетом сформировавшихся у этой личности нравственных убеждений и принципов, выражающе-

ся через выполнение гражданских обязательств, с одной стороны, и критическую рефлексию на события социальной и политической реальности, с другой.

Учитывая такую характеристику гражданской ответственности, как критическое осмысление реальности, следует отметить, что человек как член гражданского общества может выражать гражданскую позицию не всегда лояльную государственной политике. Поэтому государство заинтересовано в создании благоприятных условий для развития гражданского общества и формирования гражданской позиции членов этого общества, поддерживающей политику и действия государственной власти.

В настоящее время разработано множество механизмов формирования гражданской ответственности и культурной идентичности. Они направлены на воспитание активного гражданина и формирование таких личных гражданских качеств, как чувство патриотизма, гуманного отношения к окружающим, а также привитие знаний действующего законодательства, истории, традиций и культуры своего государства. В качестве одного из механизмов формирования гражданской ответственности выступает намеренная актуализация культурной памяти о военных событиях прошлого. Война — время наиболее остро проявления гражданских качеств личности и ценностей общества. Семантика войны включает в себя широкий спектр культурно-исторических знаков, комбинация которых позволяет создавать различные культурные тексты и смыслы в рамках коммеморативных практик и мемориализации войны, влияющие на формирование вышеупомянутых гражданских качеств. Война, как правило, при этом представляется гражданскому обществу как время проявления гражданского долга по несению военной службы и защите Родины, родной земли; время проявления мужества и героизма; важный фактор в историческом и политическом процессе становления развития государства.

По нашему мнению, благодаря механизмам функционирования культурной памяти / забвения становится возможным формирование ценности события (в т. ч. военного) для культуры и для формирования гражданской позиции в обществе по отношению к историческим событиям прошлого. Примеры функционирования данных механизмов в большом количестве присутствуют в современной культуре и лежат в основе процессов мемориализации (сохранения памяти о значимом для данной культуры событии или личности) и практик коммеморации (намеренного увековечивания), которые реализуются через создание определенных «мест памяти». Французский исследователь П. Нора выделяет три основных свойства мест памяти: материальность,

т. е. место памяти выражено в пространстве; символичность — место памяти олицетворяет определенные события и наделено множеством семиотических значений, связанных с этим событием; функциональность, т. к. места памяти используются для проведения определенных ритуалов и (вос)создания традиций с целью сохранения в памяти общества воспоминаний и знаний об определенном олицетворяемом этим местом памяти событии [5].

По мнению исследователя Е. Ю. Рождественской, субъективизм культурно-исторической памяти проявляется по причине того, что историческая память проходит определенные этапы временного развития, которые автор рассматривает на примере войны:

- 1) аутентичные воспоминания современников военного события;
- 2) «медиализация» через освещение военного события в художественных произведениях, кинематографе и в музеификации;
- 3) «политизация» — переосмысление военного события в связи со сменной поколений, девальвацией прежних политических ценностей и возникновением новых задач политической социализации.

В результате, как справедливо указывает автор, аутентичные воспоминания о событии и конечный продукт исторической памяти будут иметь значительные расхождения в толковании этого события [5, с. 205]. По нашему мнению, формирование гражданственности в обществе происходит на всех трех этапах, но более всего выражено на последнем. С этой целью в рамках государственной политики и культурной традиции в обществе формируются и устанавливаются коммеморативные практики, в ходе которых воспоминание о войне трансформируется и систематизируется в контексте с другими образами памяти. Реализация коммеморативных практик позволяет установить обратную связь между государством и обществом, что приводит к появлению образцов трактовки войны как исторического события, ее причин, целей и последствий. Объекты культурного наследия и мемориальные места являются в этом случае эффективным средством создания нарративных связей между людьми, связанных с их прошлым, и их окружением. Таким образом, прошлое «воскрешается» в настоящем и дает возможность каждому гражданину почувствовать себя соучастником далеких событий.

Рассмотрим примеры реализации коммеморативных практик и мемориализации войны в социокультурном пространстве Севастополя и проанализируем их влияние на формирование гражданственности населения города.

В культурном тексте Севастополя военные события выступают как один из основополагающих факторов его формирования и создания образа этого города в культуре не только Крыма, но и России.

Современный текст города Севастополя во многом сформирован памятью о событиях Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Символика социокультурного пространства Севастополя направлена на формирование образа «город-герой», поэтому для мемориального текста города характерны:

- пафос героизма: обе обороны города характеризуются в исторической, официальной и популярной литературе эпитетом «героическая»; одна из трактовок значения названия «Севастополь» — «город, достойный поклонения»; медаль «Золотая звезда» используется как элемент архитектуры — например, на здании железнодорожного вокзала;

- подчеркивание значимости военных побед и подвигов: художественные полотна панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», памятники «Подводникам-черноморцам», «Мужеству авиаторов-черноморцев», «Героям Черноморской эскадры»;

- выделение значимых фигур полководцев и героев Крымской и Великой Отечественной войн: в топонимике города — центральные улицы и площади города носят имена П. С. Нахимова, М. П. Лазарева, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, в городе есть улица Матроса Кошки, проспект Генерала Острякова и др.; в монументальной скульптуре города; в живописи и литературе.

Увековеченные образы войны считаются как символы, побуждающие человека к воспроизведению идей, чувств и событий прошлого в настоящем. Следует отметить, что формирование мемориального текста Севастополя, связанное с увековечиванием войны (как Крымской, так и Великой Отечественной) не завершено, а продолжается в заданном ключе и сегодня. Так, в 2007 г. был открыт памятник Солдату и матросу, в 2014 г. — памятник адмиралу Д. Н. Сенявину, в планах города — создание мемориально-музейного комплекса, посвященного второй героической обороне 1941-1942 гг.

Немецкий исследователь Я. Ассман выделяет такое свойство культурной памяти как институциональность [3, с. 40]. В Севастополе деятельность институтов культурной памяти направлена, прежде всего, на мемориализацию войны. В качестве одного из основных институтов памяти в культурном пространстве Севастополя можно назвать музей. Действительно, практически все музеи города (за исключением, пожалуй, Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого) тематически связаны с событиями Крымской и Великой Отечественной войн, героическим прошлым и историческим предназначением Черноморского флота. Часто музеи и мемориальные комплексы учреждаются на основе фортификаций, являвшихся

непосредственными «свидетелями» и «участниками» военных событий. Примерами могут служить музейный комплекс «Михайловская батарея» и мемориальный комплекс «35-я береговая батарея». Война в данном случае выступает как фактор развития и трансформации семиотического пространства города. Военное событие меняет коннотацию и символичность существующих мест и объектов, а также создает новые «места памяти». Семиотике таких мест присуща определенная динамика развития, благодаря которой место становится «иконичным», его разрушение или участие в ходе конфликта становится «памятным событием», и сами названия этих мест употребляются в качестве синонимов военного героизма в периоды обороны.

Мемориализация войны и утверждение образа «города-героя» проявляется в Севастополе не только через установление монументов и функционирование «институтов культурной памяти», но также и через реализацию коммеморативных практик. В Севастополе они характеризуются многообразием форм — это празднование юбилейных дат событий, связанных с обеими героическими оборонами города, проведение парадов, создание тематических экспозиций и выставок, установление ритуалов у мест памяти (например, возложение цветов к вечному огню).

О важности героической составляющей в культурном тексте Севастополя для сплочения городского общества и формирования в нем устойчивой гражданской позиции свидетельствует и закрепление образа «город-герой» в официальной символике города — его гимне «Легендарный Севастополь» и гербе. Интересно отметить, что в городе два герба — исторический и официальный. Они отличаются по геральдическому наполнению и символике, однако их объединяет стремление увековечить образ героизма и мужества защитников Севастополя.

Все элементы процесса мемориализации войны в культурно-семиотическом пространстве Севастополя неразрывны с механизмами функционирования культурной памяти / забвения, и осуществляются на этапе «политизации» (по терминологии Е. Ю. Рождественской), что, несомненно, создает предпосылки для использования мемориального текста города в качестве инструмента формирования патриотизма и гражданской ответственности населения. Результат проявляется в высокой заинтересованности жителей города его историей, в чувстве гордости за героическое прошлое, в участии населения в формировании и развитии культурного пространства Севастополя. Основное качество гражданина в Севастополе — патриотизм как высшее проявление принципов морали и нравственности, консолидирующее общество. Большинство севастопольцев воспринимают патриотизм как

чувство гордости за героизм и величие своего города и государства, и это чувство выступает в качестве основного элемента мировоззрения севастопольцев. Это качество позволяет жителям города ощущать сопричастность к созиданию не только истории Севастополя, но истории и культуры России. Оно объединяет поколения севастопольцев, являясь источником силы, мужества и стойкости горожан в разные периоды истории города, выступая механизмом преемственности культуры и традиций. Так, стойкость и героизм защитников города в годы Крымской войны послужили примером в годы второй героической обороны Севастополя 1941-1942 гг., а понимание значимости этих исторических событий в истории России сыграло важную роль в проявлении гражданской ответственности при воссоединении Крыма с Россией в 2014 г.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что мемориализация войны играет важную роль в формировании гражданской ответственности в обществе. Высокая символичность мест памяти и многообразие форм реализации коммеморативных практик в сочетании с ритуалами и традициями поминовения военных событий на государственном и личном уровне обладают мощным воспитательным и образовательным потенциалом. Коммеморативные практики как механизмы формирования устойчивого образа события, влияют на формирование общественного мнения, гражданской позиции и способствуют национальной сплоченности общества. Мемориализация войны через реализацию коммеморативных практик осознанно конституирует общественное историческое сознание, делает внутриобщественные связи более прочными и устойчивыми и способствует реализации механизмов культурного наследия. Историческая и культурная память о войне рассматривается нами как катализатор культурных процессов, преобразующих существующие объекты культурного наследия, наполняя их новыми символическими значениями и смыслами, а мемориализация войны — как способ формирования гражданской позиции общества.

Литература

1. Гончарова О. А. Концепция гражданского общества в философской и политической мысли России в XVIII-XX веках [Электронный ресурс] // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2010. — №2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-grazhdanskogo-obschestva-v-filosofskoy-i-politicheskoy-mysli-rossii-v-xviii-xx-vekah> (дата обращения: 20.04.19).
2. Еремينا И. С. Сущность проявления феномена гражданской ответственности в структуре личности [Электронный ресурс] // СИСП. — 2012. —

- №9. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-proyavleniya-fenomena-grazhdanstvennosti-v-strukture-lichnosti> (дата обращения: 20.04.19).
3. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. — М.: Совпадение, 2015. — 168 с.
  4. Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «Гражданственность» [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. — 2007. — №4-3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanstvennost-2> (дата обращения: 20.04.19).
  5. Нора П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора; пер. с фр.: Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17-50.
  6. Рождественская (Мещеркина) Е. Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2005 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН. — 2006. — С. 198-213.
  7. Самтакова А. А., Холопова Л. А. Гражданин и гражданственность [Электронный ресурс] // Концепт. — 2014. — Спецвыпуск №9. — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/14614.html> (дата обращения: 20.04.19).
  8. Смирнов В. Э. Гражданственность и гражданское общество: самоорганизация и социальный порядок / В. Э. Смирнов. — Минск: Белорусская наука, 2013. — 241 с.
  9. Смирнова Т. А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 1 (4). — С. 95-98.
  10. War and cultural heritage. Biographies of place: Collective monograph / the University of Cambridge; M. L. S. Sørensen and D. Viejo Rose (eds.). — N. Y.: Cambridge University Press, 2015. — 292 p.

V. ГОРИЗОНТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ

УДК 211:140.8:167-057.874

О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РОЛИ НАУКИ: К 160-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ КНИГИ Ч. ДАРВИНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ» ABOUT EDUCATIONAL ROLE OF SCIENCE: TO THE 160TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION OF THE BOOK BY CHARLES DARWIN «THE ORIGIN OF SPECIES»

Сафонова Н. В., Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии естественнонаучного
профиля КФУ им. В. И. Вернадского
Safonova N. V., Candidate of Philosophical Sciences,
Docent, Associate Professor of the Department
Philosophies of a Natural-science Profile
V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

Аннотация. На примере теории эволюции исследуется степень обоснованности мировоззренческих основ, получаемых детьми в школе. Автор приходит к выводу, что материал, представленный в учебниках, не сможет сформировать критически мыслящего ученика, так как нарушена логика обоснования утверждаемых результатов.

Annotation. Using as an example the evolution theory there is researched the degree of the justification of the worldview basics obtained by children at school. The author comes to the conclusion that the material given in the manuals cannot form a critically thinking pupil as the logic of justifying the confirmed results is violated.

Ключевые слова: критическое мышление, обоснование теории эволюции.
Keywords: critical thinking, justification of the evolution theory.

Очевидно, что вместе с изучением теоремы Пифагора, правил грамматики, знаний из области географии, химии, биологии (и т. д.) осуществляется не только образовательная, но воспитательная и мировоззренческие функции, закладывается культура мышления.

Н. Хомский в работе «10 способов управления массами», раскрывая содержание «Способа №7. Держать людей в невежестве, культивируя посредственность» говорит, что в этом случае необходимо: «добиваться того, чтобы люди стали неспособны понимать приемы

и методы, используемые для того, чтобы ими управлять и подчинять своей воле. Качество образования, предоставляемого низшим общественным классам, должно быть как можно более скудным и посредственным с тем, чтобы невежество, отделяющее низшие общественные классы от высших, оставалось на уровне, который не смогут преодолеть низшие классы» [1].

Рассмотрим качество образования с точки зрения формирования методологической культуры на примере изложения эволюционной теории Ч. Дарвина в средней общеобразовательной школе.

Так, в учебнике «Биология» за 7-й класс в аннотации вполне научно объясняют целесообразность обращения к идеям эволюции: «Эколого-эволюционное содержание раздела способствует раскрытию роли крупных таксонов в экосистемах» [2]. Действительно, выстраивание цепочки от простейших организмов к высокоорганизованным позволяет в этом огромном многообразии живых существ увидеть определенную, а самое главное, обзримую структуру и систему. Принципы, изложенные Дарвином, в конечном итоге позволили задать эффективную классификацию, что является для биологической науки на протяжении всего ее существования первоочередной задачей. На наш взгляд, это единственное, но существенное, что оправдывает использование теории Ч. Дарвина до сегодняшнего дня.

Изложение же самой теории, ее обоснование вызывает недоумение. В учебнике пишут: «В 1859 г. вышла в свет книга английского натуралиста Чарлза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора». В ней автор изложил идеи об эволюции живой природы. До сих пор эта книга вызывает много споров» [2, с. 18]. Больше никакой критики в отношении теории на протяжении всего учебника обнаружить не удастся. Какие факторы вызывают споры — обучающемуся не сообщают. Очень сомнительно, что ребенок вообще обратит внимание на эту фразу. Далее, весь шестой параграф посвящен доказательствам теории эволюции [2, с. 20-21]. Рассмотрим их подробно.

Первым аргументом выступает «единый план строения». Но о «едином плане строения» говорят и в отношении идеи Божественного Творения — здесь аргумент выглядит еще более подходящим, так как исходя из терминологии, этот план должен кем-то мыслиться. Вторым аргументом выступают так называемые «рудименты», отношения к которым в течение времени менялось. Ряд исследователей на сегодняшний день утверждают, что значение «рудиментов» далеко не столь однозначно, как считалось ранее. Ярлык «бесполезности» был приклеен в результате отсутствия знаний о функционировании этих органов (смотри, например, [3, 4]).

Третьим, на наш взгляд, самым далеким от научной обоснованности доводом выступает тезис «Сходство ранних стадий эмбрионального развития позвоночных животных» [2, с. 21]. Наконец-то, появляется ссылка на ученого. Это — Карл Максимилович Бэр — один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, годы жизни которого — 1792-1876. Авторы учебника почему-то посчитали необходимым процитировать соображения ученого: «У меня имеется два маленьких эмбриона в спирту, для которых я забыл написать название, и я теперь уже не в состоянии определить класс, к которому они принадлежат. Это могут быть ящерицы, маленькие птички или млекопитающие; настолько сходно образование головы и туловища у этих животных» [там же]. Обратим внимание: выводы делаются на основании внешнего сходства(!) и малости размеров. О каком научном исследовании идет речь, когда знания получены «на глазок»? Неужели по истечению 150 лет наука не стала обладать никакими новыми технологическими средствами, позволяющими обладать более точными экспериментальными данными, чем разглядывание эмбрионов в пробирках? Можем ли мы представить, чтобы сегодня молодой ученый вышел защищать свои открытия прибегая к аргументам, аналогичным доводам К. М. Бэра?

Кульминацией аргументов доказательства теории эволюции становится «Биогенетический закон», сформулированный Ф. Мюллером в 1864 году и затем переформулированный Э. Геккелем в 1866 году в виде «*Онтогенез есть рекапитуляция филогенеза*» [5]. В учебнике в качестве доказательства приведены иллюстрации Геккеля [2, с. 21]. На рисунках изображены зародыши восьми видов позвоночных на ранних стадиях развития. «Иллюстрации подтверждают тезис о том, что развитие зародыша повторяет стадии развития предков» [5].

Отвлечемся от всех «научных» знаний, полученных в средней школе, и посмотрим на данный закон непредвзято: почему-то некий организм на ранних стадиях развития должен проиллюстрировать нам все этапы эволюционного развития (похож на рыбку, ящерицу, кролика и т. д.). Зачем это необходимо для физиологического развития организма — неясно. Предположим, эволюционный процесс, действительно, имел место быть. Почему мы вообразили возможность столь сказочных превращений? Каким образом современная наука, (например, генетика) нам может это объяснить?

В 1997 году в журнале «Anatomy and Embryology» вышла статья, в которой на основании фотографий и сравнительного анализа, делался вывод, что соответствующие рисунки профессора Венского университета (Э. Геккеля) — фальсификация. В 2003 году в журнале «Biology & Philosophy» была опубликована статья, утверждающая,

что при удалении посторонних элементов, приведения изображений к единому масштабу и ориентации отличие рисунков Геккеля от фотографий эмбрионов оказываются не такими существенными [5].

Проблема не в том, есть ли внешнее сходство. Предположим, что даже это внешнее сходство есть. Если на крыльях бабочки рода Калиго (*Caligo*) можно увидеть глаза совы, разве можно делать вывод, что эта бабочка видит крыльями? Еще Ибн Сина (980-1037) в «Книге знаний» (с. 86) писал: «Аналогия — это когда делают заключение о вещи по тому, что наблюдают в другой вещи, похожей на нее... Аналогия может привлечь внимание и навеять сомнение, но не установить достоверность» (цит. по [6, с. 112]). (Автору статьи ясно, что термин «аналогия» Авицена употребляет не в современном значении как научный метод, а именно, в значении внешнего сходства). Еще тысячу лет назад мыслитель понимал, что внешнее сходство может привлечь внимание, но не устанавливает достоверность. Почему научные теории в биологии до сих пор обосновываются «на глазок»? Почему не используются данные генетики? На основании внешнего сходства устанавливаются наличие «жабр» у человеческого эмбриона и т. д.

«Если сравнить зародыши разных видов позвоночных, то окажется, что на самых ранних стадиях развития они очень похожи друг на друга» [2, с. 21]. Конечно, они должны быть похожи: у сложных живых организмов есть голова, их размеры, двигательный аппарат и многое другое подходят под «антропогенные» факторы Земли и т. д. Внешнее сходство также можно объяснить «единым планом строения», который был у Бога.

Несостоятельность этого закона изначально очевидна. В конце XX века это стало достоянием науки. Так, С. Гилберт пишет: «Такая точка зрения (о повторении онтогенезом филогенеза) была научно дискредитирована даже раньше, чем была предложена... Она распространялась в биологии и общественных науках... прежде, чем было показано, что в её основе лежат ложные предположения» [7, с. 146]. Но, по всей видимости, наука отсутствует в школьных учебниках.

Какие задачи стоят перед учеником? Изложить (повторить) материал рассматриваемого параграфа, понимая его содержание. Но обоснование материала не может быть воспринято, так как средства доказательства, принятые в современной науке, отсутствуют. Методологической культуры и необходимой информации, чтобы критически осознать этот материал, у ученика нет. Каков результат изучения параграфа? У обучающегося сформируется иллюзия, что обоснования теории эволюции были изложены, но ему не хватило способностей разобраться в материале. В мировоззрении ученика формируется научный миф, что теория эволюции достаточным образом обоснована.

Автор статьи не призывает изменить историю науки, говорится о том, что наука, ее методы меняются. Не нужен материал учебника давать так, как излагалось 50 лет назад. Не нужно теорию эволюции по Дарвину излагать с точки зрения доказательств, которые безнадежно устарели. Ее можно и нужно было бы подать с точки зрения истории науки.

Что происходит? Тринадцатилетним детям под видом объективного научного знания дают информацию, вступающую в конфликт с последними открытиями в науке. Почему дети вынуждены усваивать представления как истину, которые не считались доказанными даже в середине XIX века? Обратим внимание: теория эволюции как никакая другая теория наносит удар по религиозным верованиям. Самое опасное: идет формирование не критически мыслящего поколения. Знания, объявленные почему-то научными, но не имеющие обоснования, принимаются на веру. Тенденция усугубляется элементами клипового мышления, где в лавине обрушивающейся информации просто не может сформироваться способность критически осмысливать увиденное и услышанное.

Данная ситуация обнаруживается не только в биологии. Аналогичная ситуация наблюдается в космогонии. Важнейшие элементы, на которых строится мировоззрение: устройство Вселенной, происхождение Вселенной и человека, не подкреплены научными обоснованиями.

Тогда нет ничего удивительного в том, что среди молодежи становятся популярными такие фильмы, как «Секрет» — «расскажи ночному небу о своих желаниях» — это возможно только при условии бесконечности Вселенной. В представлениях, где Вселенная конечна эти действия будут выглядеть смешными и нелепыми [8].

Не критически мыслящего подростка легко затащить в секту или привлечь на службу террористам. Наша задача по-прежнему остается просветительской: не только познакомить с теориями, но и научить осмысливать, подвергать сомнению, анализировать информацию.

В заключении хочется подчеркнуть — не ставится вопрос: верна ли теория эволюции, обсуждается проблема формирования методологической культуры обучающихся общеобразовательных учреждений, их способности критически мыслить.

Литература

1. Хомский Н. 10 способов управления массами [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/9793398.html> (дата обращения: 22.05.2019).
2. Сухорукова Л. Н., Кучменко В. С., Цехмистренко Т. А. Биология. Разнообразие живых организмов. 7 класс. М.: 2014. — 160 с.

3. Кузина С. У человека нет рудиментов: все органы полезны [Электронный ресурс] Режим доступа: www.kp.ru/daily/24336.5/528426 (дата обращения: 22.05.2019).
4. Рудименты. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.ateismy.net/content/spravochnik/science/rudimenti.html (дата обращения: 22.05.2019).
5. Геккель, Эрнст Генрих. [Электронный ресурс] Режим доступа: wikipedia.org/wiki/Геккель (дата обращения: 22.05.2019).
6. История арабо-мусульманской философии: Антология / Под ред. А. В. Смирнова. — М.: Академический проспект, 2013. — 267 с.
7. Гилберт С. Биология развития. /Пер. с англ. — М.: Мир, 1993. — Т. 1. — 228 с.
8. Сафонова Н. В. Бесконечность космоса и ее консеквенты // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского. Сборник тезисов участников конференции. 2017 г. — С. 980-982.

УДК 172.1:365.2:77

АКСИОЛОГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

AXIOLOGY OF ALIENATION IN THE PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC REFLECTION

Разбеглова Т. П., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского»

Razbeglova T. P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматривается проблема отчуждения в ее аксиологической составляющей. Отмечено различие возможностей философских и художественных интерпретаций темы в аспекте ее аксиологической нагруженности.

Annotation. The article deals with the problem of alienation in its axiological component. The difference in the possibilities of philosophical and artistic interpretations of the topic in the aspect of its axiological load is noted.

Ключевые слова: аксиология, отчуждение, архетип, свой, чужой, другой, бездомность, современный кинематограф.

Keywords: axiology, alienation, archetype, yours, alien, other, homelessness, modern cinema.

Тема отчуждения стала одной из традиционных тем, широко разработанных в современной философии и социологии. В силу своей пограничности, тема отчуждения получила разработку и в ряде других гуманитарных наук. Отчуждение — категория фундаментальная, из-за своей многоплановости она с трудом поддается унифицированным дефинициям. Тем не менее, можно утверждать, что в любых формах своего проявления отчуждение имеет архетипические черты, позволяющие рассматривать данный феномен в определенном смысловом единстве на различных уровнях (от общественного до субъективно-личностного) и в различных сферах социальной реальности. Архетипичность присутствует и в многообразных проявлениях его в истории культуры и общества — отчуждения от общества, от природы, от веры и бога, от власти и права, и, наконец, человека от человека и человека от самого себя. Отчуждение возникает всегда, когда есть противостояние, когда в социальном плане человеку противостоят чуждые ему (природные, производительные, политические) силы, или же если речь идет о взаимоотношениях Я с любыми формами инаковости, в том числе, конфликт идентичностей и идентификаций.

С точки зрения смысловой семантики, отчуждение всегда трактовалось как явление негативное, исключительное, выпадающее из системы порядка, принятого в обществе. В ранних обществах и культурах отчуждение выступало формой наказания (остракизм, анафема, изгнание, позднее — изоляция, заключение и т. п.). Есть, однако, существенная динамика в распространенности данного явления в процессе развития и усложнения общественной жизни. С течением исторического времени феномен отчуждения приобретает свойство постоянства: сначала устойчивого признака несправедливого социального устройства (К. Маркс), затем маркера различного рода социальных проблем. По мнению В. Подороги, в современном мире отчуждение в самых разнообразных формах пронизывает всю ткань общественной и культурной жизни, выступая, прежде всего, как отчуждение духовное. Отчуждение возникает и в результате «институционального насилия» примерами которого могут быть разного рода социальные институты, которые участвуют в формировании и регулировании поведенческой нормы: школа, армия, тюрьма, психолечебницы, лагеря, колонии, заводы, мастерские, лаборатории и обсерватории и т. п. (Е. Гофман, М. Фуко, П. Бурдьё, Р. Жирар). [7, с. 189].

Тотальность отчуждения интерпретирована сейчас как устойчивое свойство современной культуры. Среди причин его выделяют: девальвацию культурных ценностей вследствие роста массовой

культуры, резкие смены мировоззренческих парадигм, рост мегаполисов, развитие информационных технологий и многое другое. Ж. Бодрийяр, говоря о свойствах современной культуры мегаполисов, считает, что отчуждение сегодня обусловлено масштабами и глубиной развития и проникновения в природу и сущность человека техногенной, информационной цивилизации, все более замещающей систему межличностных отношений в обществе и усиливающей процессы отчуждения. Еще большую степень отчуждения приобретает в эпоху киберкультуры. Социальные связи становятся анонимными, общественные отношения приобретают виртуальный характер, отдельному человеку становится сложно отличить саму жизнь от вымысла. В социальные науки прочно вошло понятие «киберсоциализация», свидетельствующее не только о появлении новой формы социализации человека в современном мире, но и об изменении её содержания.

В современных социальных исследованиях отчуждение принято рассматривать как неотъемлемую, имманентную характеристику человеческого существования: избавление от отчуждения невозможно, поскольку человек с рождения связан определенными отношениями с другими людьми. А любые отношения уже предполагают момент отчуждения от других. Таким образом, до известного предела отчуждение — это нормальное и неизбежное явление. П. Медоуз в своей работе «Свобода, порядок и отчуждение» справедливо отмечает, что сама возможность социального существования, жизни в обществе определяется отчуждением [9, с. 39]. По замечанию В. Лейбина, отчуждение имеет реальные объективные основания в самой общественной по характеру человеческой деятельности. А, следовательно, может быть рассмотрено в качестве нормальной, жизненно полезной функции, которая, в частности, свидетельствует о потенциальных способностях человека к обособлению (в целях творческого самовыражения и самоотдачи) [3].

Подходя с этой точки зрения и трактуя отчуждение как неотъемлемое свойство человеческого (не только социального и культурного) бытия, перейдем к рассмотрению аксиологических аспектов данного феномена.

Важнейший принцип диагностики отчуждения — аксиологический. Аксиология отчуждения берет свое начало из архетипической антиномии человеческой психики, ментальности и культуры антиномии «свое-чужое». Разделение мира на «свое» и «чужое» — фундаментальная особенность самоощущения и мировосприятия человека. «Свои — это мы, люди нашей общины, чужие — это они, принадлежащие к другим общностям» [6, с. 70]. «Мы» (свои) и «они» (чужие)

были полюсами света и тьмы, космоса и хаоса, бытия и небытия. Базовыми аксиологическими константами в определении дихотомии своего и чужого были добро (свое) и зло (чужое). Первоначальное преобладание пространственных и социальных параметров со временем перешло в духовную сферу. «Чужой» как форма персонификации отчуждения имела и продолжает сохранять аксиологические характеристики негативности. Более мягкая его модификация в форме «другого» получила развитие и осмысление на фоне роста толерантности и терпимости в обществе.

Первыми формами духовного постижения феномена отчуждения стали религиозно-мифологические источники, в которых оно выступает как фундаментальное явление, определившее человеческое (социальное и культурное) бытие. Изгнание из рая, «потерянный рай» — пожалуй, первый значимый топос отчуждения, своего рода казус, прецедент, главный миф в истории человеческой алиенации. Грехопадение положило начало отчуждению и стало его мифологическим образом в представлениях об отчуждении [2, с. 521]. Заброшенность (по терминологии Хайдеггера и Э. Фромма) в мир Адама и Евы вызвала к жизни весь длинный список свойств алиенации — от заботы и скуки до страха смерти. Анализируя смысл грехопадения и последовавшего за ним изгнания, Э. Фромм пишет: «Брошенный в этот мир в определенное место и время человек таким же случайным образом изгоняется из него. Осознавая себя, он понимает свою беспомощность и ограниченность собственного существования. Он предвидит конец отчуждения — смерть» [8]. Таким образом, смерть — это крайняя точка и результат изгнанности.

Последующее религиозно-мифологическое осмысление отчуждения как духовного явления, опирающегося на аксиологические константы, было произведено христианством, и не только в религиозной мифологии и философии, но и в самой сущности этой религии, а именно в фигуре Иисуса Христа, жертва которого была направлена на преодоление отчуждения и смерти с помощью всеединства и всепрощения. Преодоление религиозной разобщенности с помощью новой объединяющей веры, социального отчуждения и дискриминации — равенством распятия, самой «смертью смертью поправ» — уничтожение тотального отчуждения от жизни в феномене смерти [2, с. 520].

С точки зрения аксиологии представляет интерес и определение отчуждения, которое содержится в одном из посланий апостола Павла: «Будучи помрачены в разуме, отчуждены они от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их»

(Еф. 4:18). Здесь мы находим многие из характеристик отчуждения: дефекты рассудка («понимания» в английском переводе Нового Завета), отчуждение от Бога, от религии и, очевидно, в более широком смысле — от праведного пути; наконец, невежество, ожесточение (как «слепота сердца») — извечные спутники человеческого отчуждения.

Широкий спектр философских интенций в осмыслении отчуждения расположен в рамках социальности, моральности, веры и неверия. Философия XX века с особой остротой поставила вопросы отчуждения и его аксиологических смыслов. Один из важных акцентов в данной теме был поставлен М. Хайдеггером, придавшим отчуждению онтологический смысл и трактовку его как «бездомности». Чтобы понять человека как существо, немислимое вне взаимоотношений с объективными предметами внешнего мира и другими людьми, Хайдеггер провозглашает укорененность человека в бытии как его внутреннее априорное свойство. «Дом бытия» — онтологическое, фундаментальное понятие. Выпадение человека из бытия приводит к неподлинности существования. Такое отпадение, по Хайдеггеру, является характерным признаком бытия в мире вещей, временный смысл которых способен затмить истинные смыслы бытия. Метафизика «бездомности» есть фактически новая философская аксиология отчуждения, способная прояснить смысл современных тенденций в культурной жизни. Это явление, по Хайдеггеру, носит угрожающе тотальный характер.

Наряду с хайдеггеровским понятием «бездомности» в современной философии, культурологии, социологии получила широкое развитие проблема бездомности (в прямом смысле этого слова), интерпретированная как одна из значимых и глобальных в своем масштабе проблем. В современной культуре опыт бездомности персонафицирован в типах представителей социального дна, «современного номада», мигранта. Культурный опыт бездомности, понимаемый в литературно-художественной и философской традиции как целостный и нераздельный, в современной социокультурной реальности расслаивается, за разными социальными типами закреплены разные грани этого опыта. В современной научной литературе аксиология отчуждения связывается с такими характеристиками, как чувство бессилия; чувство малозначимости; чувство отклонения от нормы; изоляция в понимании традиционных ценностных ориентации; самоотчуждение.

Следует отметить, что при всех отрицательных аксиологических следствиях бездомности (лишение благ, чувство ущемленности, моральные и физические страдания и т. п.), исследователи выделяют

позитивный аксиологический смысл, связанный социальным статусом — свободой от различных форм социального принуждения. Один из первых опытов бездомности с положительным смыслом свободы мы видим в фигуре древнегреческого философа Диогена. Традиция осмысления бездомности как свободы от социума имеет различные грани и составляет особую линию в философском исследовании проблемы.

Феномен бездомности как отчужденности начиная с XIX в. получил многообразные интерпретации в художественном творчестве, главным образом, в литературе и кинематографе. От «Отверженных» В. Гюго до современных шедевров западного и отечественного кинематографа мы видим галерею типажей и образов, раскрывающих многообразный спектр переживаний проблемы отчужденности. В литературно-мифологической традиции культурный опыт бездомности свойственен маргинальному положению, состоянию между двумя мирами (профанным и сакральным, привычным и неизведанным). Он персонафицирован образами путника, странника, скитальца, бродяги, изгоя, чужака, путешественника, авантюриста. Экзистенциальный срез культурного опыта бездомности связан со страданиями и лишениями, одиночеством, свободой, творчеством, духовным преображением и нравственным возмужанием, «социальным экспериментаторством». Культурный опыт бездомности подразумевает вместе с тем и особые формы телесности (израненности, ущербности, искалеченности). Одним из ярких кинематографических прочтений темы бездомности отметим драму американского режиссера Эктора Бабенко «Чертополох». В ней раскрывается драма людей, некогда занимавших значительное место в жизни общества (Фрэнсис Фелан, в прошлом известный бейсболист, и Хелен Арчер, бывшая певица), но утратившие его, опустившиеся и ставшие бездомными. Концовка картины трагична. В конце фильма Хелен умирает. Бдительные горожане избивают и выгоняют бомжей из города. Опустошённый Фрэнсис покидает город в товарном вагоне. Немаловажным аспектом в кинематографическом раскрытии темы становится актерское мастерство, дающее возможность зрителю прочувствовать всю гамму переживаний персонажей. Образ Хелен, созданный Мерил Стрип, потрясает скрытым трагизмом, чувством безысходности и тотальности переживаемого несчастья.

Развитие темы отчуждения в современном кинематографе достигает поистине гигантских масштабов. Здесь отрефлексированы все возможные грани отчуждения. Все значительные кинорежиссеры XX в. отдали дань разработке этой темы в самых различных образах и сюжетах. Аксиология отчуждения во всей полноте раскрыта

в работах Андрея Тарковского, Ингмара Бергмана, Микеланджело Антониони. В аксиологическом аспекте, за редкими исключениями, тематика отчужденности в кинематографе демонстрирует глубокое размышление, высокую концентрацию чувства трагизма, психологические трудности переживания. Одним из примеров этого может стать «тетралогия отчуждения» Микеланджело Антониони, в которой он представляет Человека таким, какой он есть: одинокий, думающий о смысле жизни, связанный лабиринтами взаимоотношений с другими людьми. Первые три картины этой тетралогии («Приключение», 1960; «Ночь», 1961; «Затмение», 1962) связаны с точки зрения стиля и выбора темы: черно-белое изображение и малонаселенные персонажами интерьеры, где разыгрываются истории про людей, не способных находиться рядом друг с другом, не понимающих, не слышащих и не слушающих друг друга и самих себя.

Философская рефлексия проблемы отчуждения монологична, по сути, направлена на интеллектуальное постижение, ее аксиологическая составляющая выступает в виде концептов и имеет относительно ограниченную область вовлеченности аудитории в ее осмысление. Художественная же рефлексия как эмоциональное постижение становится фактором, способным придать теме действительно глобальное звучание благодаря широкому спектру художественных образов и эмоциональных постижений.

Литература:

1. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
2. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: Учебник. — М.: ЭКСМО, 2005. — 649 с.
3. Лейбин В. М. Психоаналитические идеи и философские размышления. — М.: Когито-Центр, 2017. — 780 с.
4. Матлахова М. С. Феномен бездомности в пространстве современной культуры. Опыт культурологического анализа. — М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. — 176 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
6. Сапронов П. А. Курс лекций по теории и истории культуры. — СПб.: СОЮЗ, 1998. — 560 с.
7. Подорога В. А. Насилие в современном кинематографе. Подход к теме. // Политическая концептология. — № 1. — 2016. — С. 189 — 208.
8. Фромм Э. Бегство от свободы / Перевод Г. Ф. Швейника. — М.: АСТ, 2011. — 288 с.

9. Meadows P. Freedom, Order and Alienation // Alienation: Concept, Term and Meanings. N. Y., L., 1973. P. 203. Цит. по: Отчуждение при социализме // Социологические исследования. — 1989. — № 6. — 39 с.

УДК 172:82.0:930.85

**ВКЛАД В. М. ШУКШИНА
В ФИЛОСОФИЮ ДОБРОДЕТЕЛИ
(ПО ЕГО СКАЗКЕ “ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ”, 1974)
К 90-ЛЕТИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА
СЛОВА И ОБРАЗА**

**V. M. SHUKSHIN'S CONTRIBUTION
IN THE PHILOSOPHY OF VIRTUE
(ACCORDING TO HIS FAIRY TALE “UNTIL THE
THIRD COCKS”, 1974).
TO THE 90TH ANNIVERSARY
OF THE NATIONAL AUTHOR**

Шульгин В. Н., доктор исторических наук, действительный член академии геополитических проблем, руководитель калининградского филиала агп
Shulgin V. N., doctor of historical sciences, full member of the Academy of Geopolitical Problems, head of the Kaliningrad branch of the AGP

Аннотация. В. М. Шукшин стал художником-мыслителем позднего советского периода. Произведения этого кинорежиссера, сценариста и писателя вошли в корпус трудов классиков русской культурной традиции XVIII–XX вв. Подобно В. В. Розанову, он пророчествовал о грядущем кризисе России из-за забвения многими *русской идеи*, призывая элиту стать национально-ориентированной.

Annotation. V. M. Shukshin became an artist and thinker of the late Soviet period. The works of this filmmaker, screenwriter and writer were included in the body of the works of the classics of Russian cultural tradition of the 18th — 20th centuries. Like Vasilij Rozanov in the late 19 — early 20th cent. he prophesied about the impending crisis of Russia due to the oblivion by the intelligentsia of *The Russian idea*, urging the elite to become nationally oriented.

Ключевые слова. Русская идея, дух народности, самобытность, национальная культурная традиция, вырождение советской элиты.

Keywords. The Russian idea, the spirit of nationality, identity, national cultural tradition, the degeneration of the Soviet elite.

Есть люди, максимально воплощающие в себе «токи истории», являясь возжигателями тех путеводных «звёзд», о которых говорили поэты, как Ф. И. Тютчев, печалившийся, наблюдая скатывание Старой России в революцию: «Ты долго ль будешь за туманом / Скрываться, Русская звезда...»¹. В. М. Шукшин (1929–1974) и был ярчайшей «звездой», взошедшей на небе послевоенной России, указавшей путь возможного, давно назревшего «национально-ориентированного» возрождения в условиях так называемого модерна, забывшего о душе живой, творце блага и добродетели. Благодаря этой «национально-русской чувствительности», типичной для нашей классики, Шукшин органически влился в «наше всё», в «звёздную плеяду» носителей классической *Русской идеи* XIX–XX веков, идеи, «соборне» одушевившей всю «пушкинско-блоковский» полноту национальных гениев.

Это единство русской классики прошлых веков в главном — в стремлении к *самобытности, своеобытности, народности* — должно быть, наконец, осознано. Время «разбрасывания» камней давно миновало. Выдающийся художник слова, каким был Шукшин, рано понял «сократическую», одновременно пушкинскую, идею, возвещающую, что никакие мощные «инструменты» цивилизации со всей электрификацией, химизацией и т. д. «технизацией» жизни не в состоянии вдохнуть подлинную жизнь в современную Россию. Человек технический вновь должен обрести душу любящую, своеобразную, благотворящую.

Обращение к наследию Шукшина помогает лучше понять спастельность упомянутой только что главной нашей Традиции эпохи модерна, бывшей одновременно реакцией на его односторонность. Ведь вольное или невольное отвращение от русизма «столичных элит» способствовало «крушению всего» сначала в 1917-м, а затем — в 1991–1993 гг. Последнее произведение Шукшина стало концентрированным выражением понимания художником главной «системной» национальной угрозы, введшейся в тело Руси — отвращения политических и культурных верхов от духа народной самобытности. Делалось это ими по нечувствию духа правды или «приспособительски», — то под предлогом чаемого кантовского или марксова «всемирного братства», то под завесой «многонациональности России». Эта «элитарная» аберрация совести и сознания и сегодня далеко не всеми сознаётся как главнейшая национальная беда. Такое ложное настроение «элит» способствует противоестественному национальному «самосдерживанию» России, препятствуя победному торжеству *русской политики*, без которой честная «российская по-

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. — М.: Правда, 1980. С. 185.

литика» невозможна². Продолжать конструирование такой «нашей» политики с претензией на эффективность — это всё равно, что выбросить из русской матрёшки её внутренности, оставив впусе одну лишь внешность...

В. И. Ленин точно определил одно качество Льва Толстого, явившегося по его меткому наблюдению «зеркалом русской революции». Л. Н. Толстой отобразил собою раздвоение, «системный» кризис Старой России, её «обездушение», чреватое крахом, который и созрел к 1917 году. Классик воплотил в себе дерзновенный поиск народом нового облика *Русской правды* и, не сознавая того, сам оказался в состоянии духовной «расхристанности», как и вся Россия, сверху донизу терявшая *единую систему координат* или верную *точку опоры*. Эта новая Смута и была радостно воспринята нашим сверхреволюционером, эффективнейшим продолжателем Маркса, став мощным толчком к решающему натиску ниспровергателей «старого порядка», опершихся не на духовное наследие Руси, а на измышленные ими «всемирный прогрессивный строй», отрицавший все «своенородные» истины, презрительно называя их религиозным «труположеством».

Русская душа в XIX веке при возобладавшем интеллигентских посяторонних «идеалах» Вольтера, Канта и Маркса была разорвана надвое: *социально-справедливое* земное её устремление было противопоставлено святому *народному* духовно-нравственному «неотмирному» настроению, объявленному проявлением вреднейшего «великодержавного шовинизма». То есть две части единой Русской Правды, её социальный и национальный (духовно ориентированный) компоненты, были буквально втравлены в войну друг с другом ещё во время Империи³. Это противоборство русских первоначал стало неизбежным в условиях глобализации модерна, начавшегося с Американской и Французской революций XVIII века. В выигрыше оказались духовно денационализированные, но пассивные «разночинные» слои пореформенной России, которые в духе своих инстинктов, хотя

² Полнота постижения этой ключевой мысли была характерна, в частности, для Ю. Ф. Самарина. См.: Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? (1856 г.) // Он же. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т. А. Медовичева. — М.: Изд. центр «Терра», 1997. С. 86-87.

³ «Пушкинец» кн. П. А. Вяземский в 1860-е гг. уже фиксировал победу бездуховного радикализма в интеллигентском общественном мнении, то есть «либеральный террор», затыкающий рот национально-ориентированным художникам и мыслителям при доминировании атеистического «прогрессивного “Современника”» Н. Г. Чернышевского: «Послушать: век наш — век свободы, / А в сущность глубже загляни — / Свободных мыслей коноводы, / Восточным деспотам средни...» (1860 г.)

вроде бы и честно, сделали ставку на *социальную справедливость* в ущерб *духу народности*. Они сознательно или бессознательно, ради укрепления своего окончательного пореволюционного преобладания, и стали поступать в духе известной политической максимы «разделяй и властвуй». Так был «дорасчленён» органически единый русизм, это зиждательное природно-русское самобытное настроение, совокупившее земную составляющую чаемой справедливости с вечной Божественной Правдой.

Это «самоизнасилование» Русского духа как *антитезис*, преподнесенный модерном, был противопоставлен *тезису*, утверждавшему целокупность христианской цивилизации, и победно воспринят денационализировавшимися слоями российской интеллигенции, составившими властное ядро нового, сначала «розово-февральского», а затем и «пунцово-красного» политического класса. Его энергичные представители натурально и устремились «добивать» то, что им казалось остатками русской души. Совсем не случайно А. В. Луначарский, эрудит-культуртрегер, талантливый писатель и ленинский нарком просвещения, видел главнейшую задачу новой власти в следующем: «Нужно бороться с этой привычкой предпочитать русское слово, русское лицо, русскую мысль»⁴. Борьбу с этим мерзейшим по безнравственности и ложным настроением и предпринял В. М. Шукшин. Она стала одной из целей его жизни, явив в слове столь назревший русско-российский *синтез* истинно духовного, самобытного, и социально-справедливого, по сути, выступая за торжество национально-ориентированной политики в современной России. «Синтетическая», объединяющая миссия Шукшина привела к тому, что он сотоварищи никогда не рвали с официальными кругами, как, например, А. И. Солженицын, надеясь, что партэлита как наследница увода русизма исключительно в «безродную социальность» под влиянием русского искусства должна вернуться к духу русской народности, всё определившей в России. Это было продолжение миссии Пушкина, Тютчева, Достоевского, всей «классической» русской полноты.

Только что приведённая поистине расистско-бесчеловечная инвектива Луначарского в адрес природной России, с которой не смогли бы согласиться даже представители первых поколений «Освободительного движения» (декабристы и народники), у социал-демократов к началу XX века оказалась в фаворе. Последние стали послушными учениками «классиков марксизма», этих типичных западных европейцев, которые по меткому суждению А. С. Пушкина всегда были

⁴ Цит. по: Баранов Ю. Вадим Дормидонтов. Двадцать этюдов о главном. — М.: ООО «Изд-во МБА», 2011 // Литературная Газета. 2012. № 30 (6378). С. 11.

«невежественными» и «неблагодарными» в отношении Руси, хотя именно она спасла их «образующееся просвещение»⁵.

В. И. Белов, сердечный друг Шукшина, обратил внимание современного читателя на известные им обоим человеконенавистнические эскапады Фр. Энгельса, которые при Сталине, ставшем возродителем некоторого русизма в политике, постеснялись перевести на русский язык. Белов их и цитирует в книге о Шукшине «Тяжесть креста». Именно эти «идеи» классиков марксизма были восприняты как руководящие в эпоху первоначального большевизма нашим пореволюционным политическим классом, в частности Луначарским. Энгельс так аттестовал русский народ и славянство в целом:

«На сентиментальные фразы о братстве народов <...> мы отвечаем: ненависть к русским была и поныне является у немцев их *первой революционной страстью* <...> ближайшая всемирная война сотрёт с земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы <...> Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор...»⁶.

Подобное русофобское настроение, ставшее почему-то руководящим для Луначарского и всего «досталинского» руководящего слоя элиты, как-то отвечая их инстинктам, было отчасти следствием влияний со стороны германизма, этого сильно духовно изуродованного национального настроения. Как таковое оно было обличено уже В. И. Тютчевым⁷, но в СССР долго оставалось вне критического рассмотрения.

Поразительно, но именно аналогичные марксово-энгельсовским «первоначально большевистские» космополитические чувства о России и рождённые ими мысли о русских как «извечно рабском народе» и т. п. «порочном» мировом этно-феномене стали активно реанимироваться в постсталинскую эпоху. Причём для «эффективного» внедрения в общественное сознание эту расистскую «самоедскую» русофобию со времён Хрущева «технологично» маскировали борьбой со «сталинщиной». Естественно, «прогрессивная» столичная общественность, ухватившаяся за пресловутую «хрущевскую от-

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. — М.: Наука, 1964. С. 306.

⁶ Цит. по: Белов В. И. Тяжесть креста // <https://www.booksite.ru/fulltext/tya/zhe/sty/1.htm#1> (курсив Энгельса: ср. публикацию по-английски: <http://marxists.anu.edu.au/archive/marx/works/1849/02/15.htm>)

⁷ См., напр., его стихотворение о «богомерзких народах», рождающих «богохульные умы» под предлогом «света и свободы», а также политические статьи: 1) Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма в 6 томах. Т. 2. Стихотворения. — М.: Издат. Центр «Классика», 2003. С. 66; 2) Там же. Т. 3. Публицистические произведения. С. 109-129 и др.

тепель», и стала активно противостоять новым русским классикам, включая Шукшина. Она надеялась укрепить своё влияние в обществе, обеспечить «расширенное воспроизводство» кадров, по сути, отвращающих от России. При этом многие её предшественники забывали говорить о главном мотиве своей «антисталинщины», — о стремлении отомстить за расстрелянных отцов, «пламенных революционеры» ленинцах и троцкистах, попутно стараясь на волне новой коммунистической пассионарности вновь войти в политическую элиту.

Рассматривая ключевую культурную миссию Шукшина в послевоенной России, данное обстоятельство должно быть учтено. Внутренние недоброжелатели России и её коренного державообразующего русского народа, всячески не желавшие совершить естественную, казалось бы, рецепцию русизма (непременного настроения в России)⁸, устремились «сдерживать» Шукшина, а в его лице — саму Россию. После его безвременной кончины в 1974-м они же принялись поливать его грязью по установившимся с XIX в. «международно-прогрессистским» установкам «интеллигентщины». Они делали вид или даже верили, что вещают правду, а не клеветают на художника в соответствии с бездуховной «европейскостью», проникшей в германизм, англо-саксонство, американизм, франкофонию, то есть в «постхристианскую» духовно-искажённую Романо-германскую цивилизацию. Они даже не понимали, что вольно или невольно изменяют своей родине с её самобытной духовностью и культурой.

Приведу мерзейший по сатанической «яркости» пример русофобского навета на Шукшина, вполне объясняющий целый ряд мест его сказки «До третьих петухов», в частности, образ «изящного черта», ухаживающего для своих целей за русским Иваном. Этот пасквиль позволяет понять, насколько трудно было художнику слова и кино отстаивать права народной самобытности, этого главного нашего цивилизующего настроения. Ведь без него Великая Россия превращается по меткому определению Ф. И. Тютчева в «лакейскую», в придаток Запада, объятый духом подражательности, забыв под предлогом «прогресса» о своём назначении быть *Святой Русью* в духе столь любезного Пушкину русского «самостояния»⁹.

⁸ Можно сравнить это патологическое неприятие русизма с поистине нормальным поведением оказавшихся в России урождённых немки Екатерины Великой, датчанина В. Даля, еврея А. Гильфердинга и т.п. героев отечественной истории, воспринявших русское народное настроение с его устремлением ко вселенской правде и обрусевших вместе с ним без какого либо ущерба к породившим их историческим народам.

⁹ См., напр.: Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 2. С. 99.

Речь идёт о тётке Энгельса — Фридрихе Горенштейне, однокурснике Шукшина по ВГИКу, типологически повторившему мерзкий поступок М. Корфа в отношении А. С. Пушкина, также своего бывшего однокашника. Имею в виду пасквиль, написанный после трагической гибели великого поэта¹⁰. Так же и Фр. Горенштейн, не лишенный талантов (соавтор А. Тарковского), вскоре после кончины Шукшина публично оклеветал русского художника, радуясь его кончине. В. И. Белов вспоминал, что подобные ещё прижизненные поношения были типичны для интеллигентско-столичного «космополитического сектора», не привыкшего видеть подлинных представителей народа посреди приятных ему «творцов». Горенштейн (переселился в ФРГ в 1980 г.) в 1974 г., клеветая, так отзывался о Шукшине:

«В нём худшие черты алтайского провинциала... сочетались с худшими чертами московского интеллигента»; «злодей»; «в нём было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще»; «ненависть провинциала» вела его «к предельному... юдофобству» (прямая клевета на Шукшина — ученика еврея М. Ромма — В. Ш.); «он обучился извращенному эгоизму интеллигента, лицемерию и фразе, способности искренне лгать...»; «непутёвый алтаец», сторонник «националистического шабаша», «террора»; «беспутный пророк», которого многочисленные «нищие духом проводили в последний путь» «в недра привилегированного кладбища» и т. п.¹¹

Нельзя не согласиться с заключением В. И. Белова, назвавшего опус Горенштейна «надругательством над только что усопшим», избоблюющим «голословными обвинениями». Такое не допускалось «даже в первобытном обществе»¹². Можно лишь прибавить, что этот «подлинный» интеллигент склонился не только к патологической лжи, но и обнаружил прямое невежество. Он не понял суть первой Заповеди Блаженств Иисуса Христа («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» — Мф. 5-3), иносказательно зовущей к

¹⁰ М. Корф, напр., так аттестовал Пушкина, вполне применяя методу будущего Геббельса врать ужасающе, чтобы поверили: «Он [Пушкин] не принадлежал к числу тех, которые любят созидать»; «мы его прозвали “французом”... это прозвание не заключало в себе ничего лестного»; «избалованный с детства похвалою»; «предался всем возможным распутствам... в непрерывной цепи вакханалий»; «Пушкин не был создан <...> для истинной дружбы»; «В нём не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств»; «Вечно без копейки <...> Пушкин представлял тип самого грязного разврата» и т. п. — Корф М. Записка о Пушкине // Он же. Записки. — М.: Захаров, 2003. С. 678-684.

¹¹ Цит. по: Белов В. И. Указ. соч., размещенное в сети интернет.

¹² Там же.

смирению, захотев усмотреть в ней констатацию некой русской народной тупости¹³.

Вышесказанное в определённой мере демонстрирует ту конкретно-историческую обстановку, в которой действовал «призванный» к духовному служению Шукшин с его вершинным философским произведением, сказкой «До третьих петухов». Писатель и художник кино был вынужден бороться за веру в созидательные качества русского народа, надеясь на грядущее торжество национального возрождения. Оно вновь должно было поставить любовь к родному на первое место — «по Пушкину, по Тютчеву»¹⁴.

Таким образом, повторяю, В. М. Шукшин вершил национальный синтез, диалектически совокупающий Христианско-православный тезис тысячелетней русской цивилизации и неизбежный, по-своему цивилизующий антитезис модерна, принявший с Французской революции крайние формы. Этот синтез забрезжил ещё в сталинские времена не без парадоксального соучастия в этом процессе самого «красного императора». Именно русский синтез, ставший вновь совокуплять духовно и культурно расчленённую народную душу стал призванием Шукшина. Художник слова и кино стал одним из главных носителей этого Русского возрождения с его новым курсом на единение справедливого и духовного, этих главных начал, прежде оторвавшихся друг от друга. Шукшин сотоварищи стал возвращать «заблудившийся кремлёвский звон» к его истокам¹⁵.

Таким образом, В. М. Шукшин явился «зеркалом» назревавшего ухода в небытие пореволюционной России, надеясь обретения её эволюционного перехода к новому, благому «целокупному» состоянию. Он диагностировал угрозу, пытаясь оздоровить Русь спасительным духом народности, сознательный отказ от которого и завёл в исторический тупик «советский строй», несмотря на все его «социальные» достоинства, действительно бывшие «мегафактом» нашего бытия с 1910-х по 1980-е годы. Этот провидческий дар Шукшина отразился в его итоговом произведении — сказке «Ванька, смотри», переименованной «Нашим Современником» при первой публикации — в «До третьих петухов».

Прежде всего, очевидной была иносказательная констатация этого почти уже назревавшего краха, что отмечено в литературе, давно обратившей внимание на уникальное место Шукшина в современ-

ной отечественной словесности. Так, Г. В. Свиридов в 1990 г. назвал «эпоху брежневского консерватизма» «эпохой глубоких предчувствий», когда «вызревала большая национальная мысль». В свиридовском списке современных писателей-классиков В. М. Шукшин шел вторым (после Ф. Абрамова)¹⁶. Эту же мысль, уточняя, высказал, Г. В. Распутин: годы творчества В. М. Шукшина «были, вероятно, переломными, в них ещё таилось, *истаивая, спасение*, в них *окончательное перерождение только подготавливалось*». «Макарыч» старался достучаться до верхов, толкая их к возрождению Руси в духе Традиции, но те предпочли «обречённо дожидаться» крушения всего «под затверженную аллилуйю» (Распутин иронизировал о «единственно верном» марксизме)¹⁷.

Аналогичные оценки делали и другие русские художники слова и образа. Кинорежиссёр С. Бондарчук говорил о русском «первородстве» Шукшина, очевидно, намекая на Библейскую мудрость, учащую, что недопустимо менять своееродное «первородство» и самобитную избранность на «чечевичную похлёбку»¹⁸. Мастер кино, вероятно, «зашифровал» здесь великую мудрость вполне в духе классиков Русской традиции, учивших, начиная с Н. М. Карамзина и вплоть до В. В. Розанова и других гениев, что Русскую душу нельзя обменивать на нечто внешнее и «красненькое» (показателен образ красной чечевицы, намекающий и на коммуно-космополитическую «земшарную» мечту).

В. Некрасов, получивший Сталинскую премию за «Окопы Сталинграда», позднее ставший «несогласным» эмигрантом, говорил, что Шукшин «всё искал правду». Уже упомянутый В. Г. Распутин так сказал об уникальности в избранности Шукшина: «Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для... свидетельствования на всемирном сходе, где только по одному человеку решили судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он — Шукшин...». Не удивительно, что А. Варламов, обобщая в книге о Шукшине главное из сказанного о нём знатоками русского стиля, делает вывод о нём как о «совершенном русском человеке советского времени»¹⁹. Подобным же образом В. Я. Курбатов в предисловии к книге В. И. Коробова, ещё одного биографа писателя-режиссёра, так оценит Шукшина: «Теперь уже не-

¹³ См. многочисленные толкования Св. Отцов на Новозаветные Заповеди Блаженств.

¹⁴ К тому же стремился и Л. И. Бородин, слова которого процитированы (см. стихотворение «Мы с детства в Русь вколдованы...»).

¹⁵ Образ стихотворения М. Цветаевой 1918 г. о «заблудившемся» кремлёвском колокольном звоне.

¹⁶ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. Изд. 2-е, доп. — М.: Молодая гвардия, 2017. С. 664.

¹⁷ Распутин В. Г. Даёшь сердце! // Литературная Газета. 2009. № 30 (6234). С. 1 (курсив мой — В.Ш.)

¹⁸ Ср.: Бытие: главы 23-25.

¹⁹ Варламов А. Шукшин // <https://www.litmir.me/br/?b=559273&p=1>

сомненно, что он был явлением *подлинно единственным*, не знающим подобия ни в мировой, ни в русской практике. Писателями, актёрами, режиссёрами в одном лице были многие, но сжатой воплощённой мыслью, *живущей идеей* был он один»²⁰.

Знаменательно, что в коротком предисловии к биографическому труду рано ушедшего В. И. Коробова (1949–1997), В. Я. Курбатов чаще других понятий использует слово «душа», подчёркивая самое главное в Шукшине, советуя лидерам нашей страны не забывать о «состоянии нашей души», *русской души*, о её боли, тревоге и обоснованных надеждах, как их верно умел отобразить этот художник слова и кино. Курбатов подчёркивает в этой связи незаменимость наследия Шукшина ввиду рукотворной беды, легкомысленно сотворённой всеобщим нашим инерционным прогрессистским оптимизмом с забвением народных начал Руси: «За трескотнёй о возрождении России <...> мы успели подзабыть живого русского человека, который эту самую Россию и составлял»²¹. Курбатов недаром роднит двух классиков — позднейшего Ф. М. Достоевского и позднесоветского В. М. Шукшина. Великие художники видели главное в человеке — его самородную душу, протестующую против западничества политической элиты, царской и советской. Первая при Петре I сослала жидетельный *русизм* «в европейское болото». Вторая при СССР революционно «сорвала с места» русского человека, «выпарив» его «из этого *петербургского неживого нерусского болота*», но на родную почву не вернула²². Здесь Курбатов, по сути, замечательно точно сказал о «синтетической» миссии Шукшина, стремившегося «доделать» намеченное прошлым. Художник силился вернуть русскую душу в российское государственно-общественное тело, то есть решить главные задачи, осознанные уже Карамзиным, Пушкиным и Тютчевым²³.

Задачей Шукшина, по точному наблюдению Курбатова, было подлинное *русское возрождение*: Шукшин «воскрешал во всей силе и первоначальности <...> измученную, вольную и грозную народную душу, раздувал её из-под почти затянувшегося пепла, опять готов был устыдить расслабленного человека», увлекая его «могучей тоской по силе и призванности»²⁴. Курбатов подкрепил справедливость своего

²⁰ Курбатов В. Я. «Не сберегли...» // Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещее слово. — 2-е изд. — Калининград: Мастерская «Коллекция», 2010. С. 8 (курсив мой — В.Ш.)

²¹ Там же. С. 6-7.

²² Там же. С. 9 (курсив мой — В. Ш.)

²³ См. об этой русской традиции самобытничества: Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. — СПб: Нестор-История, 2009.

²⁴ Курбатов В. Я. «Не сберегли...» ... С. 12-13 (курсив мой — В.Ш.)

суждения о сути духовной миссии Шукшина близкой по содержанию оценкой Распутина. Великий сибиряк подчеркнул, что в поздние советские годы политическая и культурная элиты не услышали Шукшина. Курбатов эту мысль развивает: «Пошлость и духовное истощение жизни... которые так мучили... его стали вдруг... законны и поощряемы <...> Он [Шукшин] приходил напоследок показать, что такое русский человек в его замысле, в его Богом данной святой полноте, и мы ещё успели почувствовать, <...> чем мы могли бы быть и что предали в себе, какая даль ещё была возможна в нас, какой <...> простор и какая воля!» Но «искренний человек» вновь не был услышан, и опять был забыт народ «с такой становящейся летящей душой»²⁵.

В. М. Шукшин — это явно видно из его сказки — вскрыл духовное падение позднесоветской элиты с её лениво-самодовольным отказом понимать *цели и правду* национального бытия, с её отвращением от *духа народности* при соглашательстве с действительно тёмными силами, смешавшими добро и зло, и с неизбежным потому «опусканием» этого нравственного гниения в народ. Изображенная им в сказке «До третьих петухов» фигура «мудреца» олицетворяла это «элитарное» советское всесмещение, в том числе яхшание с тёмными силами при показушной их критике, но с фактическим потворством их разрушительной активности. Шукшин, показывая полную импотентность власти, маскируемую пустословием и ложью, выводит фигуру «мудреца» с печатью (образ высшего начальника). К нему за оправдательной справкой и заставила идти «Ивана-дурака» прогрессивная общественность.

«Мудрец» картинно понарошку обличает «изящного чёрта» за то, что черти «облапошили Ивана», выпытав способ, как захватить ненавистный им Православный монастырь (это образ Руси-матушки). «Мудрец» даже поругивает чёрта, как бы упрекая («Что вам надо в монастыре?»; «Озоруе!»); «Что им, в полупендриках ваших ходить?») Однако тут же после «увёртливых» ответов игривого беса, знающего цену «нестрашных угроз», он, по сути, призывает завершить захват Монастыря, для чего советует усилить «теоретическую» подготовку²⁶. Здесь, конечно, видим прямую аналогию с лживыми, отвлекающими внимание «теоретическими» построениями нашей позднесоветской «идеологии», делавшимися для красного словца при отказе от подлинного поиска истины. А в это же время под этой завесой будущие «прорабы перестройки», то есть капитулянты перед Западом, прорабатывали операцию сдачи национальных позиций

²⁵ Там же. С. 14-15.

²⁶ Шукшин В. М. До третьих петухов: Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума. — М. «Русская книга», 1992. С. 54.

в обмен на собственное элитарное «слияние в экстазе» с «Вашингтонским обкомом». Отсюда и курс на отупение масс, аналогичный американскому, вещающему о всеспасительности «демократии», а на деле — осатанению.

Вот и сказочный «Мудрец» на деле соглашается с главным бесом, что монахи «безнадёжно отстали» и даже углубляет бесовщину, ободряя «изящного чёрта». «Мудрец» вещал: «Тут, очевидно, следует говорить не о моде, — заговорил старик важно и взволнованно, — а о возможном положительном влиянии *крайнебесовских тенденций* на некоторые устоявшиеся нормы морали». Естественно, столь авторитетное поощрение с энтузиазмом принимается чёртом («Конечно! — воскликнул черт, глядя на Мудреца влюбленными глазами»). Далее последовало «методологически-научное» размышление «мудреца», давшее чёрту дополнительное обоснование бесовской «правоты» при захвате монастыря. Следует словесная ахинея «мудреца», напоминающая пустословные лекции брежневского агитпропа о «развитом социализме» и грядущие пустомерзостные горбачёво-«перестроечные» камлания — о «новом мышлении для нашей страны и всего мира». «Мудрец» вещал о диалектическом взаимодействии «моторной и тормозной функций» социума, советуя чёрту: «Учитывайте функции, учитывайте функции!» Лицемерно «грозя пальцем чёрту», требовал действовать, вооружившись наукой («И — с теорией, с теорией мне!...<...> Манкируете! Смотрите! Распушу!..Ох, распушу!»)²⁷.

Шукшин сумел на нескольких страницах отобразить имитационную методику наших пустословов-вредителей, «идеологов развитого социализма» вроде Е. Т. Гайдара, одного из руководителей журнала «Коммунист» при Горбачёве, а затем — «теоретике» шоковой терапии, то есть вдохновителе грабежа национального достояния в духе интересов Запада. Здесь писатель выступил провидцем, предрекая, как порочные «элитарные» круги страны будут поощрять захват богатств России под видом реализации «единственно верной» диалектической научной теории. Кстати говоря, у меня есть и личное воспоминание на сей счёт. Будучи лектором «Общества Знание» во второй половине 1980-х гг. мне однажды предстояло читать лекцию по Отечественной истории в «Гольяттиазоте». Идя к заводууправлению, остановился у газетного киоска. Среди продаваемых книг бросился в глаза «коммунистический» труд Е. Т. Гайдара о «самом передовом» социальном строе в СССР, который надо совершенствовать... Конечно, о русском народе, главном в великой стране, без учёта настроений которого никакой нормальный «социальный строй» невозможен, у нашего кремлёвского «мудреца» не было «ни полслова» (примерно так же обстоит

²⁷ Шукшин В. М. До третьих петухов. С. 55 (курсив мой — В. Ш.)

дело и у многих современных «мудрецов», например, у А. Дворковича, «на полном серьёзе» заявившего, что финансовое благополучие США является благом для России — пишу по памяти, не искажая смысла). По какому-то поэтическому инстинкту В. М. Шукшин пытался заполнить эту идеологическую лакуну, стремясь по-пушкински вернуть «дух народности» в политику, что видно и из содержания его итогового «сказочного» произведения.

При этом великий художник предостерегал и от церковной лжи. Он, по сути, учил, что мало состоять в «монастыре» по имени Россия (заимствование или повторение явно гоголевского образа из «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Гражданин этого монастыря должен действовать, борясь за Правду, за душу человеческую, являя пример непримиримости с бесовщиной, а не прятаться за спину Господа Бога, заслоняясь «Божественным Провидением», повторяя как мантру: «Бог управит, управит», а нам надо лишь «терпеть» и бездействовать. В сказке «Иван-дурак», пытаюсь исправить своё невольное преступление (ему ради справки пришлось, плача, даже сплестись для чертей), ведь он, до поры не понимая сути творимого, оказал чертям помощь в захвате Монастыря. Ему «стало жалко монахов», но в них, окруживших стены Монастыря, в котором шла бесовская рок-вакханалия, произошла странная перемена (в духе времени). Монахи, слыша бесовскую «музыку», невольно «подёргивали плечами в такт». Даже печально-отрешенные пожилые иноки «грустно покачивали» головами... но в такт «чёртовой музыке». Да и за собой он заметил невольное дёрганье²⁸. Бесовщина на Руси стала сильна!

Затем Иван спорит со старым монахом, который всё повторял, что надо «терпеть», «укрепиться и терпеть»²⁹. Остальные монашествующие соглашались, что чертовское дело попущено «за грехи», потому и «надо терпеть». Иван от безсилия убедить монахов «что-то делать» даже горько заплакал. Монахи же продолжали «культурно» кощунствовать. Из захваченного монастыря вышел «изящный черт» с группой товарищей и предложил одно дело монахам, всё окружавшем захваченный у них монастырь. Он предложил иконописцам «халтуру» — переписать иконы, изобразив чертей вместо святых за «приличную» плату. Тут уже несколько иноков не выдержали, решив побить чертей за святотатство. Но не получилось, ибо оружие было у них отнято³⁰.

Таким образом, Шукшин вольно или невольно (художнически, по наитию) отразил понимание проблем Церкви и церковных лю-

²⁸ Шукшин В. М. До третьих петухов. С. 72.

²⁹ Там же. С. 73

³⁰ Там же. С. 76.

дей пореволюционной эпохи в духе традиционных исканий русской мысли. К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, А. В. Карташев, С. И. Фудель, иногда расходясь по другим вопросам, были едины в отстаивании утверждения о вреде «отвлеченного» Православия, отказывающегося от действительной борьбы за народ и государство под тем или иным предлогом. «Активизм» первых трёх классиков общеизвестен. Ограничусь краткими показательными цитатами следующих. Так, Л. П. Карсавин показывал недопустимость для Православия как «разрыва ограниченного единства “веры” и “дел”», так и соглашательства с безбожной идеей «отделения церкви от государства», отрыва имманентного (земного) от трансцендентного (Небесного) в духе Канта и т. д.³¹ В свою очередь А. В. Карташев ратовал за излечение от церковной ошибки «трусливо отмалчиваться от всех жгучих вопросов жизни», но ханжески обличать «бедных заблудившихся» людей: «Словом, соборный голос церкви не должен прятаться за ширмы небесных целей Евангелия, а громко и властно звучать среди социальных бурь современности и быть указателем для верующих мирян, живущих... не в Фиваидской пустыне»³². С. И. Фудель (1900–1977), сын известного дореволюционного священника, составителя первого объёмного собрания сочинений К. Н. Леонтьева, также постоянно обличал современную «видимость» и «тень» церкви, пытающуюся себя выдать за церковь подлинную. В частности, он со знанием дела говорил о «нечистоте, лукавстве и боязни» как о «трёх великих грехах современных церковных людей», опасаящихся на деле следовать «за Агнцем» [Иисусом Христом]³³.

Видим, что духовная неуугомонность, деятельное начало в служении добру и красоте души народной и любящей всецело, соответствовали течениям основного направления классической отечественной культуры XIX–XX вв. как дореволюционного, так и советского периодов. Шушкина весьма тревожил наметившийся в 1960-е гг. тревожный отрыв политической и культурной элиты от «духа народности». Именно поэтому он стремился не терять связь с политическими верхами, что удивляло некоторых позднейших критиков, и как-то старался повлиять на культурную политику государства в духе русизма. Шукшин был сторонником «борьбы до конца» и противником безу-

³¹ Карсавин Л. П. Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства (1927) // Он же. Малые сочинения. — СПб.: АО «Алетейя», 1994. С. 395, 399, 404 и др.

³² Карташев А. В. Церковь как фактор социального оздоровления России (1934) // Он же. Церковь, история, Россия: Статьи и выступления. — М.: Изд-во «Пробел», 1996. С. 245.

³³ Фудель С. И. У стен Церкви // Он же. Собрание сочинений в 3 томах. Т. 1. — М.: Русский путь, 2001. С. 185, 219.

частного фатализма и обреченности, что делает его поистине Героем нашего времени, понимавшим, что недопустимо «грустное импотентство» мужей государевых. Оно оборачивается «мудрым» пустоловием, празднословием, леностью, обезволивающими народные массы (ибо «рыба гниёт с головы»), что лишь поощряет экзистенциального противника России, в том числе внутреннего, к разрушительным действиям. Такая «элита», проедающая наследие, ещё и продаёт его бесам, что в иносказательной форме показал Шукшин в сказке «До третьих петухов».

Несомненно, Шукшин стал продолжателем и проводником коренной национально-ориентированной русской духовно-интеллектуальной традиции, начатой Ломоносовым, укреплённой Фонвизиным, Карамзиным и Пушкиным. Для её представителей характерен дар предвидения, отразив их породнение с правдой *народного бытия*. Характерна череда пророчеств этих носителей *духа русизма*, — и о почти неизбежном торжестве нового российского «социального строя», и о его столь же неотвратимом крахе. Это предрекали до революции Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов, а позднее — Л. П. Карсавин, А. В. Чаянов, П. А. Флоренский³⁴. «Замкнул круг» этих провидцев В. М. Шукшин и его соратники по «русской партии». Среди последних выделялись Г. В. Свиридов, Л. М. Леонов, В. И. Белов, В. Г. Распутин, Ю. П. Кузнецов, Л. И. Бородин и другие национальные литераторы-мыслители послевоенной России. Последние их представители недавно покинули нашу скорбную землю, дополнительно побуждая к думам об их общем наследии.

Очевидна духовно-идейная смычка В. М. Шукшина с В. В. Розановым. Шукшин, по сути, доказал верность ярких пророчеств Розанова, демонстрируя кончину искусственной «социальной» цивилизации, точно предсказанную предшественником. При этом они оба признали действительный «мегафакт» *народности* самой Революции, что было, отчасти, следствием ментального «народоизнасилования» России новой революционной элитой, зревшей всю

³⁴ См., напр., пророчества В. В. Розанова 1915 г. (были и более ранние): 1) «... революция умрёт разом и вся, как только душа человеческая наконец пресытится зрелищем этого монотонного вранья, хвастовства и самовлюблённости. Она умрёт эстетически. <...> Людям будет вообще гадко глядеть на эту ораву хвастунов, лгунов и политических хлыщей <...> “Хлыщ” может играть роль ½ века. Но века? Но 500 лет? Нет, нет и нет»; 2) «... Именно после страшной войны <...> ты и будешь, Россия, подведена под длинный нож, “который режет без боли”»; 3) «Но будет, будет заря. Ещё подышит “синий человек” лет 40, пожалуй — все 85 (два века, XIX и XX) и наконец — перевернётся книзу лицом, последний раз “укусит землю”, вздрогнет и вытянется». — Розанов В. В. Мимолётное. — М.: «Республика», 1994. С. 195, 220, 237.

вторую половину XIX в. при фактическом потворстве сановного Петербурга по меткому наблюдению А. Блока («рождённые в года глухие пути не помнят своего»).

«Молодая Россия» сначала воспользовалась пленённым ею русским народным характером, отмеченным невиданным в христианском мире дерзновением, а затем, сумев организовать отражение очередного западного Нашествия 1940-х гг., отказалась «отдавать долги» русско-российским сословиям и людям, хотя это было возможно и крайне необходимо ради правильного вхождения великой страны-вселенной в новый этап своего бытия. Речь идёт, прежде всего, о многострадальном крестьянстве, «социально-совестном» становом хребте державы, который (из-за мнимой «неперспективности деревни») и продолжали у нас по инерции перешибать в 1960–70-е гг.

Тем самым, как показал В. М. Шукшин, верхи страны-сверхдержавы с мощными «культурными» свершениями дореволюционного и советского периодов вполне произвольно и самоубийственно отшатнулись от *русской народности* как и их дореволюционные «элитарные» предшественники, — также сторонники «бенкендорфовского» безликого *государственного патриотизма*, тревожа совесть новых Стенок Разиных, побуждая к сопротивлению. Шукшин по-пушкински доказывал, что патриотизм выхолащивается, обрубая связи с главным народом державы, замыкаясь в бюрократически-этатистской стихии, пытаясь «крепить себя» давно сгнившими отвлеченными догмами.

Согласимся с выводом В. И. Белова: «Шукшин... был в центре борьбы за национальную... Россию <...> Пока не поймём, что интернационалистская ловушка и новая “демократическая” — это одно и то же, нам грозят всё новые и новые капканы, изобретаемые на другом берегу Атлантики для всех племён и народов. “Ванька, смотри!”: *Шукиинское завещание* — название сказки — было злободневно все эти годы. Оно долго ещё будет необходимо России. Государство выдержит, переварит... очередную свою перестройку или перетряску, как переварила Россия троцкистский набег в начале и в первой части прошлого века. Если будем глядеть в оба»³⁵.

В. М. Шукшин своим жизненным подвигом показал, что возвращение русского стиля — это главная потребность Отечества, а также, что внутренние группировки, противодействующие национальному возрождению, пытаются сковать, сдержать сродное России дерзновение, по сути, в угоду мировым силам зла, чертям, захватывающим «монастырь по имени Россия».

³⁵ Белов В. И. Тяжесть креста // <https://www.booksite.ru/belov/interview/12.htm> (курсив мой — В.Ш.)

УДК 911.375.5:165.5-047.43

ЭСТЕТИКА УРБОЛАНДШАФТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ AESTHETICS OF URBAN LANDSCAPES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF PERSONALITY

Байракова А. А., аспирант кафедры геоэкологии, факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии, Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Bayrakova A. A., postgraduate Student of Department of Geocology, Faculty of Geography, Geocology and Tourism of Taurida Academy Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается генезис понятия эстетики урболандшафтов как междисциплинарного концепта. Описаны истоки возникновения субъективистского и объективистского подходов к оценке эстетической привлекательности ландшафтов. Приводятся способы проявления личностных характеристик, связанных с эстетизацией в рамках городского пространства.

Annotation. The article discusses the genesis of the concept of aesthetics of urban landscape as an interdisciplinary concept. The origins of subjectivist and objectivist approaches to assessing the aesthetic appeal of landscapes are described. The ways of manifestation of personal characteristics associated with aestheticization within the urban space are given.

Ключевые слова: городская среда, объективистский подход, субъективистский подход, урболандшафт, эстетическая оценка.

Keywords: aesthetic evaluation, objectivist approach, subjectivist approach urban environment, urban landscape.

Большинство людей мира постоянно живут в городах: они рождаются, растут, работают, развиваются и умирают в искусственно созданной предыдущими поколениями среде. Она приобретает определенные характеристики, важнейшей из которых является внешний облик города, который воспринимается человеком не в последнюю очередь.

Согласно А. В. Лисицыну, «почти каждый человек интуитивно или осознанно ощущает привлекательность историко-архитектурной среды города, ее соразмерность и гармонию» [1]. Человек создает города, а город в чем-то создает человека. Организация, гармония, соразмерность и эстетика городского пространства оказывают непо-

средственное влияние на жизнедеятельность и социализацию людей, а также становление индивидуальных личностных характеристик.

В связи с процессами глобализации и ввиду постоянно ускоряющегося и меняющегося образа жизни городских жителей одной из важных проблем становится изучение условий комфортного существования человека в городском пространстве. Одним из аспектов в формировании комфортности городского человека выступает эстетическое состояние ландшафтов. Таким образом, цель данной работы: определить роль эстетической составляющей городской среды в становлении личности.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть научные направления, занимающиеся вопросами эстетики урболандшафтов;
- обратиться к истокам изучения эстетики городского пространства и генезису понятия эстетики урболандшафта;
- рассмотреть подходы к эстетической оценке урболандшафтов;
- определить возможные способы формирования личностных характеристик городского пространством.

Само понятие «эстетика урболандшафта» носит междисциплинарный характер и может выступать объектом исследования философии, психологии, экологии, географии, литературы, медицины, архитектуры и градостроительства. Рассмотрим это понятие в рамках некоторых из перечисленных направлений.

Предметом исследования является воздействие городского пространства на формирование личности.

Процесс восприятия ландшафта человеком в эстетике и психологии именуется термином «синестезия» (в переводе с греческого означает соощущение). Совокупность очертаний, красок, тонов, звуков и запахов создает целостный художественный образ ландшафта. В эстетическом восприятии ландшафта участвуют зрение и слух, обоняние и осязание. Человеческий взгляд — это системное проникновение в сущность ландшафта. Это объясняется тем, что в процессах, которые связаны с психикой человека, главнейшую роль играют целостные образы — гештальты. В таких процессах происходит не просто отбор и последующее суммирование частей наблюдаемого целого, а его восприятие гештальтами, которым присуща эмерджентность [7].

Визуальная среда городских пространств существенно влияет на жизнедеятельность и здоровье человека, выступая таким же экологическим фактором, как и температура воздуха, освещенность, влажность и т. д. Новое самостоятельное научное направление, развивающее аспекты визуального восприятия окружающей среды, на-

зывается «видеоэкологией». Теоретической основой видеоэкологии служит концепция В. А. Филина, посвященная автоматии саккад (саккады — это способность глазодвигательного аппарата осуществлять быстрые движения глаз непроизвольно и в определенном ритме). Однако следует отметить, что становление видеоэкологии как самостоятельного направления прикладной экологии, находится на начальном этапе. [7].

М. Черноушек, представитель экологической психологии, пишет следующее об актуальности изучения воздействия архитектурно-пространственной среды на человека: «В то время как физическое, химическое и биологическое влияние окружающей среды на человека сравнительно хорошо изучено и зафиксировано, о психологическом влиянии среды на ее создателя — человека мы знаем значительно меньше. Тем не менее, психологическое воздействие архитектурно-пространственной среды может быть более опасным, так как, в отличие от химического и физического негативного воздействия, его невозможно измерить. В связи с этим, по мнению М. Черноушек, необходимо более глубокое осмысление собственной реакции и интерпретации своего отношения к среде. Только таким образом человек может осознанно и ответственно изменять такую схему взаимных отношений между ним и средой в свою пользу [8]. Живописные виды или удачные архитектурные решения могут способствовать раскрытию таланта художника, писателя, поэта. Тогда как угнетающая визуальная среда часто вызывает психологические расстройства. Так у Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание» описывался угнетающий желтый фасад зданий и однообразие улиц, что также имело место в принятии решения о совершении убийства Раскольниковым.

Не менее важным является вопрос истории формирования представлений об эстетике городского пространства.

Считается, что понятие «эстетика урболандшафта» появилось в ландшафтной и культовой архитектуре народов Западной Европы, Востока и древнерусского зодчества и т. д. На самом деле история развития эстетики урболандшафта берет свое начало с давних времен и имеет многовековую историю и связана с практическими потребностями общества. Вопросы красоты и гармонии волновали все мыслящее человечество на протяжении многих веков.

Проблемы эстетики городского пространства были актуальными и для Древнего мира. Так в египетском градостроительстве имело значение и географическое положение города, и безопасность, и комфорт, эстетический фактор также занимает важное место. Архитектура и градостроительство тесно связаны с религией, так как последняя

имела важное значение в жизни египтян. Кроме того, для египтян была важна соразмерность и логичность во всем [3].

Античные авторы поднимали вопросы общественного устройства, исторической «почвой» которого были конкретные для философов греческие города-полисы. Мыслители нарекались именами, связанными с городами, давшими им творческий путь — Гераклит Эфесский, Зенон Элейский, Ксенофонт Афинский, Платон Афинский и др.

Государство-полис отождествлялось с обществом как таковым, обеспечивающим жизнедеятельность людей во всех ее формах [5]. Построенные греками храмы, жилые дома и общественные здания несут в себе логичность, практичность и красоту. Таким образом город-государство способствует поддержке и осуществлению упорядоченного космоса и его сил — гармонии. В Греции существовали законы застройки, один из них гласил: «Во избежание затемнения улиц запрещается строить в жилых домах второй этаж» [3].

Для европейского средневекового градостроительства важны были три основных канона: польза, прочность, красота, но и особое значение имели архитектурные сооружения, характерные для того времени и несущие свои прямые обязанности: феодальные крепости, рынки, площади, церкви [3].

На заре средневековой эпохи городская жизнь стала объектом внимания Аврелия Августина как единства Града душевного (личности, имеющей свое символическое тело) и единства Града духовного (культуры, имеющей свое символическое тело). Городская повседневная жизнь европейских христиан была строго канонизирована, а формы общественных связей регламентированы церковью [5].

Особое внимание эстетике городской среды уделяли мыслители эпохи Ренессанса, отмечая влияние архитектуры и пространственного расположения зданий и улиц на воспитание умов и нравов. Так Л. Б. Альберти в шестой книге о зодчестве, рассуждая о красоте городов и городских сооружений, писал: «Только красота добьется от неприязненных людей того, что они, умерив свой гнев, оставят ее нетронутой» [1]. Под красотой представители эпохи Возрождения понимали, как правило, гармоничное соответствие городских элементов друг другу и целому [1].

Основопологающими классическими теориями о городской повседневности признаны работы деятелей Чикагской школы Р. Парка и Э. Берджесса. Ученые проанализировали различные аспекты влияния социального окружения на человека, биологические и экономические факторы человеческой жизнедеятельности. Л. Вирт в рамках Чикагской социологической школы обосновал понятие «урбанизм», исходя из его четырех характеристик: размера, территории

города, плотности и гетерогенности населения. Одними из основателей современной урбанистической теории являлись Э. Дюркгейм и Г. Зиммель. Дюркгейм признавал город живой целостностью, которой характерны разные способы взаимодействия между людьми. [5].

Для оптимизации городского пространства важное значение имеет эстетическая оценка урболандшафтов. В дальнейшем результаты такой оценки позволят принять правильное управленческое решение. Рассмотрим объективистский и субъективистский подходы к эстетической оценке урболандшафтов

Начиная с 1960-х годов оформляются научные подходы к оцениванию эстетики ландшафта: «объективистский» и «субъективистский». Объективистский подход основан на выявлении объективных критериев эстетической привлекательности, которые являются физиономическими характеристиками ландшафта. Как правило, такая концепция базируется на компонентном подходе, когда каждый важный фактор ландшафтной дифференциации (например, рельеф, растительность, особенности геологического строения) оцениваются по отдельности, обычно по балльной шкале. После этого выводится интегральная оценка геосистемы.

Объективистский подход обладает рядом преимуществ: обширные пространства и простота в оформлении результатов исследования, логическая стройность методик и «измеряемость» оценочных показателей, возможность экстраполяции данных на обширные пространства. К недостаткам такого подхода можно отнести то, что психологические особенности процесса восприятия не учитываются в полной мере, а также велика вероятность того, что исследователь при определении оценочных параметров будет руководствоваться преимущественно собственными предпочтениями [6].

В России менее распространенным является субъективистский подход эстетической оценки ландшафтов. Главным положением этого подхода является то, что исследователь должен оценивать пейзаж как единое целое, а не его отдельные части. В рамках субъективистского подхода выделяют два направления. В одном из них применяются экспертные методы. Таким образом, к эстетической оценке урболандшафтов привлекаются специалисты, чьи профессии в той или иной степени связаны с изучением природно-ресурсного потенциала: биологи, географы, архитекторы, психологи и др. Тем не менее, даже обладая определенными знаниями в той или иной отрасли, такие эксперты остаются людьми со своими взглядами и предпочтениями, которые не всегда совпадают со вкусами большинства людей. В виду этого было выделено второе направление субъективистского подхода. Оно основывается на интервьюировании и анкетировании

респондентов на предмет выявления их отношения к определенному ландшафту. В данном случае роль исследователя сводится к обработке анкет и их последующему обобщению. Для опроса чаще всего выбираются статистически достоверные группы, количество которых составляет не менее 50-60 человек. При этом, как правило, учитывается их социальная и профессиональная принадлежность, возраст, образование и пр. Подход достаточно трудоемок и его сложно использовать для больших территорий. Однако, он практически безупречен со стороны достоверности результатов, так как характеризует общественное мнение [4].

В настоящее время эстетическое восприятие города отчасти связано с журнальными и телевизионными эталонами, которые оказывают влияние на визуальное восприятие горожан. Город, со всеми его элементами мыслится как некая повседневность, воспринимаемая, главным образом с эстетической точки зрения. Таким образом, процесс эстетизации вообще и городского пространства в частности в первую очередь связан с развитием индустрии иконического (кино, фотография, туризм и т. д.), создающей образы, которые интенсифицируют наш опыт, создавая иконический ритуал [2].

Рассмотрим некоторые направления эстетизации городского пространства, которые на сегодняшний день являются достаточно распространенными. Речь идет о милитаризации, диверсификации и одомашнивании города.

Милитаризация городского пространства происходит путем создания милитаристских образов, формирующих терапевтически-эмоциональное пространство и иконическое сознание особого типа. Милитаристские образы героизируют пространство, создают патриотический дух, нацеливают на светлое будущее и оправдывают тем самым те трудности, с которыми человек сталкивается в настоящем. Они в некоторой степени нивелируют проблемы, происходящие в настоящем. Примером милитаристских образов являются памятники. На территории Симферополя насчитывается более тридцати памятников. Кроме исторической ценности и патриотических чувств они вызывают чувства гордости и, возможно, в некоторой степени препятствуют вандализму в городе. Кроме того, памятники выполняют важную воспитательную роль подрастающего поколения. В современных условиях за классным коллективом средних образовательных учреждений закреплен памятник для поддержания порядка на прилегающей территории.

Диверсификация проявляется в необходимости предоставить горожанину свободу выбора, чтобы он смог подчеркнуть свою уникальность. Например, на территории Симферополя ряд подзем-

ных переходов приобрели индивидуальность, благодаря художникам-любителям.

Стратегия одомашнивания как направление эстетизации городского пространства связана с образом дома. Это направление находит свое отражение в создании домашних интерьеров: домашняя обстановка не должна напоминать трудовые будни, она должна также выполнять терапевтические функции, излечивая от травм, нанесенных человеку на работе. Дом ассоциировался со свободой, чистотой, красотой и искренностью, с пространством, где можно быть собой, принимать самостоятельные решения.

Еще одной из форм «одомашнивания» городского пространства является его санитаризация. В г. Минске культ чистоты оказывается стилиобразующим фактором в формировании образа города. Чистота переводится в конечном итоге из категории материальной в нравственную. Борьба с грязью (категория субъективная) становится долгом каждого горожанина. Чистота (как внутренняя, так и внешняя) в Беларуси приобретает статус национальной идеи и бренда [2]. В городском пространстве Симферополя также можно привести примеры реализации этого направления: создание открытого летнего кинотеатра в парке им. Гагарина, организация просмотра чемпионата мира по футболу в 2018 г. на большом экране напротив заведений общественного питания под открытым небом, создание спортивных площадок со свободным доступом, проведение акций «Библиотека под открытым небом», «Ночь в библиотеке» и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что городское окружение в значительной степени оказывает влияние на формирование личностных качеств человека. Подтверждением этому служит то, что особенности восприятия эстетической ценности городского пространства человеком и влияние городской среды во всех ее проявлениях является объектом исследования различных научных направлений. Кроме того, актуальность вопросов эстетизации городского пространства можно наблюдать на всех этапах развития человечества. Способы эстетизации городского пространства и их роль в формировании личности являются одним из важнейших доказательств важности изучения вопроса влияния эстетики урбандолафтов на человека.

Литература

1. Балюшина Ю. Л. Эстетика малого города как фактор генезиса формирования личности [Электронный ресурс] / Ю. Л. Балюшина // Теория и практика общественного развития 2016, № 7. С. 20-23. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26463212_14888589.pdf (Дата обращения: 15. 03. 2019).

2. *Бедаш Ю. А.* Город как эмоциональное пространство [Электронный ресурс] / Ю. А. Бедаш // Вестник СамГУ. 2014. № 9 (120). С. 40-46. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22873821_48723733.pdf (Дата обращения: 17. 03. 2019).
3. *Волкова А. Г.* Развитие градостроительства и формирование идеала города в истории. Сопоставление идеального города и города Белгорода [Электронный ресурс] / А. Г. Волкова // Материалы международной научно-технической конференции молодых ученых им. В. Г. Шухова, 2017. С. 3237-3241. https://elibrary.ru/download/elibrary_35108167_74919259.pdf (Дата обращения: 01. 04. 2019).
4. *Дирин Д. А.* Попов Е. С. Оценка пейзажно-эстетической привлекательности ландшафтов. Методологический обзор [Электронный ресурс]. / Д. А. Дирин, Е. С. Попов // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №3. С. 120-124. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15608560> (Дата обращения: 15. 03. 2019).
5. *Касаткина С. С.* Городская повседневность как фактор социально-философских исследований [Электронный ресурс] / С. С. Касаткина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011, № 3. С. 89-92. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/gorodskaya-povsednevnyost-kak-napravlenie-sotsialno-filosofskih-issledovaniy> (Дата обращения: 01. 04. 2019).
6. *Колбовский Е. Ю.* Эстетическая оценка ландшафтов: проблемы методологии [Электронный ресурс] / Е. Ю. Колбовский // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. III (Естественные науки) С. 161-166. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18228007_25366799.pdf (Дата обращения: 01. 04. 2019).
7. *Моисеева Л. Г.* Особенности эстетического восприятия ландшафта — [Электронный ресурс] / Л. Г. Моисеева // География и природопользование Сибири. — 2013. — №16. — С. 108-114. — Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22897060_28407266.pdf (Дата обращения: 17. 03. 2019).
8. *Черноушек М.* Психология жизненной среды [Текст] /Пер. с чеш. И. И. Попа. —М.: Мысль, 1989. — С. 174.

УДК 634. 8:663. 2(470)

РОССИЯ: МИФ О ПЬЯНСТВЕ И КУЛЬТУРА ВИНОПИТИЯ

RUSSIA: THE MYTH ABOUT DRINKING AND THE CULTURE OF DRINKING WINE

Булава А. Н., аспирант Академии биоресурсов и природопользования Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий отделом виноградарства и виноделия Минсельхоза Республики Крым
Bulava A. N., post-graduate student of the Academy of biological resources and environmental management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, head of the Department of viticulture and winemaking, Ministry of agriculture of the Republic of Crimea

Аннотация. Дается сравнительный анализ истории потребления алкогольной продукции в Европе, Америке и на Руси. Приводится причина возникновения «мифа о пьянстве» на Руси. Анализируется история создания государственной монополии на производство и реализацию алкогольной продукции в Российской Империи, СССР, Российской Федерации и последующая борьба с пьянством. Исследуется положительная сторона умеренного употребления винодельческой продукции, влияние на организм с целью оздоровления и выведения свободных радикалов.

Annotation. The article presents a comparative analysis of the history of alcohol consumption in Europe, America and Russia and provides the cause of “the myth of drunkenness” in Russia. Analysis of the history of the establishment of state monopoly on alcohol production and sale in the Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation and the subsequent fight against drunkenness is provided below, as well as the positive side of moderate consumption of wine production, its impact on the body aimed at recovery and excretion of free radicals.

Ключевые слова: миф о пьянстве, культурное винопитие, свободные радикалы, винный туризм, борьба с пьянством, государственная монополия на алкоголь.

Keywords: the myth of drunkenness, cultural wine drinking, free radicals, wine tourism, fight against drunkenness, state monopoly on alcohol.

Отношение современного общества к винодельческой продукции в настоящее время сложное и неоднозначное. Бытует множество мнений о русском пьянстве. Вместе с тем, производство винодельческой продукции относится к определенному искусству, и «правильное» употребление вина является культурой питания, а в некоторых слу-

чаях даже приводит к оздоровлению и улучшению физического состояния человека.

Исследованию темы мифологии о русском пьянстве большое внимание уделил В. Мединский. В его книге «О русском пьянстве, лени и жестокости» поднимается вопрос о созданных западными историками мифах, истоках и причинах их мифотворчества, показано, как мифы «работают» и кому они выгодны, кто и зачем их поддерживает внутри страны, и какова их разрушительная сила [6].

До XVI века русским лишь несколько дней в году разрешено было пить мед и пиво, С. Герберштейн после посещения России в 1527 году утверждал «В Московии же нигде нет кабаков». При этом на Юге Европы — в Италии, Франции, Испании (зоны виноградарства и виноделия) — производство алкогольной продукции осуществлялось с древних времен. В Северной Европе широкое распространение получили пабы — «пивнушки» [6].

В то время, когда Европа и Америка широко употребляла алкоголь, Россия была самым «резвым» государством. В средневековой Европе потребление алкогольных напитков помогало избегать заболеваний, передающихся через воду (холера). В Америке после ее открытия европейцами были популярны салуны, в которых потреблялись виски, бурбон.

В России же право на предоставление разрешения на производство алкогольных напитков принадлежало казне при царе Иване III (1505 г.) и предоставлялось оно воеводам, в качестве вознаграждения. Прибыль от содержания питейного учреждения, корчмы принадлежала воеводам и частично направлялась в казну царю. Была установлена первая государственная монополия на алкоголь. Позже Иван IV Грозный учредил вместо корчмы кабаки, которые управлялись казной. Так была учреждена вторая государственная монополия на алкоголь. При Петре Великом госмонополия на алкоголь получила широкое распространение, т. к. государю необходимы были средства для реализации реформ [6].

По информации Федеральной службы государственной статистики (далее по тексту — Росстат) в Российской Империи в период 1914–1917 годах по сравнению с Европой зафиксирован низкий уровень потребления алкогольной продукции — 0,83 литра безводного спирта, или абсолютного алкоголя (100% спирт) (далее по тексту — а/а) в расчете на одного человека. Ситуация изменилась в период СССР и с 70-х годов прошлого века установлен рост объемов потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции.

В корне ситуация ухудшилась в Российской Федерации в период с 1990 по 2000 годы, когда годовое употребление алкоголя в расчете

на одного россиянина составило 5,4 литра а/а, а к 2018 году этот показатель вырос до 15 литров.

Однако, с учетом не разрешенных к потреблению спиртосодержащей продукции и крепких спиртных напитков домашней выработки, фактическое потребление алкогольной продукции на душу населения в настоящее время составляет около 25 литров в год.

В 2014 году Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) увеличила предельную норму потребления абсолютного алкоголя для человека. Так, мужчины могут выпить до 10 литров в год, а женщины до 7 литров в год без причинения ущерба здоровью.

По мнению специалистов ВОЗ, превышение предельного уровня употребления алкоголя может быть опасным для здоровья нации, и потребление сверх допустимого предела каждого литра отнимает 11 месяцев жизни у мужчин и 4 месяца у женщин.

Кроме того, следует указать на то, что употребление алкоголя — причина смерти почти миллионов человек и источник возникновения ряда болезней.

Согласно Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.12.2009 № 2128-р (далее — Концепция), в настоящее время в Российской Федерации ежегодно от случайного отравления алкоголем умирает более 23 тысяч человек, а от болезней, связанных со злоупотреблением алкогольной продукцией, — более 75 тысяч человек [8].

Учитывая вышеизложенное, Правительством Российской Федерации взят курс на «борьбу со злоупотреблением алкоголем».

Так, например, реализация алкоголя взята под особый контроль, внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — ФЗ № 171), полномочия по отслеживанию фальсифицированного и нелегального оборота алкогольной продукции предоставлены Росалкогольрегулированию. Правительством Российской Федерации введены ограничения на реализацию алкоголя: после 23 часов, подросткам возрастом до 18 лет, возле школ, садиков, на автобусных остановках [7].

Кроме того, внесены изменения в Федеральный закон «О рекламе», запрещающие рекламировать алкогольную продукцию.

Также разработана и утверждена Концепция, предусматривающая меры реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации, а также этапы реализации и ожидаемые результаты [8].

Необходимо отметить, что реализация государственной политики по борьбе с злоупотреблением алкоголя работает. Обратимся к статистике: согласно статистическому бюллетеню Росстата «Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами» наблюдается улучшение (в сторону уменьшения количества) таких показателей, как:

- взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в 2003 году — 228, 7 тысяч человек, в 2017 году — 78, 2 тысяч человек;

- численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях в 2003 году — 2213, 1 тысяч человек, в 2017 году — 1304, 6 тысяч человек [9, 10].

В структуре потребления алкогольной продукции (в пересчете на безводный спирт) более половины приходится на водку, ликероводочные изделия, а также пиво. Удельный вес вина в структуре потребления алкогольных напитков составляет менее, чем 20%. Как известно, пивной алкоголизм оказывает пагубное влияние на организм человека. В особенности на здоровье мужчин пиво оказывает крайне негативное влияние, в том числе на гормональный фон, ожирение мужчин по «женскому типу».

Необходимо отметить, что история создания вина и культурного его употребления очень древняя, в буквальном смысле, идет параллельно с историей развития человечества. Об этом свидетельствует история Месопотамии, стран Ближнего Востока, Персии и Индии. Конечно же, Закавказья (с древности на склонах горы Арарат возделывался виноград, из которого производилось вино), Средиземноморья и Древнего Херсонеса.

На Крымском полуострове культура винограда известна с давних времен. О широких размерах виноградарства вокруг Херсонеса (от Севастополя до Балаклавы) можно судить по обнаруженным во время раскопок каменным оградкам, остаткам виноградных участков и винодельческих сооружений, а также найденным остаткам серповидных ножей для обрезки кустов винограда, каменных плит, служивших основанием при прессовании винограда, и многочисленных сосудов (амфор), в которых сохранялось и перевозилось вино. На развитие виноградарства в окрестностях Керчи и вообще на Керченском полуострове, который раньше назывался Боспор, указывает греческий

географ Страбон, живший в I веке. Он писал: «На Боспоре разводился виноград, прикрываемый землей».

Виноградарство развивается в соответствии с потребностью виноделия. В соответствии с рациональными нормами потребления пищевых продуктов только 10% производимого винограда в мире потребляется в свежем виде и около 6% урожая используется для сушки в качестве сырья для кондитерской промышленности, при этом 84% перерабатывается на вино [4].

Общая площадь виноградников в мире за последнее десятилетие составила около 10 млн. га: в Европе — 72%, Азии — 13%, Америке — 9%, Африке — 5%, Австралии и Океании — 1%. Ежегодное производство вина в мире составляет 120, 0-130, 0 млн. декалитров [4].

Правильное сочетание вина и еды не только обогащает и насыщает вкус приготовленного блюда, но и позволяет улучшить общение между людьми.

Давайте обратимся к истокам мифологии. В божественном пантеоне каждого вероисповедания древних народов существует божество, отвечающее за вино и виноделие: в древнегреческой мифологии — это Дионис, в Древнем Риме — это Бахус, а в Древнем Египте — это Шаи [2].

Особая значимость придавалась вину в христианстве, например, Евангелие от Матвея и Марка, от Луки и Иоанна доносит до нас сведения о том, что Сыну Божьему вино не было чуждым: в Библии сообщается, что когда Иуда, изменник, ушел, Иисус поблагодарил Бога, взял хлеб, переломил его и дал своим ученикам, сказав: «Это тело моё». После хлеба подал им чашу с вином «Пейте из нее все, ибо это кровь моя, которая будет полита за грехи ваши». Эта библейская притча связана с таинством причастия, в котором по учению христианской церкви хлеб превращается в тело, а вино — в кровь Христову [3].

Сегодня ампелография винограда насчитывает более 25 тысяч сортов винограда, в том числе столового и технического. При этом современная селекция не стоит на месте, а рынок вина диктует спрос на новые вкусовые качества вина и новые купажи.

Состав вина сложен, в него входят летучие вещества (спирты), ароматические эфиры, органические кислоты (винная, молочная, яблочная), сахара, аминокислоты, ферменты, фенольные соединения (проантоцианидолы), катионы и анионы (K⁺, Mg⁺, Fe⁺, So⁴⁺, Cu⁺) [5].

Морфометрические факторы рельефа местности позволяют определить уровень теплообеспеченности каждого виноградника, установить зависимость наступления некоторых фенологических фаз, динамики роста побегов, сахаронакопления и урожайности в зависимости от экспозиции склона [11].

Исходя из этого, кроме климатических показателей (осадки, суммарная температура), почвенных факторов (микроэлементы) и морфометрических показателей, качество вина зависит от умения виноградаря вырастить виноград в непредсказуемых погодных условиях (напомним, что Крым относится к зоне рискованного земледелия), но и от мастерства винодела: приготовить из винограда качественный неповторимый продукт — вино.

Как известно, состояние здоровья и процесс старения во многом зависит от избытка в организме свободных радикалов (атом или группа атомов, которые имеют непарные электроны). Свободные радикалы способны разрушать ДНК и РНК, что может привести к мутации клеток и возникновению серьезных заболеваний в организме человека (онкология, сердечнососудистые заболевания, неврозы, гипертония и др.) [1].

Причины возникновения свободных радикалов различны: радиационное облучение, применение лекарственных средств, вредные привычки (курение), плохая экология, выхлопные газы, ультрафиолетовое излучение, неправильное жирное питание и стресс.

Износ организма человека и старение — вот главные последствия взаимодействия свободных радикалов и здоровых клеток.

Основное оружие, воздействующее на свободные радикалы — антиоксиданты. Таким образом, содержащиеся в вине проантоцианидолы (витамины Е и С) являются мощным антиоксидантом, способствующим блокировать вредное действие свободных радикалов [1].

В настоящее время классификация вин масштабна и более точное определение вин утверждено ФЗ № 171. Однако напомним, что вина бывают тихие, столовые, купажные, крепленые, крепкие, десертные, ликерные, игристые. По возрасту — ординарные, марочные, коллекционные.

Каждое вино соответствует определенному блюду (рыба, мясо, фрукты, десерт, сыр, морепродукты и проч.) Вино может как улучшить вкусовое восприятие приготовленного блюда, так и помешать его превосходному вкушению.

Привитие взрослому населению правильного подхода в употреблении вина не в качестве алкоголя, а в качестве «гастрономического наслаждения» и в целях оздоровления — главная задача виноградарей и виноделов Республики Крым и виноградовинодельческого общества Российской Федерации.

Борьба с пивным и водочным алкоголизмом, вытеснение его из постоянного потребления молодежью, прививка молодежи (до 35 лет) к культурному винопитию — один из этапов улучшения и развития современного общества.

Литература

1. *Владимиров Ю. А.* Свободные радикалы в биологических системах // Соросовский образовательный журнал. — Том 6. — №12. — Российский государственный медицинский университет, Москва, 2000.
2. *Дубовин И.* Все о спиртных напитках [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://eda.wikireading.ru/82610>.
3. *Иванченко В. И.* История виноградарства. Курс лекций / В. И. Иванченко. — АБиП КФУ им. В. И. Вернадского, 2017.
4. *Иванченко В. И.* Международное виноградарство. Курс лекций / В. И. Иванченко. — АБиП КФУ им. В. И. Вернадского, 2016.
5. *Косюра В. Т.* Основы виноделия. Учебное пособие для ВУЗов / В. Т. Косюра, Л. В. Донченко, В. Д. Надыкта. — Москва, 2018.
6. *Мединский В.* О русском пьянстве, лени и жестокости / В. Мединский. — 2006. — 272 с.
7. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федер. закон от 22. 11. 1995 № 171-ФЗ. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/.
8. О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 30. 12. 2009 № 2128-р. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96236/.
9. Статистический бюллетень Росстата «Заболеемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами» / Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population.
10. Статистический бюллетень Росстата «Численность населения» / Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.
11. *Угарова (Булава) А. Н.* Влияние морфометрических показателей местности на агробиологические показатели Муската белого в условиях ЮБК: выпускная работаю. — АБиП КФУ им. В. И. Вернадского, 2016.

УДК 1:821. 111

**ЭТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
ПОСТМОДЕРНИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ
ETHICAL CHALLENGE
OF POSTMODERNISM IN LITERATURE**

Глухенькая Л. Н., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Gluhenka L. N., post-graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса трансформации этики в литературе постмодернизма на материале поэзии поэта-лауреата К. Э. Даффи. В статье рассматривается отображение этического релятивизма на примере концептуальных ориентиров (абсолютное — относительное, идеальное — материальное, добро — зло, общее — частное, мужское — женское) в творчестве К. Э. Даффи, одной из ведущих фигур национально-литературно-поэтического процесса в Великобритании.

Annotation. In the article one analyzes the transformation of ethics in the postmodern literature with the focus on the poetry by poet-laureate C. A. Duffy. The article discusses the reflection of the ethical relativity on the example of conceptual guidelines (absolute — relative, ideal — material, good — evil, general — local, male — female) in the poetry by C. A. Duffy, one of the leading figures of the national literary poetic process in the UK.

Ключевые слова: постмодернизм, поэзия, К. Э. Даффи, эпистемологическая неуверенность, этический релятивизм, метанарративы, частное, материальное.

Keywords: postmodernism, poetry, C. A. Duffy, epistemological uncertainty, ethical relativity, metanarratives, local, material.

Мир модерна был миром четких художественных границ, мир постмодерна — мир смешения, скрещивания и гибридов. Теперь не стало ни гениев, ни школ, которые бы их взрастили. Искусство и литература постмодернизма представляет собой реакцию и рефлексию на кризис идей модернизма и изменения в жизни современного общества в эпоху постмодерна.

Актуальность исследования представляет необходимость изучения процесса трансформации этики в рамках постмодернистского дискурса на примере поэзии малоисследованной популярной британской поэтессы, поэта-лауреата К. Э. Даффи.

Научную проблему представляет вопрос этического релятивизма в литературе постмодернизма.

Научная новизна заключается в том, что в работе впервые осуществлен анализ поэзии К. Э. Даффи в ключе философии постмодернизма и обоснованы положения этического релятивизма.

Цель работы — рассмотреть отображение этического релятивизма в творчестве поэта-лауреата К. Э. Даффи. Для решения поставленной цели следует решить следующие задачи:

1. Рассмотреть, что собой представляет этика эпохи постмодерна.
2. Обозначить, какие темы поднимает, и какие идеи затрагивает К. Э. Даффи в своей поэзии.
3. Определить принципы трансформации этики на примере концептуальных ориентиров (бинарных оппозиций: абсолютное — относительное, идеальное — материальное, общее — частное, мужское — женское), отображающих сознание общества.

Для решения поставленных задач в данной работе используются следующие методы: культурно-исторический, текстологический и герменевтический, интертекстуальный метод и метод символической интерпретации.

Осмысленное происхождение постмодернизма, благодаря трудам таких теоретиков и практиков постмодернизма, как *Ж. Деррида* [3], *Ж. Бодрийяр* [2], *Ж.-Ф. Лиотар* [5, 12], *Ж. Делёз и Ф. Гваттари* [4], *Р. Барт* [1], *Ф. Джеймисон* [11], *Д. Фоккема* [10] и др., становится ясным, что его корни лежат в идее отрицания рационализма и утверждении метафизического, эпистемологического и этического релятивизма.

За основу в постмодернистской этике и эстетике как системе взглядов на искусство взят термин эпистемологической неуверенности. «Истина условна», [6], формулирует один из главных концептов *Питер Бэрри* в труде «Теория начала: введение в теорию культуры и литературы». Именно поэтому культура постмодернизма — это культура сомнений во всех «позитивных» истинах. Постмодернизм представляет собой отказ от построения «тотальных теорий» [7, с. 12], «недоверие к метанарративам» [12, с. 24], «критику дискурсивной потребности западных теорий в достоверности и абсолюте» [13, с. 275]. Как следствие, на первый план выходит деструктивное, интеллектуально-игровое, эвристическое, рефлексивное при минимуме конструктивного, смыслообразующего, этического, эстетического.

Искусство в мире модерна — образ реальности. В современную эпоху искусством стало называться все, а его растрепанность превратила читателя, слушателя и зрителя в потребителя образов: «Все прекрасное сегодня искусственно» [11, с. 135], и, в продолжение, все

общее — частное, абсолютное — относительное, идеальное — материальное, добро и зло, мужское и женское — взаимозаменяемы.

В литературе постмодернизма авторы взяли себе за правило неустанно критиковать традицию, проводить эксперименты на жанровом уровне, стирая традиционные грани. При этом, культура стала восприниматься как система стереотипов и кодов, литература — как система текстов, состоящих из лингвистических элементов, и языковой игры с ними. Текст потерял свою прежнюю стабильность «в силу ризоматической организации, он не стабилен и в означивании, так как произошла катастрофа смысла, наступила эпоха заката метарассказов (Идей Прогресса, Разума, Гуманизма)» [5, с. 63].

Поэзия постмодернизма конца XX — начала XXI вв. в Великобритании представлена именами Д. Паттерсона, Дж. Х. Прюнна, Э. Освальд, Б. Шонесси, К. Миллер, К. Э. Даффи. Эти поэты активно воплощают в своем творчестве постмодернистскую поэтику, экспериментируют с жанрами, устанавливают диалог с читателем и переосмысливают прошлое.

Творчество К. Э. Даффи развивается в духе времени. В поэзии отсутствует иерархическая структура, большое внимание уделяется графическим средствам выразительности и стилизации, автор обращается к античным мифам, притчам из Библии, литературным произведениям других авторов, известным историческим событиям и т. д. с позиций условности истины и эпистемологической неуверенности.

Абсолютное и относительное

В эпоху постмодерна толкование Библии приобрело контекстуальную природу. Библия реинтерпретируется. Бог не воспринимается как Абсолют, Бог изменчив, теперь это «относительный персонаж».

В творчестве К. Э. Даффи находим стихотворение *Pilate's Wife* («Жена Пилата»), сюжет которого поэтесса заимствовала из первой книги Нового Завета (Евангелие от Матфея, глава 27), где речь идет о суде Понтия Пилата над Христом. Отмечается не только аллюзия на библейский сюжет, но и реинтерпретация метанарратива в женском ключе.

Лирической героиней произведения выступает жена Пилата, которая уличает мужа в отсутствии мужества и твердости характера. Руки мужа напоминают ей женские изнеженные руки: «The crowd was baying for Barabbas. Pilate saw me, / looked away, then carefully turned up his sleeves/ and slowly washed his useless, perfumed hands» [9, с. 18]. Напротив, руки Христа кажутся женщине сильными и натруженными. Даффи переводит ощущения своей героини в более привычную для женщины плоскость: «and there he was. His face? Ugly. Talented. /

He looked at me. I mean he looked at me. My God. / His eyes were eyes to die for... Was he God? Of course not. Pilate believed he was» [9, с. 18].

С точки зрения женщины, перед нами предстает человек, а не Бог, более того, мужчина, который привлекает женщину вовсе не своей божественной природой, а своим мужеством и незаурядностью.

Внимание в переработанном библейском сюжете обращается на человеческую природу Христа, Пилата и его жены. Так, супруга Пилата примыкает к экстатической толпе народа и, увидев Иисуса, влюбляется в него, грезит о нем. На данном примере мы видим, как Евангелие превращается в контекст(ы) для «личных историй» (ср. «Мастер и Маргарита» в отечественной культуре). Следовательно, нельзя всецело доверять унаследованным метанарративам прошлого, поскольку они не абсолютны и эффективны, а относительны и контекстуальны.

Добро и зло. Идеальное и материальное

В творчестве К. Э. Даффи особое внимание привлекает стихотворение *Standing Female Nude* («Стоя обнаженной») из одноименного сборника. Перед нами монолог женщины, которая подрабатывает натурщицей у известного художника: «I shall be represented analytically and hung/ in great museums. The bourgeoisie will coo/ at such an image of a river-whore. They call it Art» [8, с. 19].

Женщина изображена как особа легкого поведения, путь которой на виселицу в наказании за греховную жизнь, так как порок осуждается как нечто, оторванное от ценностных ориентиров, поскольку он направлен на отказ от нравственных норм поведения. С другой стороны, речь идет вовсе не о наказании порока, а об искусстве, которое, изображая порок, тоже порочно. Происходит коммерциализация культуры: картина не изображает идеальную действительность, она изображает то, что материально, то, что есть и то, что можно трактовать.

Красной линией в стихотворении проходит антитеза идеального (искусство в эпоху модерна) и материального (анти-искусство в эпоху постмодерна). «They call it Art» — констатирует автор, пусть и не без сожаления, что в эпоху постмодерна ознаменовано утверждение главенствующего положения материального.

Во главу угла ставятся различия, многообразие и фрагментация, которая может быть множественно реинтерпретирована.

Общее — частное

В название и сюжет стихотворения *Selling Manhattan* («Продажа Манхэттена») из одноименного сборника легло историческое событие, именуемое «продажей Манхэттена». Как известно, переселенцы

из Амстердама выкупили у местных индейцев остров Манхэттен за горсть бижутерии.

Эпиграфом становятся слова белого человека, подчеркнуто жестокости и безразличные: «*All yours, Injun, twenty-four bucks' worth of glass beads, / gaudy cloth. I got myself a bargain. I brandish fire-arms and fire-water. Praise the Lord. / Now get your red ass out of here*» [8, с. 49].

В центре стихотворения внутренний монолог обманутого индейца. Его слова полны боли и отчуждения: «*But today I hear again and plainly see. Wherever/ you have touched the earth, the earth is sore*» [8, с. 49].

Один единственный человек воплощает в себе проблему доктрины открытия, дающей право завоевателям занимать земли коренного населения. История человечества в эпоху постмодерна тяготеет не к самим событиям, а к персоналиям. При этом, в отличие от модернизма, человек представляется не как венец создания, движимый Разумом и идеями Гуманизма, а как духовно обнищавший, утративший нравственные законы и гуманистические ценности.

Следовательно, акцент делается на частном и локальном. Более того, внимание на себя обращает социально-политический дискурс, который по природе своей всегда метанарративен. Тем не менее, он представляется как неотъемлемая часть личного пространства, что ознаменует появление его трактовок.

Мужское и женское

От лица героини Красной Шапочки из стихотворения *Little Red-Cap* («Красная Шапочка»), автор выдвигает феминистическую идею о недопустимости гендерного превосходства мужчин над женщинами.

Сказочный женский образ (Красная Шапочка) у Даффи играет ведущую роль, приобретает мужские черты характера, расправляется над волком-обидчиком: «*I took an axe/ To a willow to see how it wept. I took an axe to a salmon/ To see how it leapt. I took an axe to the wolf/ As he slept*» [9, с. 3].

Автор пересматривает традиционные архетипы, опровергая всякую неизменность, связность, «прозрачность», бинарность. Это вытекает из того, что происходит отказ от ценностных ориентиров, которые дают понять, что есть противоположность, оппозиция (напр., противоположность полов), что есть верно, а что пагубно.

Результаты. В заключение стоит отметить, что у постмодернистов познание не имеет универсального, объективного и надежного основания. Появляются понятия эстетического и этического релятивизма, что можно наблюдать на примере литературы через реинтерпретацию метанарративов. Рассмотрев отображение этического

релятивизма в тематике и идейной подоплеке творчества поэта-лауреата К. Э. Даффи на примере соотношения концептуальных ориентиров (абсолютное — относительное, идеальное — материальное, добро — зло, общее — частное, мужское — женское), отображающих сознание общества, показано, что исследование представляется актуальным, поскольку определены принципы трансформации этики:

1. Принцип ориентированности на контекстуальность. Метанарративам прошлого нельзя доверять, так как они относительны и контекстуальны. Нужно заново реинтерпретировать, т. е. поместить в новый контекст, все, что было раньше (напр., реинтерпретация Нового Завета в стихотворении К. Э. Даффи «Жена Пилата»).

2. Принцип фрагментарности. Во главе угла философии постмодернизма различия и многообразие. Идеальное перестало быть главенствующим в культуре. Его место заняло материальное путем создания многообразия копий, версий, трактовок, что отвечает на запрос коммерциализации культуры (напр., порочное искусство в стихотворении К. Э. Даффи «Стоя обнаженной»).

3. Принцип частного. На первый план всегда выносятся не общее, а частное — личный, чаще всего негативный опыт человека в силу его несостоятельности, мелочности и ангажированности (напр., в образе первооткрывателя лежит идея обличения духовного обнищания человечества в стихотворении К. Э. Даффи «Продажа Манхэттена»).

4. Принцип отрицания неизменности и связности. Стирание границ, заданных бинарными оппозициями. Традиционные архетипы «не работают», поскольку размывается само понятие противоположностей, на которых исторически был построен мировой порядок (напр., смена ролей в стихотворении К. Э. Даффи «Красная Шапочка», где гегемонную силу представляет женщина, а не мужчина).

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.
3. *Деррида Ж.* Письмо к японскому другу // Вопросы философии. — № 4. — С. 53-57.
4. *Делез Ж.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория, 2008. — 672 с.

5. *Лиотар Ж. Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — С. 322-332.
6. *Barry P.* Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory / P. Barry. — 2nd ed. — Manchester, 2002.
7. Postmodernism and Society / ed. by R. Boyne, A Rattansi. — L.: Macmillan, 1990.
8. *Duffy C. A.* New Selected Poems: 1984-2004 / C. A. Duffy. — London: Picador, 2004. — 253 p.
9. *Duffy C. A.* The World's Wife / C. A. Duffy. — London: MacMillan General Books, 2000. — 96 p.
10. *Fokkema D.* Literary history, modernism and postmodernism / D. Fokkema. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. — 63 p.
11. *Jameson F.* The Cultural Turn / F. Jameson. — London & New York: Verso, 1998.
12. *Lyotard J.-F.* The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / J.-F. Lyotard. — Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. — 1984.
13. *Sholle D.* Authority on the Left: Critical Pedagogy, Postmodernism and Vital Strategies // Cultural Studies, 1992. — Vol. 6. — No. 2. — P. 271–289.

УДК 130.2

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: МЕТАФОРА ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС?

THE DIALOGUE OF CULTURES: A METAPHOR OR A REAL PROCESS?

Заднипрный М. В., аспирант кафедры культурологии
Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского
Zadnipyrianyi M. V., postgraduate student
of the Department of Culture Studies, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Данная статья представляет собой краткий анализ понятия «диалог культур» как метафоры, ставшей теоретическим концептом, отражающим реальные процессы межкультурной коммуникации. Выделяются условия, проблемы и необходимость функционирования диалога культур, основанные на теоретических работах М. Бахтина, В. Библиера, М. Кагана, Ю. Солонина и других исследователей. Показывается важность процесса диалога культур в эпоху глобализации.

Annotation. This article presents a brief analysis of the concept of “dialogue of cultures” as a metaphor, which has become a theoretical concept that reflects the real

processes of intercultural communication. Conditions and problems of functioning of dialogue of cultures based on theoretical works of M. Bakhtin, V. Bibler, M. Kagan, Y. Solonin and others researchers are highlighted. The importance of the dialogue of cultures’ process in the era of globalization is shown.

Ключевые слова: диалог, диалог культур, межкультурная коммуникация, метафора.

Keywords: dialogue, dialogue of cultures, intercultural communication, metaphor.

Актуальность исследования обусловлена особенностями современной эпохи глобализации, которые заключаются в пересмотре социокультурной парадигмы, а также в поиске новых конструктивных идей развития межкультурных коммуникаций.

Научная проблема — в условиях глобализационных процессов и ассимиляции культур существенно обострилась проблема сохранения культурного многообразия и самобытности, в связи с чем возникает необходимость диалога культур как наиболее предпочтительной и конструктивной формы межкультурных коммуникаций, приводящей к взаимообогащению культур.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе проблемы диалога и метафоры «диалог культур» в работах ведущих исследователей XX века (М. Бахтин, В. Библиер, М. Каган, Ю. Солонин и др.), а также современных исследователей (О. Астафьева, Л. Мешкова, А. Матевосян и др.).

Цель исследования — провести анализ процесса диалога культур в условиях глобализации и активных кросс-культурных контактов.

Задачи: изучить трансформацию значения понятия «диалог»; изучить понятие «диалог культур» в работах ведущих теоретиков; выделить особенности процесса диалога культур в условиях глобализации.

Научный метод: в данном научном исследовании применены аналитический, компаративистский, исторический методы. Методологической основой являются концепции М. Бахтина, М. Кагана, Ю. Солонина и др.

В XX веке в условиях активно нарастающих и всеохватывающих процессах глобализации содержание изначально лингвистического понятия «диалог» значительно трансформировалось. Обогащая новыми смыслами, содержание трансформировалось «от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных культур, разных систем ценностей, разных идейных позиций» [3, с. 235]. Понятие «диалог» стало активно использоваться в различных гуманитарных научных дисциплинах, в частности, в философии, культурологии, социологии, пси-

хологии, политологии, филологии, педагогике и т. д. В современной науке трактовка понятия «диалог» многозначна и зависит от сферы применения, что подчеркивает многоаспектность данного феномена. Кроме этого, понятие «диалог» заняло важное место в социальной жизни общества и вошло в политическую и социальную лексику в качестве обозначения реальных форм межличностных, межэтнических, межгосударственных и межкультурных коммуникаций. Например, метафора «диалог культур».

Как и понятие «диалог», метафора «диалог культур» активно используется в современной науке и преобразовалась в научно-теоретическое понятие. Богатая ценностно-смысловая наполненность понятий «диалог культур» и «межкультурный диалог» позволяет активно использовать их в научной, политической и социальной лексике в разных контекстах.

О. Астафьева на основе анализа научных работ предлагает рассматривать понятие «межкультурный диалог» как социокультурный процесс, тип социокультурной практики взаимодействия людей, форму взаимоотношения между людьми, социальный институт, стратегию культурной политики, категорию научного анализа и научно-теоретический концепт [1, с. 122-123].

Среди отечественных ученых первые попытки поставить проблему диалога культур как самостоятельную общегуманитарную проблему принадлежат М. Бахтину. Разработанные им положения были расширены такими учеными как В. Библер, Ю. Лотман, Л. Выготский, М. Каган, Ю. Солонин и т. д. Среди зарубежных авторов, исследовавших проблемы диалога культур, следует отметить М. Бубера, Э. Кассирера, Л. Фейербаха, и др. Именно благодаря работам вышеуказанных и других ученых XX века сложилось понятие диалогичной концепции культуры, что дает нам возможность обратиться к метафоре диалога для анализа процессов межкультурных коммуникаций. Как считает Л. Мешкова, «диалоговая природа каждой отдельной культуры предписывает необходимость диалога и между ними. Именно через такое взаимодействие культура проясняет саму себя» [4, с. 82].

Диалог как форма общения подразумевает не только взаимный обмен и передачу информации, но и особый тип отношений между субъектами, осуществляющими диалог. Также следует отметить, что «диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимную дополнительность

позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога» [2, с. 150]. Субъектами диалога могут выступать не только личности, но и разные возрастные и социальные группы, этносы, конфессии, государства, культуры, цивилизации и т. д.

Вследствие уникальности каждого из участников диалога и их равенства диалог культур стал рассматриваться как одно из наиболее результативных средств развития не только межличностных, но и межэтнических, межконфессиональных, межкультурных отношений. Кроме этого, при осуществлении диалога обмен культурными ценностями сопровождается сохранением культурного разнообразия с низкой вероятностью возникновения разногласий и конфликтов. Постановка проблемы «диалога культур» важна и тем, что она подчеркивает важность сохранения многообразного культурного наследия в процессе современных глобализационных процессов, сопровождающихся ассимиляцией, интеграцией и вестернизацией культуры.

В XXI веке феномен диалога культур стал еще более распространенным в связи с развитием сети Интернет и других современных средств коммуникации. Благодаря новым технологиям и открытости информационного пространства «культуры взаимодействуют независимо и даже вопреки территориальным пространствам и границам» [4, с. 82], диалог культур стал повседневным явлением.

Мировая культура на современном этапе развития представляет собой множество неразрывно связанных уникальных и самобытных культурных образований, взаимодействующих между собой. По мнению Ю. Солониной, все культурные образования «...должны находиться в мирном, вдумчивом диалоге; вступая в контакт, непременно прислушиваться к «собеседнику», откликаться на его нужды и запросы» [5, с. 173]. В мировой и отечественной истории есть множество примеров диалога культур. Например, Ю. Лотман приводил такие примеры, как влияние византийской культуры на русскую культуру в период и после крещения Руси, влияние культуры Западной Европы на русскую, начиная со времен реформ Петра I.

Одним из ярких примеров диалога культур в XX веке можно считать диалог культур между Россией и Китаем. В первой половине и середине XX века отечественная культура оказала значительное влияние на китайскую культуру, в частности на китайское изобразительное искусство. Педагогическая деятельность русских художников-эмигрантов, таких как М. Кичигин, М. Лобанов, А. Клементьев и др. существенно повлияла на формирования художественного стиля их китайских учеников. Китайские художники начали опираться на традиции реалистичной живописи, что привело к передаче образов и пространства в соответствии с традициями русского изобразительно-

го искусства. Кроме этого, китайские художники начали приобщаться к технике масляной живописи.

Отдельно следует отметить творчество Гао Мана — ученика А. Клементаева. Гао Ман в своих работах синтезировал технику го-хуа (тушевая проработка лиц и фигур, каллиграфия, техника печатного штампа) с акварельной живописной передачей художественного образа и пространства, характерной для русских мастеров [6, с. 50]. Подобный синтез различных художественных техник и интертекстуальность в работах китайских художников демонстрируют диалог культур, при котором одна культура обогащается за счет элементов другой культуры, при этом сохраняя свою самобытность.

Резюмируя вышеизложенный материал, необходимо отметить следующее. Во-первых, на фоне всеохватывающих кросс-культурных контактов метафора «диалог культур» стала активно использоваться в современной науке и преобразовалась в теоретический концепт, отражающий реальные процессы. Благодаря богатой ценностно-смысловой наполненности, понятие «диалог культур» активно используется в научной, политической и социальной лексике в разных контекстах. Во-вторых, необходимо отметить, что диалог культур является наиболее конструктивной формой межкультурной коммуникации, так как диалог строится на субъект-субъектных отношениях и подчеркивает уникальность каждого субъекта и их принципиальное равенство друг другу. В мировой и отечественной истории есть множество примеров культурных взаимоотношений подобного рода. В-третьих, в условиях всеохватывающей глобализации, развития сети Интернет и других современных средств коммуникации, межкультурные контакты стали повседневным явлением. Сопровождающая их ассимиляция, интеграция и вестернизация культур приводит к утрате культурного многообразия, в связи с чем подчеркивается важность диалога культур, поскольку только при диалоге культуры взаимообогащают и взаимодополняют друг друга, при этом сохраняя свою самобытность.

Литература

1. *Астафьева О. Н.* Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: Материалы международной конференции. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 120 — 137.
2. *Каган М. С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. — М.: Политиздат, 1988. — 319 с.
3. *Матевосян А. Ж.* Диалог культур как теоретическая проблема современной культурологии // Вестник Костромского государственного

университета им. Н. А. Некрасова том 15 №1: сб. науч. ст. — Кострома: КГУ, 2009. — С. 235-239.

4. *Мешкова Л. Н.* Диалог культур — метафора, ставшая реальностью? // Вестник Пензенского отделения Российского философского общества №3: сб. науч. ст. — М.: РФО, Пенза: ПГУ, 2013. — С. 80-89.
5. *Солонин Ю. Н.* Культурология / Ю. Н. Солонин. — М.: Высшее образование, 2007. — 566 с.
6. *Чэнь Синь.* Диалог культур через творчество: живопись китайских мастеров — учеников русских художников-эмигрантов в Китае в XX веке. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств — 2017. — №41. — С. 45-52.

УДК 130. 2(1-11) + (1-15)

НИКОЛАЙ РЕРИХ: ФЕНОМЕН СИНТЕЗА МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

NICHOLAS ROERICH: PHENOMENA OF SYNTHESIS BETWEEN THE WEST AND THE EAST

Кравченко Н. Р., Соискатель кафедры культурологии,
Таврической Академии (СП)
КФУ им. В. И. Вернадского.

Kravchenko N. R., Applicant at the Department
of Culturology, Tavrida Academy(AU)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация. Рерих был одним из первооткрывателей древней культуры Востока, его имя стоит в одном ряду с такими выдающимися учеными как профессора Ольденбург и Щербатский, востоковедами Голубевым, Цыбиковым и Востриковым. Погружаясь в культуру Востока, изучая ее философские традиции и культурно-исторические взаимосвязи, Рерих сформировал свою философию жизни. К началу 20-х годов прошлого столетия он создает универсальную систему этических и эстетических постулатов, которые становятся основанием для его философии творчества и которую он успешно применяет не только в России, Европе и Америке, но и в странах Востока.

Его практическая философия «Живой Этики» строится на общечеловеческих нравственных и культурных ценностях заложенных в религиозных и литературно-философских памятниках человечества. Основанная на принципах синтеза, взаимоуважения и творческого созидания, она выразилась в международном культурно-гуманитарном движении «Знамя Мира», Пакте по охране художественных и исторических памятников и создании институтов, объединений, ассоциаций и музеев под эгидой международно-го культурного сотрудничества.

Annotation. Roerich was one of the pioneers of the ancient culture of the East, his name is on a par with such outstanding scientists as Professor Oldenburg and Scherbatsky, Orientalists Golubev, Tsybikov and Vostrikov. Plunging into the culture of the East, studying its philosophical traditions and cultural and historical relationships Roerich formed his philosophy of life. By the early 20th of the last century, he creates a universal system of ethical and aesthetic postulates that become the basis for his philosophy of creativity and which he successfully applies not only in Russia, Europe and America, but also in the East.

His practical philosophy of «Living Ethics» is based on the universal moral and cultural values inherent in the religious, literary and philosophical monuments of mankind. Based on the principles of synthesis, mutual respect and creative creation, it was expressed in the international cultural and humanitarian movement «Banner of Peace», the Pact for the protection of artistic and historical monuments and the creation of institutions, associations and museums under the auspices of international cultural cooperation.

Ключевые слова: философия, культурология, символизм, мифология, эстетика, аллегория.

Keywords: philosophy, cultural studies, symbolism, mythology, aesthetics, allegory.

In the history of Russian and European art in the first part of 20-th century the phenomena of Nicholas Roerich stands out as something unique and outstanding. His contemporaries often compared him to a Renaissance man because of the broad spectrum of his artistic and scientific activities, as well as for the universality of his ideas. Although, the name of Roerich was associated first of all, with his evocative images of ancient Russia and his mesmerizing stage settings for S. Diaghilev's Ballet Russes in Paris and London, nevertheless the versatility of his interests expanded to other fields of human knowledge such as history, archaeology, literature, religion, philosophy and education.

At the outbreak of the First World War, N. Roerich appealed to Russian tsar, Nicholas II, with a proposal to create an international convention for the protection of cultural monuments and objects of art during military conflicts, which later become known as 'Roerich Pact'(1935). At this time of political turmoil and social unrest, the spectrum of his practical philosophy extended to the victims of the war, soldiers and officers who became disabled in the time of battles and military actions: in association with the philanthropic Society of St. Eugenia, artist organized distribution and sale of postcards illustrating his paintings and art works from the collections of Museums and Galleries. All proceeds from the sale were donated to the war's victims.

As the director of "The Imperial Society for the Encouragement of Arts", Roerich created opportunity for the talented students from low

income families and orphans to be enrolled in free education. Heading this institution from 1906-till 1917,

Roerich completely re-organized its program and activity making Society one of the largest and most popular public art schools of that time in St. Petersburg.

Despite early tensions with the group, N. Roerich became a member society and, then a President of a new art movement known as "Mir Iskusstva" (*World of Art*).

One of the first, Roerich paid special attention to the art of Russian Icon painting and started to write numerous article on Russian icons and importance of preservation of this gradually disappearing art form. He also made arrangements to start first icon workshop and icon painting in his well-known Society.

Despite skepticism and pragmatism of his contemporaries, Roerich believed in transforming and uplifting power of art and spiritual awareness, to the famous quotation of F. Dostoevsky he would add that — "Realization of Beauty will save the world". The credo of his philosophy was formulated in a few lines:

"Art will unify all humanity. Art is one—indivisible. Art has its many branches, yet all are one. Art is the manifestation of the coming synthesis; art is for all. Everyone will enjoy true art. The gates of the 'sacred source' must be wide open for everybody, and the light of art will influence numerous hearts with a new love. At first this feeling will be unconscious, but after all it will purify human consciousness, and how many young hearts are searching for something real and beautiful! So give it to them. Bring art to the people—where it belongs. We should have not only museums, theaters, universities, public libraries, railway stations and hospitals, but even prisons decorated and beautified. Then we shall have no more prisons."

Named by one his biographers as 'Apostle of Culture', in the first part of the 20 century, Nicholas Roerich laid down a foundation to several international institutions like *Cor Ardens* and *Corona Mundi*, both of which were meant to unite artists around the globe in the cause of civic activism; the Master Institute of United Arts, an art school with an exceptionally versatile curriculum and activities, which was situated at the first personal museum of the artist — Nicholas Roerich museum in New York.

In 1929 Nicholas Roerich was nominated for the Nobel Peace prize by the University of Paris. He received two more nominations in 1932 and 1935. His concern for peace resulted in his creation of the *Pax Cultura*, the «Red Cross» of art and culture. His work for this cause also resulted in the United States and the twenty other nations of the Pan-American Union signing the Roerich Pact on April 15, 1935 at the White House. The Roerich Pact is an early international instrument protecting cultural property.

As an explorer and scientist he carried out extensive archaeological research and excavations in Russia and later organized a five years long scientific expedition (1924-1928) throughout Central Asia, China, Siberia, Mongolia, Tibet and Northern India. As a result of these explorations the Himalayan Research Institute was established in 1928, at the slopes of Himalayas, in the northern India.

As many of his great contemporaries Nicholas Roerich was deeply influenced by the philosophical and religious thought of the East. Indian motifs appeared in his writings and art works since 1905, initially as part of preparatory studies for the play in theatre — painting *Devassari Abuntu with birds*, and soon developed in original story-parable with elements of folk narrative.

Since 1909 artist was associated with construction of the first Buddhist temple in the Russian capital and along with Agavan Dorjiev, Prof. F. Scherbatsky took active part in this project. The stained glass windows with Buddhist symbols were commissioned from the artist. Elements of early Buddhist art had also been used by N. Roerich in other works painted before his travel to India, for example in painting *Song of Waterfall* (1920) from his series *Dreams of East* and showed artist's fascination with Ajanta cave art as well as his association with Indologist Golubev, expert on this topic.

The large panorama of artist's paintings from his early period in India demonstrate his remarkable awareness of Buddhist symbolism, organic and balanced usage of its complex imagery. Any European artist who used to visit these distant places earlier had found oneself lost in the strange environment of esoteric symbols and signs, amidst mysterious 'idols' and rituals.

In that regard, known Indian art critic, K. Malik wrote: "Clearly Roerich is not a modern in the accepted sense. His paintings are charged with a religious intimacy. He, like some other painters of the 19th century, preferred 'barbarism' to high civilization, placing expression of the divine above the recognized conventional techniques. For this very reason it may understandably have been a bit difficult for many to appreciate his work, combining as it does the symbolisms of the east in often glaring colours." [10, p. 104-105]

One of the work's principles of N. Roerich was to look for parallels and unifying elements in different historical and cultural traditions, as one of his biographers had noticed: "He is for union rather than for separation, for he sees with the eye of the spirit as well as that of the body. Behind these forms and appearances which are the crystallizations of centuries and refer to the past rather than to the future, there is a world of Spirit" [4, p. 12]. As a master of visual arts and philosopher he discovered a new ways for interpretations signs and hieroglyphs of the past through the perspective of his time: "While knowing and recognizing the philosophical

foundations of Buddhism (artist) does not look down upon the forms of popular imagination as aberrations and corruptions, but with the profound instinct of the artist for reality which begins where philosophy ends in paradoxes, he intuitively felt their esoteric value.

Where others could see nothing but superstition, Roerich discovered beauty and through beauty he was able to approach the problems before him in the right spirit, until he was able to understand the significance of what first appeared merely strange in its outer form. Similarly, where others could see nothing but bleak, and inhospitable mountains or at the best 'strange geological formations' the Artist felt the great rhythm of life, a gigantic creative movement in them a true symbol of the creative spirit through which alone art is possible" [8, p. 247].

The concept of the sacred mountain landscape had evolved in the first series of Roerich's paintings — *The Banners of East* painted between 1924-1925 where the great heroes of the past, Buddhist, Islamic and Christian saints and prophets — symbolically named as 'banners' were depicted against ever changing Himalayan ranges. Despite the fact that all of them were portrayed as ordinary pilgrims, *sadhu* or travelers outside their iconic holy refuge, they are recognized through their canonical attributes and symbols.

In monochrome blue tone is depicted founder of Gelugpa Sect, invincible *Tsongkhapa* (1924) who meditates upon stone chair against impressive view of snow peaks.

In accordance with artistic traditions of these regions, is shown another popular character of Tibetan epic, the hermit-poet of 11-th century, Milarepa listening at the dawn the voices of devas. The half-naked body with piece of cloth across his shoulder, is slightly reclining to the side and his right hand is raised near the ear as if he is perceiving invisible message. This depiction of the saint is often seen upon a wall murals, in bronze and clay statues in Buddhist shrines of Tibet and Northern India.

The figure of Tibetan lama soaring in the sky with white scarf, is seen in another artist's painting — *Higher than Mountains*, just as *apsaras* and celestial divinity depicted in masterpieces of Indian art.

The figure of Tibetan lama soaring in the sky with white scarf, is seen in another artist's painting — *Higher than Mountains*, just as *apsaras* and celestial divinity depicted in masterpieces of Indian art.

If in these paintings artist portrays his heroes within representational genre of landscape painting, then in another group of works from this period Roerich deliberately had chosen flowing lines and forms typical for Tibetan art.

In saturated theatrical colors artist reproducing conversation between Guru Padmasabhava and Spirit of Mountain, here stylized mountain

landscape is seen as background, withdrawing viewer's attention towards magical plot of the story.

In other painting *Dorje who dared to face Mahakala* (1925), artist continues stylization of Tibetan Buddhist art in combination with elements of the realistic landscape-painting.

Using the methods and technique of European Art School typical for the first half of 20-th century artist organically includes elements of Asian art, religious symbols and signs into mountain scenery thus, expanding the role and meaning of landscape painting. A Tibetan saint Dorje is shown here during mysterious ceremony: using his magic knife (*phurpa*) and bell, lama in daring ritual is attempting to evoke the mighty and frightening deity Mahakala, a wrathful protector of the Dharma.

A giant has three bulging eyes that represent all seeing of the three times, past present and future, his head is crowned with skulls and from wide opened mouth the sharp teeth and tongue are seen. The barren mountain landscape of Tibetan plateau is engulfed in the intense red tone as if it was showing the blazing light emanating from the face of a fierce deity, at the same time it creates an impression of reflecting the rays of a setting sun.

Another painting from this series is *Nagarjuna, the Conqueror of the Serpent* (1925) was also inspired by Himalayan artistic traditions and depicting one of the most important Buddhist philosophers (c. 150 — c. 250 CE) the founder of the Madhyamaka School of Mahayana Buddhism.

Nāgārjuna is credited with developing the philosophy of the Prajnaparamita sūtras and, according to various sources, he had revealed these scriptures in the world, by having recovered them from the *Nagas* (snake-people). In Buddhist art he is traditionally depicted in composite form comprising human and *naga* characteristic. Often the naga aspect forms a canopy crowning and shielding his human head.

Like in the previous painting, the artist portrays a very special event — a moment of revelation of great mystery, beholding of the Divinity — *darshan*, where mortal man perceives ultimate Reality in presence of higher Being.

Amidst blue and purple mountains, on the still surface of a mountain lake the giant multi-headed serpent — king of Nagas makes its appearance, ochre-golden coils of his body spread around the sharp pointed rock. In the foreground, on the stone slope motionless and composed figure of a monk wearing traditional hat and red robe is seen. He seems completely submerged into a deep meditation.

The theme of 'Divine apparition' is being traced in another artist's paintings from Buddhist series — *The Command of Rigden Djapo* (1933).

The subject of this painting deals with the concept widely spread amongst followers of the Mahayana School of Buddhism, belief in the sacred country Shambhala, from where further Messiah will start his march against forces of ignorance and chaos. The scene depicts the mighty ruler of the sacred kingdom — king Rigden Djapo (or Gyapo — Tibetan), occupying his rocky throne. His colossal figure is engulfed in red and golden orange flames with shining halo around his head — symbolizing his spiritual might. In his left hand king holds the wheel of law and his right is bending down in gesture of blessing and protection. Near the throne of Himalayan Lord are shown small figures of riders on the horses, while few of them still waiting to receive precious message, another ones have already galloping to bring His spiritual commands to the world.

If in the paintings from the *Banners of East* series artist incorporated religious imagery, symbols and signs characterizing these traditional cultures, then in some paintings from the next series *Maitreya* (1925) artist applied for direct stylization of Tibetan iconography using elements from *thangka*-banners.

Thus, in painting *Shambhala is Coming* (1925) is portrayed giant horse rider — the Lord of Shambhala, in medieval armor pursuing the enemies of Buddhism. The

The Great Warrior, *avatara* appearing across the sky, amidst clouds is signifying advent of New Age. Buddhist scholar Lama A. Govinda wrote in this regard: "Already now the eyes of Tibet are directed to the great Coming One."

All over the country we find "Signs of Maitreya" in the form of huge images of superhuman size; and almost every Tibetan temple possesses a symbolical picture of Shambhala, the future realm of Glory, in the form of a painted mandala (generally as a mural painting), representing the Eternal City, the Buddhist version of the Castle of the Holy Grail, which later here takes the form of the flaming jewel of the Dharmachakra (...)

One must be conscious of this mystic background if one wants fully to appreciate the spiritual message of a great number of Roerich's Tibetan paintings, just as for instance mediaeval Christian paintings, apart from their value as works of art, convey a special message to those who are familiar with cultural atmosphere of Christianity, while to those who know nothing about it they will never reveal their deepest meaning. ... In Roerich's art the distant past and the distant future become forces of the present, and if we look deep enough we shall discover that both merge into each other in the eternal cycle of universe" [8, p. 250].

Using method of adaptation of the Tibetan Art imagery — dynamical, fire-like lines in combination with sonorous traditional color scheme, complex symbolism and dramatic intensity of personages, N. Roerich, thus

deliberately showing the beauty and mystery of these remote places from within, transfers the spectator to the unknown world of Asia, immerses him into atmosphere of 'historical time and a place.

In beginning of five years long expedition across Himalayas and Inner Asia Roerich wrote:

"Of course, as an artist my main aspiration in Asia was towards artistic work, and it is even difficult to estimate how soon I can record all my artistic impressions and sketches—so generous are these gifts of Asia. No knowledge acquired in literature or in museums empowers one to express Asia or any other country, unless one has seen it with his own eyes and has made at least some notes and sketches at the sites themselves. Conviction, this magic and intangible property of creation, comes only in the continuous gathering of real conceptions. It is true, mountains everywhere are mountains, water everywhere is water, sky everywhere is sky, and men everywhere are men. But nevertheless, if seated before the Alps, you attempt to picture the Himalayas, something inexplicable but convincing will be lacking" [13, p. 5]. This intimate connection of the artist with the history of these remote regions, personal acquaintance with religious customs and cultural traditions, close study of the rocks and mountains of the inner Himalayas, gave his works that unique and convincing quality which characterizing the style of genuine master.

His innate sense of prehistoric and era of Stone Age allow him almost with scientific precision to document 'the roughness of an old weather-beaten wall, the peeling plaster of a "Chorten" (Stupa), the smoothness of boulders in a river, the sharp-cut forms of granite rocks, the softness of rolling hillocks, the rigid architectural formation of high mountains, the scintillating freshness of ice-covered

peaks and the supple plasticity of snow-fields" [8, p. 250]. Some of Roerich's paintings from *Himalayan* and *Sanctuaries and Citadels* series painted in Tibet appear as if carved out of rock.

Many of breathtaking landscapes of the artist also reflect his pantheistic vision of nature where abstract forms of nature are transformed into archaic giants or heroes — as it is depicted in his well-known work *Enchanted Realm* from collection of Government Museum and Art Gallery in Chandigarh, or turn into colossal images carved by the hand of ancient sculptors like *Great Spirit of the Himalayas* (1934) from New York Museum or powerfully manifested in immense cloud formations taking shapes of archer-like in painting *Ramayana* from Baroda Museum, and a horse rider in painting *Kalki Avatar* (1932) from Museum Bharat Kala Bhavan in Varanasi.

In conclusion, it is important to underline the role of Nicholas Roerich as a bright representative of the *Russian World (Russkiy Mir)* abroad. His legacy occupies a significant place in the modern history of India and left

indelible influence on the generations of Indian artists and intellectuals. Dr. Kalidas Nag characterized Roerich as "the first Russian ambassador of Art [13, p. 21]. The vast treasure trove of art that Nicholas Roerich left behind in the country was declared by the Indian Government as National Art heritage.

Collection of Nicholas Roerich in India is indeed one of the largest, ever created by a foreign artist and one of the most representative one, comprising of a few hundred paintings spread across country's museums, institutes and galleries.

Analysis of Roerich's writings and his philosophical essays in context of modern day suggests that his highly idealistic concepts, pan humanistic experiments and pacific ideas tested in the crucial time of dismantling of old political and social systems have relevance in present day. His exploration and understanding of Asia's world, knowledge and appreciation of ancient cultural traditions, beliefs and customs were pioneering one and represented a new kind of 'practical philosophy' which later found its expression in Eugeniy Primakov's concept on creation of geopolitical triangle between Russia, China and India, foundation of BRICS and resurrecting of ancient Silk Route, the major political, economical and cultural exchange channel between the West and the East.

Thus, plunging into the culture of the East, listening to the rhythm of the «heart of Asia» Roerich opens a huge epic, historical and cultural layer of the peoples inhabiting the high plateau of Tibet, the vastness of Gobi desert, snow-covered Himalayas and creates images personifying the arrival of a new era, uniting people on the basis of moral values and humanistic ideals.

Bibliography

1. *Antonov A.* Russian-Indian relations and 18 in the 17 centuries / A. Antonov. — Moscow: 1963. — 250 p.
2. *Belikof P. F.* Knyazeva V. P. Rerih / P. F. Belikov, V. P. Knyazeva. — Moskva: Molodaya Gvardiya, 1972. — 167 p.
3. *Bongard-Levin G. M.* Buddhist heritage of F. T. Shcherbatsky / G. M. Bongard-Levin. // *Indian Culture and Buddhism*. — Moscow: 1972. — P. 12-17.
4. *Conlan, B. D.* Nicholas Roerich: A Master of the Mountains / B. D. Conlan. — Allahabad: Leader Press, 1938. — 198 p.
5. *Cousins J. H.* Two great Theosophist painters: Jean Delville, Nicholas Roerich / J. H. Cousins. — Madras: Theosophical Publishing House, 1925. — 48 p.
6. *Decter, J.* Nicholas Roerich. The life and art of Russian Master / J. Decter. — Rochester: Inner Traditions International, 1989. — 203 p.
7. *Doshi, S.* The Royal Bequest. Art treasure of the Baroda Museum and Picture Gallery / S. Doshi. — Bombay: India Book House Ltd, 1995. — 221p.

8. Govinda A. "Art as a way of the future" / A. Govinda. // Maha Bodhi Society Journal, July, — n. 2484. 1940.-p. 242-247.
9. Malik K. "Nicholas Roerich: 'Brilliance and Barbarism'" / K. Malik.- London, Temenos, 1991. —244 p.
10. Nicholas Roerich. Memorial volume / Youth's Art and Culture Circle. — Bombay, 1948.-196 p.
11. Roerich N. Heart of Asia / N. Roerich.-Rochester: Inner Traditions International, 1990. —189 p.
12. Roerich N. The Invincible / N. Roerich.-New York: Nicholas Roerich Museum, 1974.-304 p.
13. Russian Indology), / G. S. Guseva. — Moscow: Soviet Ethnography, 1956.-65p.

УДК 008:7. 03

**СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО VS ВАНДАЛИЗМ:
ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ СТРИТ-АРТ И ПАБЛИК-АРТ)
CONTEMPORARY ART VS VANDALISM:
THE BOUNDARIES OF ALLOWABLE
(ON THE STREET ART & PUBLIC ART MATERIAL)**

Сефер К. Э., аспирант кафедры культурологии
Таврической академии Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского
Sefer K. E., postgraduate student, Department
of Cultural Science, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления вандализма в современном искусстве городского пространства в культурологическом аспекте. В исследовании анализируются различные типы актов вандализма на материале актуальных примеров российского стрит-арта и паблик-арта.

Annotation. The article examines the main peculiarities of vandalism within Contemporary Art from the viewpoint of the culturological approach. The current research analyzes different types of vandalism, using the example of contemporary Russian Street Art & Public Art as the material.

Ключевые слова: граффити, стрит-арт, паблик-арт, вандализм, современное искусство.

Keywords: graffiti, street art, public art, vandalism, contemporary art.

Актуальность темы исследования. В XXI в. вопрос об определении сущности и границ вандализма в пространстве современного искусства является одним из наиболее актуальных. Проблема исследуется в культурологическом аспекте в рамках различных контекстуальных арт-практик (граффити, стрит-арт и т. д.) для установления степени влияния антиправовых действий на современное искусство и культуру в целом.

Научная проблема исследования. Различные виды современного искусства рассматриваются как способы проявления вандализма, что затрудняет возможность объективного анализа их особенностей и значения в культуре XXI в. Наблюдается слияние понятий «вандализм», «граффити», «уличное искусство». Необходимо их разграничение, учитывая текущие события в области урбанизированного искусства.

Целью исследования является попытка установления границ между вандализмом и современным искусством в рамках актуальных арт-практик (стрит-арт, паблик-арт).

Задачи исследования:

- рассмотреть специфику и соотношение понятий «вандализм», «граффити», «стрит-арт» (уличное искусство), «паблик-арт» (общественное искусство);
- установить основные различия между вандализмом, уличным и общественным искусством;
- проанализировать примеры проявления вандализма на материале российского уличного и общественного искусства;
- определить основные виды вандализма, аспекты и пределы их проявления в современном искусстве урбанизированного пространства;
- рассмотреть специфику взаимодействия стрит-арта, паблик-арта и власти.

Методы исследования: метод синтеза и анализа; исторический; компаративистский; аналитический; дескриптивный.

Научная новизна исследования и его результатов:

- выделены основные виды проявления вандализма на актуальных примерах российского искусства в пространстве города;
- вандализм рассмотрен не только как антиправовое поведение преступных субкультур или антигуманное проявление современного искусства, а как попытка борьбы с уличным искусством со стороны государства;
- стрит-арт и паблик-арт рассматриваются как способ разрушения стереотипа о вандализме в характере уличного искусства.

В правовом контексте под вандализмом подразумевается осквернение, повреждение общественных и личных объектов в открытых/

закрытых пространствах по различным мотивам: идеологическая, расовая, религиозная, национальная вражда и т. д. (УК РФ ст. 214. Вандализм) [6]. В культурологическом контексте под вандализмом понимается осквернение объектов историко-культурного значения. В целом, вандализм проявляется как агрессивное асоциальное поведение, возникшее в результате фрустрации девиантной личности. Феномен вандализма изучается в рамках социологической теории «разбитых окон». Жители покидают нефункциональные, лишенные инфраструктуры районы, которые заселяются преступными субкультурами: девиантные, делинквентные группы, наркоманы и т. д. Правонарушители используют граффити для выражения личностного и коллективного протеста; как способ коммуникации; как угрозу мирным жителям и другим социальным группам. Антиправовые граффити содержат нецензурную лексику, запрещенные государством лозунги или цитаты, антирелигиозные фразы, непристойные изображения и наносятся на историко-культурные мемориалы, культовые религиозные здания, скульптуру, культурный ландшафт, личное имущество. Заполнение городского пространства антиправовыми надписями отрицательно действует на визуальный облик города в целом. Антиправовые граффити, как элемент контркультуры, формируют преступный визуальный городской текст, разрушающий городскую культуру, общепринятые моральные нормы и ценности. В таком аспекте граффити не может рассматриваться, как жанр искусства уличной волны, а расценивается исключительно как акт вандализма. В 2005 г. власти Питтсбурга сформировали картотеку с примерами граффити. Картотека служила базой доказательств антиобщественного поведения. Руководствуясь базой, власть приговорила Даниела Джосефа Монтано, оставившего многочисленные надписи на зданиях, к 2 годам и 6 месяцам тюремного заключения. Примеры проявления вандализма с использованием граффити в России: 1) в 2015 г. группа молодых людей пыталась расписать вагоны и трамваи на одной из Тульских станций. Водитель трамвая МП ТТУ был избит хулиганами за попытку остановить акт вандализма. Один из вандалов был задержан; 2) в 2019 г. вандала из Самары оштрафовали на общую сумму двенадцать тысяч рублей. Уголовное дело было заведено по причине нанесения ущерба в виде граффити зданию историко-культурного значения «Дом Егорова», в котором расположен «Союз кинематографистов Российской Федерации».

В исторической ретроспективе четко прослеживается, что способ нанесения рисунка на стену существовал на всех этапах развития культуры: петроглифы, пещерная живопись, иероглифы пирамид, античные настенные надписи, средневековые и ренессансные фрески

и т. д. В эпоху античности камни и стены служили способом коммуникации и информирования жителей полисов, т. к. на них процарапывались тексты и иллюстрации, содержащие новости о политических событиях. Средневековые граффити наносились на стены культовой архитектуры и представляли собой молитвенные просьбы к Богу, святым; на стенах жилых помещений были обнаружены шуточные надписи. В современной эпохе уличное и общественное искусство также выполняют эти функции, но в качественно новой, креативной форме.

Рассмотрим отличия вандализма, граффити и стрит-арта. Подмена понятий возникает на фоне некорректной интерпретации данных терминов. Несмотря на популярность уличных арт-практик, многие социальные группы считают их вандализмом из-за первичной особенности — несанкционированного создания арт-объектов. Граффити — отдельный жанр стрит-арта, представляющий собой название творческих уличных команд или псевдоним отдельного художника. Авторы маркируют определенную локацию для выражения личностного, духовного и физического присутствия: надписи «я был здесь», «меня зовут так-то».

Стрит-арт изначально является направлением современного искусства и не носит вандализмский характер. Стрит-арт представлен различными видами арт-объектов: художественная, монументальная роспись, инсталляции, выполненные в многочисленных техниках, применяя широкий спектр технологий и материалов. Главное отличие от граффити — наличие не только надписи с псевдонимом, но изображения (рисунка), композиции, тщательно продуманной креативной, творческой идеи. Авторы используют общепринятые в искусстве приемы: сатира, ирония, метафора и т. д., что позволяет стрит-арту не противоречить эстетическим канонам и не искажать визуальный образ города. Начиная с 80-х гг., уличное искусство из открытого пространства переместилось в закрытое: галереи, музеи. Ежегодно на международном и локальном уровнях проводятся масштабные фестивали уличного искусства, Таким образом, стрит-арт получил возможность легализации. Тем не менее, у общества сохраняется негативный стереотип о криминальном основании стрит-арта, т. к. ряд художников создает арт-объекты нелегально.

Несанкционированный стрит-арт присущ молодым райтерами, которые пытаются завоевать внимание зрителя, сохраняя бунтарский характер «чистого» стрит-арта. Таких авторов приравнивают к вандалам, и несанкционированные работы закрашиваются решением муниципалитета. Рассмотрим актуальные примеры в России. В 2019 г. после жалоб коммунальной службы суд Самарской области оштрафовал местную граффитчицу за роспись стены насосной станции

в размере пятнадцати тысяч рублей, так как росписи на коммунальных объектах нарушают правила содержания фасадов, установленных административными комиссиями. В текущем году после нанесения граффити на вагоны рельсовых автобусов в Туле, московский райтер был задержан по признакам нарушения первой части статьи 214 УК РФ (Вандализм). В Санкт-Петербурге была закрашена черная лопата, освещающая проблему плохой уборки снега с дорог в зимнее время местными коммунальными службами. Местные жители (чаще всего молодежь) активно выступают за защиту муралов и объединяются в добровольные команды по собственноручной очистке росписей от верхних слоев краски. В 2019 г. две работы художника Павла Кас были закрашены коммунальными службами Санкт-Петербурга: 1) росписи на окнах жилого помещения «Окно в другую реальность», 2) мурал «С Новым Годом, товарищи», нанесенный на дверной проем. Один из активистов очищения «Окна в реальность» был задержан полицией и ему был вынесен штраф. В марте 2019 г. уличной творческой команде «YouFeelMySkill» официально запретили создавать арт-объекты в пространстве г. Сочи, т. к. многие работы не были согласованы с местной администрацией. Частым актам вандализма подвергаются известные в Санкт-Петербурге муралы с портретами В. Цоя и С. Бодрова младшего, созданные командой «HoodGraffiti» в 2014 г. Было установлено, что вандалом является трансгендер-скинхед из Санкт-Петербурга Анатолий Обросков. В апреле 2019 г. арт-объект Андрея Бергера и Покраса Лампаса (Арсения Пыженкова), созданный для проекта «Город на велосипеде» при поддержке Департамента транспорта Москвы, был вандализирован неизвестными лицами. На масштабный мурал, изображающий колесо с абстрактной росписью и каллиграфитти, нанесли зеленую краску в виде смайла. Событие вызвало волну негодования среди россиян и авторов.

В каждой культурной эпохе искусство становилось инструментом культурной политики. Власть устанавливала четкие рамки допустимого и запрещенного в творчестве того или иного автора. К примеру, серия офортов «Капричос» Франциско Гойи представляла собой острую сатиру на социально-политическую обстановку Испании XVIII в. Тираж офортов был запрещен решением инквизиции, а жизнь автора была спасена королем Карлом IV, т. к. Гойя являлся королевским художником и написал знаменитый групповой портрет семьи короля. Английский уличный художник Бэнкси многие годы скрывает свою личность, т. к. полиция пыталась неоднократно найти и задержать автора за нанесение остро сатирических работ, направленных на дискредитацию действий власти и обличающих острые социальные проблемы. Лидеры различных общественных групп при-

числяют творчество Бэнкси к вандализму. Это обусловлено тем, что творчество автора не является легальным и содержит открытый андеграундный протест и вызов политическим законам.

В каждой культурной эпохе искусство ограничивалось действующей политической идеологией и использовалось государственными деятелями в личных целях, однако, авторы нередко сами ищут путей взаимодействия с властью, т. к. подобное сотрудничество обеспечивает безопасность и сохранность арт-объектов. Изабель Рохас-Вильямс, активный защитник стрит-арта и бывший исполнительный директор организации по сохранению муралов в Лос-Анджелесе «Mural Conservancy of Los Angeles», способствовала изданию городского постановления о художественной настенной росписи, которое упразднило мораторий, длившийся десять лет. В результате искусство в городском пространстве стремительно распространилось. Юридическая защита арт-объектов, предоставляемая за денежный взнос в размере \$60, — один из основных способов для сохранения муралов и снижения риска быть задержанным за вандализм в общественном пространстве.

Власть регулирует содержание, форму и локацию арт-объектов в урбанизированном пространстве. С одной стороны, цензура важна для того, чтобы авторы действовали с учетом сохранения эстетических и аксиологических норм, не нарушали политическую идеологию, не ущемляли права этнических, субкультурных групп, сексуальных меньшинств, не наносили вред историко-культурным объектам. Пытаясь «подчинить» уличное искусство, государство создает отдельные творческие проекты, транслирующие действующую идеологию в контексте современного искусства: творческое объединение «Сеть», сформированное и патронированное администрацией президента, выступает с идеей сохранения и актуализации ценностей русской и российской культуры через стрит-арт [2]. Но чрезмерное цензурирование и ограничение творческой деятельности приводит к формированию негативного отношения к действиям власти. Авторы не всегда согласны с установленными политикой нормами допустимого в уличном искусстве. Художники уличной волны возмущены тем, что власти не закрашивают публичную рекламу наркотических веществ (аэрозольные надписи «куплю соль/продаю соль»), но устраняют нелегальные или слабо охраняют легальные художественные объекты стрит-арта, которые постоянно подвержены осквернению со стороны антисоциальных групп. Перечисленные примеры указывают на слияние понятий «вандализм», «стрит-арт» и «граффити» в общественном и государственном понимании. Райтеры не являются преступниками, не оскверняют историко-культурные объекты и не проявляют агрес-

сию по отношению к местным жителям. Власть самостоятельно конструирует негативный стереотип о вандальской сущности стрит-арта, предавая арт-объекты тщательной цензуре. Уличные художники ищут поддержку и пути взаимодействия с властью, проводя благотворительные фестивали, социальные проекты, актуализирующие острые проблемы и предлагая варианты их решения.

Решением проблемы является правильно сформированная культурная политика, которая не ограничивает действия авторов уличной волны, а предлагает оптимальные условия для работы с широкими возможностями дальнейшего развития. Попытки взаимодействия власти и художников уличной волны сформировали новое направление — паблик-арт (общественное искусство). Санкционированное общественное искусство является эффективным инструментом культурной политики, которое формирует новую визуальную городскую культуру в рамках политической идеологии. Паблик-арт выступает важной частью креативного городского пространства и устанавливает коммуникацию между государством, автором и зрителем. Объекты паблик-арта тщательно охраняются муниципальными органами. Главная особенность российского общественного искусства состоит в социальном, патриотическом содержании и направленности на сохранение отечественной культурной памяти. В направлении сохранения культурной памяти стрит-арт и паблик-арт воспроизводят образы выдающихся личностей — известных деятелей культуры и национальных героев. Муралы с портретами кумиров различных поколений превращаются в «места памяти» и «живые памятники», «говорящие стены». Коммеморативные объекты паблик-арта и стрит-арта обладают высокой степенью воспитательного, образовательного и творческого потенциала, применяя все доступные для искусства инновационные, креативные средства и способы реализации творческих решений [3; 4; 5]. Паблик-арт является способом разрушения стереотипа о вандальском характере уличного и городского искусства. В большинстве российских городов ежегодно реализуются паблик-арт проекты, что свидетельствует о развитии креативной экономики, активном и эффективном внедрении тенденций современного искусства в российское городское пространство. В 2018 г. художники из творческой команды «Явь» организовали проект «Созидание и вандализм». Проект представляет собой генезис искусства от древних времен до современной цифровой эпохи. Основные российские паблик-арт проекты, патронируемые государством: «Арт-прививка», «Крась», «Артмосфера», «Стенограффия», «НОВАТЕК АРТ», «Лучший город земли», «Окрашено». В рамках российской «Премии Сергея Курехина» действует номинация «Искусство в обществен-

ном пространстве». В 2019 г. в Санкт-Петербурге встал вопрос о легализации стрит-арта. Депутаты Законодательного собрания внесли предложение о предварительном согласовании эскизов планируемого арт-объекта в первом чтении. Автором данного законопроекта является депутат Денис Четырбок: «Кто-то «за», а кто-то «против». Кто-то рисует, а кто-то закрашивает. Почему какие-то граффити остаются, а какие-то закрашиваются? Кто принимает такие решения, и на каком основании? Естественно, нужно сглаживать эти острые углы и устанавливать четкие «правила игры», по которым уличные художники могли бы законно реализовывать свой творческий потенциал». Чиновник выдвинул предложение о создании специально отведенных зон для творчества стрит-арт художников [1].

Результаты. Четкое определение пределов вандализма в современном городском и уличном искусстве невозможно. Нет определенного критерия для оценки степени вандализма, т. к. смысл данного понятия в правовом контексте отличается от значения в культурологическом аспекте. Например, в западной литературе к вандализму причисляют разрушение арт-объектов природными процессами и промышленными загрязнениями. Возникает сложность в понимании того, является тот или иной объект стрит-арта вандализмом или нет. В таком случае, необходимо сформировать единое определение для междисциплинарного использования [7, с. 403 — 419]. В восприятии общества и государства понятия «вандализм», «граффити» и «уличное искусство» сливаются. Нивелирование границ привело к возникновению различных способов проявления вандализма, противоречащих друг другу: 1) порча общественных объектов, личного имущества с использованием техники «граффити»; 2) осквернение объектов историко-культурного наследия правонарушителями в технике «граффити»; 3) несанкционированное уличное искусство, созданное на коммунальных объектах; 4) устранение объектов стрит-арта коммунальными службами, получивших признание общественности; 5) осквернение легальных/нелегальных объектов, стрит-арта, паблик-арта преступниками; 6) государственный запрет несанкционированной деятельности уличных художников с устранением арт-объектов. В данном случае под вандализмом корректнее понимать осквернение, частичное или полное уничтожение объектов стрит-арта, паблик-арта. Решением проблемы является попытка полной легализации уличного искусства, например, в формате паблик-арта и признание положительных характеристик стрит-арта. Паблик-арт и стрит-арт ориентированы на конструирование визуального образа и творческое преобразование города; выработку новых культурных символов текстоморфного городского пространства.

Интеграция социальных групп в данные процессы способствует развитию общественного креативного пространства. Уличное искусство постепенно разрушает стереотип о своей вандалской сущности и низком художественном значении. Напротив, стрит-арт и паблик-арт становятся важной частью культурного наследия.

Литература

1. В Питере решили легализовать стрит-арт (его придется утверждать с чиновниками) [Электронный ресурс] // Варламов Live Journal — Режим доступа: <https://varlamov.ru/3318616.html> (дата обращения 18.03.2019).
2. Курамшина Ю. В. «Крымская весна» в современном искусстве России / Ю. В. Курамшина, К. Э. Сефер // Перспективы развития науки в современном мире. — 2018. — Ч. 4. — С. 598-606.
3. Сефер К. Э. Коммеморация в современном искусстве (на материале паблик-арта и стрит-арта) / К. Э. Сефер, Ю. В. Курамшина // Культура в фокусе научных парадигм. — 2019. — Вып. 8. — С. 45-51.
4. Сефер К. Э. Паблик-арт как феномен / К. Э. Сефер, Ю. В. Курамшина // Вектор развития современной науки. — 2018. — С. 166-174.
5. Сефер К. Э. Современное искусство в городском пространстве (на примере Паблик-арт) / К. Э. Сефер, Ю. В. Курамшина // Потенциал современной науки. — 2018. — С. 241-251.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Раздел IX. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Глава 24. Преступления против общественной безопасности. Статья 214. Вандализм // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» — Электрон. текст. данные. — Ст. 214.
7. Knight, Cher Krause. A companion to Public Art / Cher Krause. Knight, Harriet F. Senie. — UK.: John Wiley & Sons, Inc., 2016. — 491 p.

УДК 008

«ПАМЯТНИК ТИРАНОУБИЙЦАМ ГАРМОДИЮ И АРИСТОГИТОНУ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ»

«MONUMENT TYRANNICIDES HARMODIUS AND ARISTOGITON: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS»

Скуридин О. А., научный сотрудник
Государственного историко-археологического
музея-заповедника «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, аспирант кафедры культурологии,
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Skuridin O. A., Research fellow of the State
Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol;
post-graduate student of the Department of cultural
studies, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University,
Simferopol

Аннотация. Рассматривается формирование представлений о памятниках тираноубийцам как символа торжества полисной справедливости, на примере памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристокитону. В ходе исследования раскрывается значение этого памятника как морально-нравственного символа эллинского самосознания.

Annotation. Discusses the formation of ideas about the monuments of tyrannicides as a symbol of the triumph of the polis of justice, on the example of the monument to the Athenian tyrannicides Harmodius and Aristogiton. The research reveals the significance of this monument as a moral symbol of Hellenic self-consciousness.

Ключевые слова: памятник, тираноубийцы, полисная справедливость, нравственный символ, эллинское самосознание.

Keywords: monument, tyrannicides, polis justice, moral symbol, Hellenic self-consciousness.

Тирания и тираноборчество — две противоположности, которые являются чисто греческими политическими феноменами. Эти феномены развивались в период возникновения и становления полиса во время его свободного развития (с VII в. до н. э. по IV в. до н. э.), имели важное значение для эллинского самосознания.

Неотъемлемой частью указанных политических феноменов были памятники тиранам и тираноборцам (тираноубийцам) как символы этих явлений.

Предметом данной статьи является исследование генезиса представлений о памятниках тираноубийцам как символа торжества полисной справедливости, на примере памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристогитону.

Такое исследование преследует цель раскрыть значение этого памятника как морально-нравственного символа эллинского самосознания.

Полученные результаты могут быть использованы для понимания процесса формирования современного европейского и российского представления о памятниках.

До наших дней дошли только позднейшие копии памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристогитону. В произведениях античных авторов встречаются многочисленные упоминания об этой скульптурной композиции. Как правило, это лишь заметки, вплетенные в канву исторического повествования. Очень большое значение имеют упоминания о памятнике в художественной литературе, речах ораторов, произведениях философов, в которых имеется оценка этого монумента как морально-нравственного символа.

Распространение в VII в. до н. э. так называемой «старшей» тирании характерно для экономически развитых областей античного мира, где кризис традиционного хозяйственного и социального уклада проявлялся наиболее остро. Тираны, стремясь найти себе прочную опору в народных массах, заботились о том, чтобы дать разорившемуся населению заработать, устраивали строительство общественных сооружений для украшения городов, вели войны для укрепления их мощи [4, с. 560].

Но вскоре массы демоса разочаровывались в тиранах, которые возвышали своих родственников и одиозных приспешников, окружали себя наемным войском, вводили новые налоги для собственного обогащения. Как правило, династии тиранов не удерживались дольше двух-трех поколений [14, с. 57].

В связи с этим интересно высказывание родоначальника ионийской школы философии Фалеса Милетского (около 625 — 547 г. до н. э.), кратко и точно характеризующее его взгляд на судьбу тирании как политического устройства. Согласно Диогену Лаэртскому (конец II начало III в. н. э.), когда этого главу «семи мудрецов» спросили, что он видел небывалого, ответом было: «Тирана в старости» [7, с. 65 — 66]. Подобное изречение Диоген Лаэртский приписывает также «мудрецу» Хилону (спартанский эфор — с 556/555 г. до н. э.) [Там же, с. 77].

Аристотель в «Политике» рассуждает о недолговечности тирании. Он делает заключение о том, что только неукоснительное исполнение законов самими тиранами и их окружением способствовало

относительной продолжительности их власти [4, с. 565]. Вообще же, старшая тирания в современной исторической науке характеризуется, в целом, как положительное явление, присущее для эпохи становления полиса [1, с. 180].

Следует отметить, что слово «тиран» получило негативное смысловое содержание после побед в Греко-персидских войнах (490 — 449 гг. до н. э.) в связи с ростом эллинского самосознания. Аристотель, рассуждая о сущности царской власти, говорит о тонкой грани, которая отделяет ее от единовластия (тираний): «В наше время царская власть в собственном смысле более не возникает, а если и возникает, то скорее единовластие и тирания. Царская власть, с одной стороны, обуславливается добровольным признанием ее, с другой — представляет собой верховную инстанцию по важнейшим делам. А теперь много равных, и никто из них не выдается настолько, чтобы соответствовать величию и достоинству такой власти. Поэтому люди добровольно такой власти не выносят; если же кому-нибудь удастся захватить власть путем обмана или насилия, то это уже считается тиранией» [4, с. 558]. Таким образом, согласно Аристотелю, греческий полис IV в. до н. э. представлял собой общину равноправных граждан, осуществляющих самоуправление, которые не нуждаются в такой форме принуждения, как тирания.

Реакцией на негативное отношение к тирании стало появление феномена тираноборчества. Согласно тому же Аристотелю, тираноборцам должны воздаваться наивысшие почести, так как они пресекают величайшее преступление (тиранию): «*Величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости; так, например, становятся тиранами не для того, чтобы избежать холода; поэтому большие почести назначаются не тому, кто убьет вора, а тому, кто убьет тирана*» [4, с. 421]. Историк и политический мыслитель Полибий (около 200 — 123 гг. до н. э.), добавляет: «Убийство граждан почитается величайшим преступлением, достойным суровейшего возмездия. Однако, убийство вора или прелюбодея, несомненно, не наказуемо, а убийца предателя и тирана стяжает себе всеобщее уважение и почет» [11, с. 86]. Здесь мы видим развитие философского осмысления тираноборчества. Если Аристотель трактует тирана как вора (намек на насильственное перераспределение собственности и денежных средств), то Полибий приравнивает его к предателю (очевидно, предателю идеи гражданского равенства). Обе трактовки делают тиранию неприемлемой для теории и практики общественной гармонии античного полиса.

В связи с этим интересно проследить, как было переосмыслено убийство одного из Писистратидов Гиппарха (513 г. до н. э.) Гармодием и Аристогитонем. Памятник Гармодию и Аристогитону был

воздвигнут через несколько лет после тираноубийства, эта скульптурная композиция была одними из первых монументов, поставленных от имени государства: «Не знаю, не тираноубийцам ли Гармодию и Аристогитону самым первым афиняне поставили статуи от имени государства. Это произошло в том же году, в котором и из Рима были изгнаны цари!» [10, с. 57]. Однако морально-нравственным символом борьбы с тиранией памятник стал не сразу.

Аристотель (384 — 322 гг. до н. э.) в «Политике» говорит, что причиной покушения на тиранов была личная месть: «Так, покушение на Писистратидов произошло вследствие того, что сестра Гармодия была оскорблена, а сам Гармодий обижен (Гармодий мстил за сестру, а Аристогитон — за Гармодия)» [4, с. 554]. Эти прозаические причины и обстоятельства, побудившие Гармодия и Аристогитона к тираноубийству, были скоро забыты и переосмыслены.

Фукидид (около 470 — около 400 гг. до н. э.), живший на два поколения позже, считает необходимостью заметить: «Поводом для отважного подвига Аристогитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. После того, как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий» [12, с. 286].

Гармодий был убит на месте стражей Гиппия, Аристогитон — казнен после пыток [Там же, с. 287 — 288]. Павсаний во II в. н. э. видел их могилы на кладбище в афинском предместье Керамик [9, с. 30].

Фукидид в своей «Истории» (кн. VI, 54 — 59) приводит подробно этой драмы, а в конце подводит итог: «Таков был заговор Гармодия и Аристогитона, поводом для которого было оскорбленное чувство любовника. Причиной же последовавшего затем безрассудного дерзкого деяния был внезапный страх, овладевший ими обоими. С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжелой, и Гиппий, который после смерти брата, страшась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь» [12, с. 288].

Окончательное переосмысление поступка Гармодия и Аристогитона хорошо показано в песне, которая приписывается малоизвестному поэту IV в. до н. э. Каллистрату. Песня исполнялась во время застолий (симпосиев), ее заключительный куплет таков:

Да, вечная слава вас ждет и потом,
О, милый Гармодий с Аристогитоном,
За то, что тирана сразили мечом
И равными сделали всех пред законом [цит. по: 3, с. 185 186].

В комедии Аристофана (около 446 — 385 гг. до н. э.) «Лисистрата» (впервые поставлена в 423 г. до н. э.) предводитель хора стариков, предостерегая против «тирании» женщин, вскользь упоминает памятник этим тираноборцам уже как морально-нравственный символ:

Это женщины готовят тиранию нам опять!
Но тиранов над собою не стерплю, остерегусь
И носить свой меч я стану, мирта веткою обвив.
Возле Аристогитона, до зубов вооружен,
Я тогда поставлен буду, и случиться может так,
Что старухе выбью зубы, этому врагу богов! [цит. по: 2, с. 115].

Даже философы-киники, отрицавшие все общественные институты, не остались в стороне от прославления тех, кто даровал свободу от тирании. Согласно Диогену Лаэртскому Диоген Синопский (414 — 323 гг. до н. э.) так ответил неизвестному тирану: «Тиран спросил его, какая медь годится для статуй. Диоген сказал: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристогитон» [7, с. 229].

Можно сделать предположение, что памятник — скульптурная композиция тираноубийц Гармодия и Аристогитона окончательно стал символом борьбы с тиранией после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Упомянутая нами выше первая статуя тираноборцев Гармодия и Аристогитона была увезена персидским царем Ксерксом, взявшим и разорившим Афины (480 г. до н. э.). В рядах персидской армии был и бывший афинский тиран Гиппий, надеявшийся с чужой помощью восстановить свою власть. Памятник был воссоздан в 477/476 г. скульпторами Критием и Несиотом. О том, как выглядели тираноубийцы, в это время уже не помнили. Известно, что Аристогитон был старше и носил по тогдашней моде бороду, более молодой Гармодий был безбородым [13, с. 65 — 66]. Портретное сходство теперь не было важно, так как скульптурная композиция Гармодия и Аристогитона стала символом борьбы за гражданскую свободу, против тирании Гиппия и Ксеркса, из которой афиняне вышли победителями. В связи с этим интересно замечание Вальтера Вудберна Хайда (Walter Woodburn Hyde) в работе «Олимпийские победные памятники и греческое атлетическое искусство» (Olympic victor monuments and Greek athletic art) о том, что статуи тираноубийц представляют собой изваяния типичных атлетов [15, р. 176].

По словам Арриана (около 95 — около 175 г. н. э.), первоначальную статую нашел Александр Македонский в Сузах — одной из столиц Ахеменидской империи [5, с. 124]. Однако далее Арриан пишет,

что статуи, увезенные из Эллады Ксерксом, в том числе и афинских тираноубийц Гармодия и Аристокитона, были возвращены на родину позднее, во время воцарения Александра в Вавилоне [Там же, с. 238]. Это был широкий жест примирения со стороны царя в сторону свободлюбивых афинян. Даже провозгласивший себя богом македонский царь считал необходимым делать вид, что уважает их стремление к свободе, символом которой была скульптурная композиция тираноубийц. Аристотель считает, что тираноборцы более всех заслуживают такой почести, как сооружение в их честь памятника. Примером этому является памятник-статуя Гармодию и Аристокитону, убитым тирана Гиппарха и убитых братом последнего Гиппием: «[Заслуживает также похвалы] человек, ради которого изобретены и приведены в исполнение какие-нибудь способы поощрения и чествования... такковы и Гармодий и Аристокитон, в честь которых воздвигнута статуя на Агоре» [4, с. 47].

По словам Демосфена (около 384 — 322 гг. до н. э.), в его время тираноубийцы Гармодий и Аристокитон считались первыми среди граждан, они воспевались и чтились наравне с богами и героями [6, с. 386]. Позднее многочисленные копии этой скульптурной композиции были широко распространены в Афинах. В период утраты политической независимости образ Гармодия и Аристокитона стал символом ушедшей в прошлое свободы. Их статуи устанавливались даже на территории частных домовладений, например, Лукиан Самопатский (около 120 — около 180 гг. н. э.) в одной из сатир упоминает о копии творения Крития и Несиота «Тираноубийцы», стоящей во дворе дома одного из афинских философов, выведенного под именем Евкрат [8, с. 501].

Выше было проведено исследование памятника афинским тираноубийцам Гармодию и Аристокитону как морально-нравственного символа эллинского самосознания, основной характеристикой которого является персонифицированный образ борьбы за гражданскую свободу против тирании. Было отмечено, что тираноубийство, совершенное Гармодием и Аристокитоном из личных побуждений, переосмыслено как проявление высокой гражданственности. Это окончательно произошло после отражения персидского нашествия, когда эллинское самосознание испытало мощный подъем. Идеалы тираноборчества и гражданской свободы можно найти в произведениях античных авторов и политических документах. Одним из примеров таких документов может служить клятва граждан Херсонеса.

Примечания:

1 — цари были изгнаны из Рима в 509 г. до н. э.

Литература

1. Античная Греция. Т. 1. / Редколлегия Е. С. Голубцов, Л. П. Маринович, А. И. Павловская, Э. Д. Фролов. — М.: Наука, 1983. — 423, [1] с.
2. Античная литература. Греция. Антология. Ч. 2/ Сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. — М.: Высш. шк., 1989. — 383 с.
3. *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Аристотель; пер. с древнегреч. и примеч. С. И. Радцига. — 2-е изд. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 254 с.
4. *Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — 830 с.
5. *Арриан*. Поход Александра / Арриан; пер. с древнегреч. М. Е. Сергеевко, предисловие О. О. Крюгера. — М.: МИФ, 1993. — 271 с.
6. *Демосфен*. Речи. В 3 т. / Демосфен; пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — Т. 3. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — 624, [3] с.
7. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — 2-е изд. — М.: Мысль, 1986. — 571 с.
8. *Лукиан*. Избранная проза / Лукиан; пер. с древнегреч., сост., вступ. ст., коммент. И. М. Нахова. — М.: Правда, 1991. — 720 с.
9. *Павсаний*. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1. Кн. I — VI / Павсаний; пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. — М.: ООО «Издательство АСТ»: Ладомир, 2002. — 492, [1] с.
10. *Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве / Плиний Старший; пер. с лат. Г. А. Тароняна. — М.: Ладомир, 1994. — 941 с.
11. *Полибий*. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1. Кн. I — X / Полибий; пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 765 с.
12. *Фукидид*. История / Фукидид; пер. с древнегреч. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. — Л.: Наука, 1981. — 543 с.
13. *Хафнер, Г.* Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе / Г. Хафнер; пер. с нем. В. А. Сеферьянц. — М.: Прогресс, 1984. — 311 с.
14. *Элиан*. Пестрые рассказы / Элиан; пер. с древнегреч. С. В. Поляковой. — М. — Л.: Наука, 1964. — 184 с.
15. Hyde, Walter Woodburn. Olympic victor monuments and Greek athletic art / Walter Woodburn Hyde. — Washington D. C.: Carnegie Institution of Washington, 1921. — 406 p.

VI. ГОРИЗОНТЫ ПРАВА

УДК 34. 01

ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

PROBLEMS OF LAW IN THE POSTMODERN ERA

Ткаченко Р. В., кандидат философских наук, доцент, г. Севастополь, Севастопольский государственный университет, доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Tkachenko R. V., Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, Sevastopol, Sevastopol State University, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State.

Аннотация. Рассматриваются теоретические аспекты юридической науки в контексте базовых положений парадигмы постмодерна. Проводится исследование взаимосвязи права с иными социальными институтами. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой соотношения юриспруденции с иными областями человеческого знания в контексте постструктурализма и постмодернизма.

Annotation. The article examines law-related theoretical aspects in light of the underlying paradigm of postmodernism. Apart from focusing on the interrelation between law and other social institutes, the study attempts an analysis of a varying number of issues regarding the possibilities of interconnection of law with other forms of human knowledge in the poststructuralist and postmodern framework.

Ключевые слова: парадигма, постмодернизм, метанарратив, паралогия, юриспруденция, контекстуальность, правовая теория.

Keywords: paradigm, postmodernism, metanarrative, paralogy, jurisprudence, contextuality, legal theory.

Формирование парадигмы постмодерна в значительной степени повлияло на функционирование и восприятие многих социальных и политических аспектов. Рассматривая характерные свойства данной парадигмы, стоит акцентировать внимание на тяготении к размыванию предустановленных границ (например, границ строго академического знания с иными областями). Данный аспект вышеуказанной парадигмы можно рассматривать в качестве первоначального фундирующего принципа. Помимо этого, в рамках постмодерна наблюдается тяготение к преодолению многообразных бинарностей

(рационализм — иррационализм, материализм — идеализм и т. д.), что порождает отказ от идеи строго детерминизма и склонность к нон-матологии.

Исходя из анализа фундаментальных аспектов постмодерна, произведённым Жаном-Франсуа Лиотаром, хотелось бы остановиться на некоторых аспектах, отражающихся на функционировании многих социальных институтов (включая, право). Согласно данному исследованию, в качестве основного критерия до-постмодернистского состояния социума выступает наличие и доминирование метанарративов («больших рассказов»). Именно данные конструкты функционируют в качестве глобальной интерпретационной базы и стремятся к унифицированному объяснению проблематики самого различного характера (от вопросов метафизики и эстетики до обоснования сложившегося государственно-политического строя) [1, с. 10].

В определённые исторические моменты метанарратив выступает в качестве всеобъемлющего образования, стремящегося относительно органично соединить в себе смыслообразующие дискурсы, функционирующие в той или иной культурной среде. В качестве примера можно привести доминирование сциентизма и строгой прагматики в жизни западной цивилизации. Подобные доминирующие дискурсы задают направленность многим теоретическим и эмпирическим изысканиям и определяют собой механизмы обоснования знания. Например, Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи», отмечал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие её языком, её схемами восприятия, её формами выражения и воспроизведения... сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, в которых он будет ориентироваться» [2, с. 33].

Кроме того, «большие рассказы» выступают в качестве инструмента легитимации определённого состояния социума (его политической или правовой компоненты), благодаря обращению к непосредственному включению в процесс обоснования глобальных историософских или политических концепций.

В постмодернистской парадигме именно из-за отсутствия глобальной метанарративной концепции происходит отход от всеобъемлющего «большого рассказа» к паралогическому пространству.

Переход от вседвоящей консенсуальности к дисконсенсусу порождает к жизни множество смысловых полей, оказывая тем самым неизбежное влияние на рассмотрение различных вопросов, причём ризоматичность и мультивекторность постмодерна находит отображение во многих сферах.

Подобная позиция с неизбежностью касается и юридического знания, которое также характеризуется определённой степенью вза-

имодействия с различными областями социогуманитарных наук. Однако при данном подходе юриспруденция оказывается зависимой от ряда базовых критериев. К ним можно отнести и доминирующий тип правопонимания (рассмотрение сущности права в контексте нормативизма в качестве психологического или социального феномена), а также сложившаяся в обществе картина мира, (базирующаяся на телологическом или строго научном фундаменте). Следовательно, юриспруденцию в контексте постмодернистской паралогичности можно рассматривать в качестве социальной конструкции, содержание которой неизбежно коррелирует с многими иными сферами научного знания (с социальной философией, экономикой, психологией, политикой и т. д.). Таким образом, право в современных условиях можно рассматривать в качестве социального феномена, содержание которого обусловлено именно взаимодействием с иными социальными феноменами (социальными институтами), и вне данного взаимодействия существование права представляется проблематичным.

Действительно, современное право является многогранным образованием, опосредованным различными взаимодействиями. В данных интеракциях органично соединяется культура, языковые практики (или, пользуясь терминологией Л. Витгенштейна, «языковые игры»), психические феномены, идеологические аспекты и др. Если выйти за рамки строго позитивистского правопонимания, то вычленив именно юридический аспект при столь сложных взаимодействиях возможно только аналитически. Следовательно, в условиях паралогичности постмодерна не могут существовать «чистые» юридические феномены, которые одновременно не обладали бы психологической, экономической или политической природой и не находили бы проявления в обширном социальном взаимодействии. Так, наиболее яркий пример значения контекстуальности в юридической науке мы можем встретить в работах видного американского учёного-правоведа Пьера Шлага, указывавшего, что ни одна норма не может определять контекст, в рамках которого эта норма интерпретируются. Таким образом, «абсолютное пространство неизменных правил и неподвижных прецедентов, которые характеризовали традиционную юриспруденцию, ушло. На его месте мы имеем «жизненное пространство» со многими областями ценностей» [3, с. 145].

Здесь с неизбежностью возникает ряд вопросов. Во-первых, может ли в современном состоянии юриспруденция, зависящая, как мы видели, от многих аспектов паралогичности, выступать в качестве социального интегратора, каким выступало в своё время римское или каноническое право? Во-вторых, как изменятся социальные функции права при возникновении абсолютно новой глобальной парадигмы?

Литература

1. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар. СПб.: Алетейя, 2013 — 160 с.
2. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко. — СПб.: А — cad, 1994. — 408с.
3. *Шлаг П.* Эстетики американского права / Пьер Шлаг // Российский ежегодник теории права. — 2010. — №3. — С. 112 — 180.

УДК 101. 1:591:34. 023

ЖИВОТНЫЕ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА

ANIMALS AS A SUBJECT OF LAW

Юнси Имран Ридха, аспирант 1 года обучения кафедры анатомии и физиологии животных Академии биоресурсов и природопользования ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Yunsi Imran Ridha, The 1st year post-graduate student Department of Anatomy and Physiology of Animals of Academy of Bioresources and Environmental Management
 Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В работе освещаются философские и правовые аспекты защиты прав животных в современной России.

Право на защиту животные получили благодаря изменению представлений в вопросах «что есть животное» и в какой взаимосвязи оно находится с человеком.

Annotation. The work highlights the philosophical and legal aspects of animal rights protection in modern Russia.

The animals received the right to protection due to the change of ideas in the “what is an animal” and in what relationship is it with a human.

Ключевые слова: права животных, защита, законодательство, Россия.

Keywords: animal rights, protection, legislation, Russia.

27 декабря 2018 года вступил в силу Федеральный закон от 27. 12. 2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Причиной этому послужила волна протестов зоозащитников осенью 2017 года в ответ на расследование дела «хабаровских живодерок» — группы девушек, жестоко обращавшихся с животными и распространявших видео об этом в сети. В ноябре 2017 года активисты из «Альянса защитников животных» организовали голодовку

у стен Госдумы в знак протеста против затягивания принятия закона. Нужно отметить, что Госдума неоднократно, начиная с 1999 года, безуспешно пыталась внести подобные поправки в действующее законодательство. На наш взгляд, именно широкое распространение контента в сети Интернет послужило триггером общественного недовольства. Таким образом, впервые в истории России животные на юридическом уровне признаны «существами, способными испытывать эмоции и физические страдания» (статья 4 Федерального закона) [5].

Важно отметить, что на сегодняшний день имеет место антропоцентрическое представления о животных как подчиненных людям, призванных удовлетворять их пищевые и эстетические нужды. При этом Россия минимум на пятьдесят лет отстает от мирового опыта в регулировании правового статуса животных. Это подтверждается развитым европейским законодательством, регламентирующим взаимодействие человека с животными: Европейская конвенция о защите животных при международных перевозках (1968), Европейская конвенция о защите животных, содержащихся на фермах (1976), Европейская конвенция о защите хребетных животных, использующихся в экспериментальных и научных целях (1986), Европейская конвенция о защите прав домашних животных (1987) и др. Кроме того, во многих странах на уровне конституции закреплена правовая статус животных. Примером служит 80-ая Союзная Конституция Швейцарской конфедерации, в которой признается право животных на жизнь, гуманное отношение, эвтаназию, безопасность и доступную ветеринарную помощь. Важно отметить, что она является единственным в мире документом, утверждающим, что «животным присуще их внутреннее достоинство, требующее уважения» [1, с. 125 — 126].

Таким образом, изменение российского законодательства вынуждает нас задуматься о философском аспекте в защите прав животных. Стоит отметить, что отношение к животным изменялось на протяжении всей истории человечества. Так, если в первобытном обществе в рамках анимизма признавалась всеобщая одушевленность природы, то период Античности привел к дифференциации мировоззрений: в этот период возникают два основных направления в решении проблемы — антропоморфизм и логоцентризм. Как сторонники первого направления, орфики и пифагорейцы разработали учение о метемпсихозе — переселении душ, придерживаясь мнения, что тело человека и животного являются этапами странствования души на пути к совершенству. Атомисты в лице Плутарха также утверждали, что животные разумны. Таким образом, сторонники антропоморфизма настаивали на запрете на умерщвление животных и употребление их в пищу.

Напротив, взглядов логоцентризма придерживался Аристотель, разработавший теорию «градации душ» и утверждавший, что у человека нет никаких моральных обязательств перед животными. Логоцентризм также характерен для христианства, согласно которому человек является богоподобным существом, а, следовательно, волен поступать с животными, как ему заблагорассудится. Известно, что средневековые схоласты, следуя учению Аристотеля, признавали существование в человеке двух душ: «животной» и «разумной». При этом животные, по их мнению, разумом не обладают, а, следовательно, служат лишь для удовлетворения нужд человека.

В работах Декарта как сторонника механицизма мы находим сравнение «животных с живыми автоматами» [4, с. 1665], при этом акцентируется внимание на их неспособности испытывать боль из-за отсутствия ума. Аналогично мыслил И. Кант, отождествлявший животных с обычными вещами, что дает человеку право свободно ими распоряжаться. Тем не менее, он говорил о том, что «жестокое обращение с животными вредит самому человечеству, так как убивает в человеке сочувствие к чужим страданиям» [3, с. 29].

Пожалуй, первым кто заявил об акцентуации социальности животных, был Ламметри, который на основании изучения сравнительной анатомии человека и животных, пришел к выводу о наличии у животных субстрата разума в виде головного мозга и органов чувств [4, с. 1667 — 1668]. Однако, лишь Ч. Дарвин в «Происхождении видов» (1859) научно обосновал утверждение, что «человек является частью природы» и между ним и животным нет никаких различий. Важно подчеркнуть, что именно эволюционная теория Ч. Дарвина стала пусковым механизмом в борьбе за права животных.

На сегодняшний день ведущими международными организациями, борющимися за укрепление прав животных, являются «Great Ape Project» (1994) и «Non-Human Rights Project» (2007) [6, с. 29 — 30]. Стоит отметить, что главной задачей данных проектов является попытка присвоения некоторым видам животных «статуса нечеловеческой личности», что позволит им быть полноценными правовыми субъектами. Рассматривая ситуацию «за» и «против», стоит подчеркнуть, что достижения современной науки однозначно апеллируют в пользу социализации животных. Сегодня совершенно очевидно, что Декарт ошибался, утверждая о отсутствие у них болевой чувствительности. Помимо этого, научно доказано наличие высоких интеллектуальных способностей у млекопитающих (приматов, дельфинов, слонов), а также птиц и осьминогов, что позволяет наделять животных моральным статусом и опровергнуть положение И. Канта о неодушевленности животного мира.

Таким образом, во всем мире постепенно происходит переосмысление прав животных, что отражается в изменении законодательства с целью их социализации. Однако в России данная проблема только начинает решаться. Зададимся вопросом: в чем причина такого отставания России в правовом поле защиты прав животным от мирового опыта?

В рамках проведенного исследования мы установили, что вероятной причиной данного отставания является доминирование философии материализма в советский период. Одной из характерных черт материализма является рассмотрение животных в качестве товаров и ресурсов в механизме развивающегося индустриализма. И хотя в СССР с 1924 года существовало Добровольное общество охраны природы, по мнению Б. Жукова (2005), данная организация не выполняла своих обязанностей, «штатные должности в обществе занимали пожилые, либо проштрафившиеся «аппаратчики», а вся работа сводилась к сбору членских взносов» [2]. Все это привело к тому, что сегодня в России общество настроено скептически относительно принятия законодательных актов о защите прав животных.

Мы не можем не согласиться с М. Бакке (2007), утверждающим, что «сейчас мы столкнулись с важной задачей изменения восприятия животных — перехода от отношения к ним в качестве предметной массы, для обозначения которой используется слово «животное», к выводу о том, что они — существа, обладающие индивидуальными жизнями и опытом, и реализующие собственные интересы» [3, с. 28]. Мы считаем, что сегодня человечество, используя достижения науки, способно минимизировать использование животных для удовлетворения своих пищевых и эстетических нужд. Во-первых, современные синтетические материалы не уступают по характеристикам натуральной коже и меху. Во-вторых, учеными установлено, что производство мяса крайне затратное: для получения одного килограмма говядины требуется 15 тонн воды. Пожалуй, в условиях глобального потепления и дефицита водных ресурсов это делает технологию производства «искусственного мяса» особо перспективным направлением, способным заменить мясное животноводство. В-третьих, достижения кибернетики в будущем способны позволить использовать искусственные биологические системы в экспериментальной медицине вместо животных.

Таким образом, право на защиту животные получили в конце XX века. Это стало возможно благодаря работе организаций по защите прав животных, научным открытиям в области нефтехимии, генной инженерии и робототехники. Но истоком, давшим начало этой деятельности, стало новое представление о животном. Мы приходим

к выводу, что в скором времени человечество будет готово к полному отказу от использования животных в качестве субстрата, удовлетворяющего личные потребности.

Литература:

1. *Анисимов А. П.* О некоторых философских и правовых аргументах в пользу новой концепции прав животных / А. П. Анисимов // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. — 2016. — №3. — С. 122-127.
2. *Жуков Б. Б.* Рассвоение (Типология экологических организаций) [Электронный ресурс] / Б. Б. Жуков // Отечественные записки. — 2005. — № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/6/2005_6_13.html (дата обращения: 27. 03. 2019).
3. *Кожевникова М.* Человек-животное. Новая парадигма в науке / М. Кожевникова // Человек. — 2017. — №4. — С. 28-37.
4. *Кременцов Н. Л.* Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений / Н. Л. Кременцов // Русский орнитологический журнал. — 2009. — №18. — С. 1659-1682.
5. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27. 12. 2018 N 498-ФЗ — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 01. 03. 2019).
6. *Эльжановский А., Петжиковский Т.* Животные как неличностные субъекты права / А. Эльжановский, Т. Петжиковский // Человек. — 2017. — № 5. — С. 25-37.

VII. ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

УДК 37. 014. 53

**СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ**

**SOCIAL DIMENSION OF INFORMATION
TECHNOLOGIES: THE PROBLEM OF INDIVIDUAL
INTELLECTUAL SOVEREIGNTY**

Сулейменов И. Э., Алматинский университет энергетики и связи, академик Национальной Инженерной Академии РК, доктор химических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Алматы, Казахстан.

Suleimenov I. E., Almaty University of Power Engineering and Telecommunications, Almaty, Kazakhstan, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Chemical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor

Габриелян О. А., декан философского факультета, заведующий кафедрой философии естественнонаучного профиля, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Таврическая академия (структурное подразделение) Философский факультет.

Gabrielyan O. A., V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Autonomous Republic of Crimea, Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Natural Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Тасбулатова З. С., Алматинский университет энергетики и связи, Институт космической инженерии и телекоммуникаций, Кафедра телекоммуникационных сетей и систем, докторант PhD, Алматы, Казахстан.

Tasbulatova Z. S., Almaty University of Power Engineering and Telecommunications,

Institute of space engineering and telecommunications, Department of Telecommunication Networks and Systems, PhD student, Almaty, Kazakhstan.

Vitulyova E. S., Алматинский университет энергетики и связи, Институт космической инженерии и телекоммуникаций, Кафедра телекоммуникационных сетей и систем, докторант PhD, Алматы, Казахстан.

Vitulyova E. S., Almaty University of Power Engineering and Telecommunications, Institute of space engineering and telecommunications, Department of Telecommunication Networks and Systems, PhD student, Almaty, Kazakhstan.

Аннотация. Показано, что в современной геополитической обстановке интеллектуальный суверенитет становится необходимой предпосылкой для обеспечения национального суверенитета. Как следствие, вопрос конвергенции технического и гуманитарного знания приобретает социально-политическое значение, что, в свою очередь, обуславливает важность прикладной философии, особенно для области информационных и телекоммуникационных технологий.

Annotation. It is shown that in modern geopolitical situation, intellectual sovereignty becomes a necessary prerequisite for ensuring national sovereignty. Thus, the issue of convergence of technical and humanitarian knowledge acquires socio-political importance, which in turn emphasizes the importance of applied philosophy especially in the field of information and telecommunication technologies.

Ключевые слова: интеллектуальный суверенитет, информационные технологии, конвергенция технического и гуманитарного знания

Keywords: intellectual sovereignty, information technology, convergence of technical and humanitarian knowledge

Вопрос о сущности информационных технологий (шире – инфокоммуникационных технологий) актуализируется в связи с разработками систем искусственного интеллекта (ИИ). Точнее, если рассуждать с максимально общих позиций, то данный вопрос неотделим от вопроса о характере и сущности интеллекта как такового. Действительно, все прогнозируемые области применения ИИ так или иначе предполагают интеграцию систем на его основе в социум. Данное обстоятельство отчетливо демонстрируют современные тренды. Так, системы искусственного интеллекта уже позволили высвободить персонал, выполняющий рутинные операции в Сбербанке [1]. Далее такого рода тенденции будут только нарастать: социальное значение ИИ, как отмечается в [2], состоит в том числе и в том, чтобы устранить то, что в англоязычной литературе именуется «bullshit jobs» [3].

Очевидно, что проникновение систем ИИ в социум (точнее, следует говорить об интеграции) заведомо может быть осуществлено только на основе инфокоммуникационных технологий. Если говорить с социальными позиций, то системы ИИ и инфокоммуникационные технологии де-факто образуют единое целое.

Именно по этой причине сегодня, когда вектор развития данной целостности (ИИ + инфокоммуникационные технологии) до конца еще не определен, необходимо со всей остротой поставить вопрос о *социальной ответственности разработчиков*, что еще раз возвращает к тезису о конвергенции технического и гуманитарного знания. При условии, что инфокоммуникационные технологии будут развиваться стихийно, вполне вероятно реализация такого вектора, который поставит под угрозу государства ЕАЭС. Как подчеркивалось в [4], в настоящее время геополитическое противостояние все в большей степени смещается в научно-техническую сферу, причем именно инфокоммуникационные технологии здесь выходят на первый план [5]. Соответственно, бездумное следование «мировым трендам», отсутствие видения перспектив и ориентация исключительно только на узкопрофессиональные интересы создают условия для успешных операций, основанных на методах информационной войны, в научно-технической сфере. Разработчики инфокоммуникационных технологий стран ЕАЭС более не имеют права оставаться в узкопрофессиональной нише, они должны осознать свою социально-политическую ответственность, подчеркнем это еще раз. Данный тезис более подробно был обоснован в [6] применительно к проблематике зеленой энергетики,

Более того, вопрос о сущности информационных технологий в современных условиях приобретает еще одно важнейшее социально-политическое измерение. А именно, в построениях Тьерри Бодэ [7] активно используется понятие интеллектуального суверенитета (личности).

Подчеркнем, что Т. Бодэ является одним из весьма неординарных современных ученых и политических деятелей Европейского Союза. Как отмечают российские публицисты, он де-факто противопоставил понимание интеллектуала в духе XIX века современным политтехнологиям. А именно, современные политтехнологи при продвижении той или иной политической концепции (или партии) в медийное пространство ориентируются, главным образом, на те же самые методы, которые используются при продвижении товаров или услуг на рынок. «Все равно, что продавать — мыло или кандидата в Президенты» [8].

Пример деятельности Т. Бодэ важен именно потому, что он высвечивает существования разных вариантов взаимодействия сознания

элит и массового сознания. На одном полюсе стоят политтехнологии, ставшие типовыми, и все, что их сопровождает (индустрия моды, голливудские боевики и прочие атрибуты общества потребления). Этот путь заведомо ориентируется на оглушение масс и превращение людей в придаток средств производства товаров и услуг (неважно, идет ли речь о системах ИИ или индустриальном машинном производстве). Альтернативный путь (противоположный полюс) ориентируется на мобилизацию интеллектуального потенциала народа.

2010-е и 2020-е годы, скорее всего, войдут в историю как время выбора пути, по которому дальше пойдет цивилизация, и этот выбор самым тесным образом связан с выбором вектора развития инфокоммуникационных технологий. Существуют условия, при которых эти технологии окажутся средством оглушения народных масс, существует и альтернатива. Окончательный выбор еще не сделан, хотя вполне определенные тревожные тенденции налицо. Инфокоммуникационные технологии уже проявляют себя как средство оглушения народов стран мира, а *узкие специалисты* в этой сфере становятся, если называть вещи своими именами, *соучастниками этого преступления перед человечеством*, только потому, что не хотят выйти за рамки своей узкопрофессиональной деятельности.

Специалисты стран ЕАЭС в области информационных и телекоммуникационных технологий должны понимать это обстоятельство намного более отчетливо, чем другие. На них лежит гораздо большая ответственность в силу упомянутого выше смещения геополитического противостояния в научно-техническую сферу.

Подчеркнем также, что в построениях Т. Бодэ речь идет именно об интеллектуальном суверенитете личности (хотя он сам употребляет просто термин «интеллектуальный суверенитет»). Сделанное нами уточнение, однако, является более чем существенным, поскольку в постсоветской литературе понятие «интеллектуальный суверенитет» применяется также по отношению к государствам [9]. В этом случае под этим термином понимается право субъекта — обладателя данного суверенитета — развивать свой интеллект, осуществлять его возможности. Возможности интеллекта реализуются в добывании (не сводимом к «приобретению» или «получению») знания, в оценке предлагаемых сообщений как истинных, ложных, вероятных, представляющих интерес и т. д., в использовании для принятия решений информации, признанной адекватной [9].

В условиях кардинального изменения геополитической модели интеллектуальный суверенитет страны становится необходимой предпосылкой для обеспечения национального суверенитета как такового. Это еще раз говорит о важности тезиса о конвергенции тех-

нического и гуманитарного знания. Он, в том числе, предполагает, что специалисты в области информационных и телекоммуникационных технологий должны действовать осознанно, не ограничивая себя узкопрофессиональными рамками. Для этого они заведомо должны обладать соответствующим уровнем компетенции более высокого уровня, который может дать только «гуманитаризация» технического знания, его преломление через призму прикладной философии.

Этот подход полностью укладывается в представления об интеллектуальном суверенитете личности, обеспечение которого невозможно без формирования целостного научного мировоззрения. Негативное влияние чрезмерно узкой специализации, как показано в [6], прежде всего, и состоит в том, что «профессионалы» в отдельно взятой узкой предметной области не могут являться таковыми в действительности, так как профессионализм в любой сфере науки и техники неотделим от целостного научного мировоззрения.

В свою очередь, для стран ЕАЭС ставка на интеллектуальный суверенитет личности в современных условиях представляется едва ли не единственно разумной — это вытекает из одних только объективных закономерностей геополитической конкуренции. Попытка состязаться на поле ценностных ориентаций и символов общества потребления заведомо обрекает страны ЕАЭС на геополитической проигрыш в долгосрочной перспективе, что отчетливо показали события 1990-х годов [10].

Таким образом, тезис о конвергенции технического и гуманитарного знания, равно как и тезис о ренессансе философии [11], в современных условиях приобретают выраженный практический интерес и выраженное социально политическое значение, в особенности применительно к сфере инфокоммуникационных технологий.

Литература

1. Сбербанк сократил 70 процентов менеджеров среднего звена из-за искусственного интеллекта <https://tengrinews.kz/money/sberbank-sokratil-70-protsentov-menedjеров-srednego-zvena-iz-357473/>
2. *Rotman D.* How technology is destroying jobs //Technology Review. — 2013. — Т. 16. — №. 4. — С. 28-35.
3. *Graeber D.* On the phenomenon of bullshit jobs: A work rant //Strike! Magazine. — 2013. — Т. 3. — С. 10-11.
4. *Kalimoldayev M. N. Pak I. T., Baipakbayeva S. T., Mun G. A., Shaltykova D. B., Suleimenov I. E.* Methodological basis for the development strategy of the artificial intelligence systems in the Republic of Kazakhstan in the message of the President of the Republic of Kazakhstan // News of NAS

of RK. Series of geology and technical sciences. — 2018. — V. 5. — № 431. — P. 47 — 54.

5. *Калимолдаев М. Н., Пак И. Т., Мун Г. А., Витулёва Е. С., Матрасулова Д. К., Сулейменов И. Э.* Искусственный интеллект, учение о ноосфере и... путь к бессмертию — Алматы: ТОО «Полиграфкомбинат», 272 с.
6. *Калимолдаев М. Н., Мун Г. А., Пак И. Т., Кабдушев Ш. Б., Байпакаева С. Т., Витулёва Е. С., Сулейменов И. Э.* Альтернативная энергетика, искусственный интеллект и проблема консолидации науки. Том 1 — 2019, А: Print Express. — 318 с.
7. *Baudet T.* The significance of borders: why representative government and the rule of law require nation states. — Martinus Nijhoff Publishers, 2012.
8. *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война //М.: Институт социально-политических исследований АСН. — 1999. — Т. 444.
9. *Алексеева И. Ю.* Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе //Информационное общество. — 2001. — №. 2. — С. 5-9.
10. *Зверева Г. И.* 1990-е: Запомнить и... забыть //Отечественные записки. — 2008. — Т. 44. — №. 5. — С. 152-171.
11. *Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Седлакова З. З., Мун Г. А.* История и философия науки. — А: Изд-во КазНУ, — 2018. — 406 с. ISBN 978-601-04-3614-5

УДК 32. 323. 2:32. 019. 51

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГЕРСТВА

ETHICAL PRINCIPLES OF POLITICAL BLOGGING

Билыева И. И., ассистент кафедры философии и социальных наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Ялта
Bilyaeva I. I., assistant of the Department of Philosophy and Social Sciences at the Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Ключевые слова: блогер, политический блогер, этические принципы, информационно-коммуникационная деятельность, политическая коммуникация, информационное общество, Интернет.

Keywords: blogger, political blogging, ethical principles, information and communication activities, political communication, information society, Internet.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сети «Интернет») и создание на ее основе новой формы медиа способствуют становлению блогерской информационно-коммуникационной деятельности в целом и политического блогерства в частности. В государственных нормативно-правовых актах понятие «блогер» обозначено как «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет» [6, с. 5]. В зависимости от социальной сферы деятельности и тематической направленности блогерства как сами непосредственные участники-блогеры, так и исследователи, разделяют их информационно-коммуникационную деятельность на виды, в числе которых и находится политическое блогерство.

Определенная тематическая направленность информационно-коммуникационной деятельности блогерства/ политического блогерства как пользователей-коммуникаторов является синтезом объективной социальной реальности с личным внутренним мироощущением как их самих, так и их пользователей-читателей/слушателей/зрителей сети «Интернет». В своей информационно-коммуникационной деятельности блогер/политический блогер заинтересован привлечь, удержать и приумножить количество пользователей-читателей/слушателей/зрителей на свой сайт и/или страницу в сети «Интернет». Для достижения поставленных целей блогер/политической блогер вынужден придерживаться в своей информационно-коммуникационной деятельности социокультурных норм характерных для жизнедеятельности современного общества.

Информационно-коммуникационная деятельность блогеров/ политических блогеров в социокультурном пространстве страны регламентирована Ст. 10 «Особенности распространения блогером общедоступной информации», Федеральным законом от 05. 05. 2014 №97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельными законодательными актами Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [6, с. 5]. Соблюдения данного закона предусматривает их *обязанности*, вплоть до уголовной, административной или иной ответственности: не разглашать государственные тайны; не допускать использование своих ресурсов в целях нанесения материального, физического и морально-нравственного ущерба жизнедеятельности личности, общества и государства; размещение только достоверной информации; следование запретам

и ограничениям, предусмотренным в законодательных нормативно-правовых актах страны о проведении референдума и выборах; следование нормативно-правовым требованиям распространения массовой информации [6, с. 5-6].

Кроме предусмотренных обязанностей в своей информационно-коммуникационной деятельности блогеры имеют *права* и свободы в поиске, получении, передаче и распространении информации, рекламы, личных суждений и оценки [6, с. 7]. Таким образом, на законодательном уровне блогерская информационно-коммуникационная деятельность признана отдельным социокультурным феноменом массовой коммуникации со своими правами и обязанностями. По нашему мнению, выше указанные правовые нормы, как часть объективной социальной реальности формируют основные базовые элементы этических принципов информационно-коммуникационной деятельности блогеров/политических блогеров. Например, таких как: не причинять вред жизнедеятельности личности, обществу, государству; не использовать манипулятивные приемы по сокрытию, фальсификации или публикации недостоверной информации; проявлять терпимость по отношению к признакам пола, возраста, религии, национального и социального происхождения, политических предпочтений и т. д.

Этические принципы различных сфер деятельности разрабатывают и утверждают на съездах саморегулирующие органы профессиональных сообществ разных уровней от международного до регионального. Для примера приведем ряд документов, принятых на съездах профессионального сообщества традиционных средств массовой информации и коммуникации (далее — СМИК): Декларация принципов поведения журналиста Международной Федерации Журналистов 1954 г. [2]; Декларация Московской хартии журналистов 1994 г. [1]; Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России 1994 г. [4]; Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов 1996 г. [5] и т. д.

Задекларированные морально-нравственные профессиональные отношения традиционных СМИК на информационно-коммуникационную деятельность новых медиа в образе блогеров/политических блогеров соответственно, не распространяются. По нашему мнению, причины данного явления самые разнообразные. Во-первых, это разные социокультурные формы, несмотря на то что, как первые, так и вторые занимаются информационно-коммуникационной деятельностью. Во-вторых, разные временные рамки их возникновения. В-третьих, разные технологические предпосылки их развития и т. д. Перспектива создания подобных документов для информационно-коммуникационной деятельности блогеров/политических бло-

геров очевидна, даже с учетом их массовой численности, сложности организации и согласовании.

Ради справедливости отметим, этические принципы профессиональной журналистики не массово, но активно используются в индивидуальном порядке информационно-коммуникационной деятельности блогерами и, особенно, политическими блогерами. Каждый самостоятельный блогер/политический блогер, который открыто действует под своим именем, демонстрирует на своих сайтах и/или страницах сайта в сети «Интернет» этическую принципиальность, характерную для профессиональной журналистики. При этом заметим, что не все блогеры/политические блогеры являются профессиональными журналистами. Блогером/ политическим блогером может стать человек с опытом в любой сфере профессиональной деятельности, при наличии интереса, цели и мотивации, от служащего в государственных органах власти до оппозиции с самими разносторонними идеологическими взглядами. Политическое блогерство «рассматривается большинством субъектов политики именно как среда передачи информации, как репрезентативное поле, в котором субъекты политики пытаются сконструировать идеальный имидж, который должен помочь им в борьбе за власть и влияние в офлайн» [3, с. 71]. Добавим, что на сегодня политическое блогерство является открытой коммуникацией без посредников, репрезентативным инструментом личных целей, задач и методов их достижения, публичной демонстрацией своих лучших человеческих качеств и новой политической технологией в борьбе за власть.

Учитывая все выше сказанное, блогер/политический блогер желающий включиться в борьбу за власть, прежде всего должен четко продемонстрировать свои качества, такие как: открытость, объективность, независимость, беспристрастность, честность, искренность, ответственность, концептуальность и последовательность своих действий, и т. д. Придерживаясь правовых норм и этических принципов в своей информационно-коммуникационной деятельности блогеры/политические блогеры создают возможность для увеличения количества подписчиков, пользователей-читателей/слушателей/зрителей сети «Интернет», или так называемого «социального капитала».

В случае нарушения блогерами/политическими блогерами правовых норм и/или этических принципов, их информационно-коммуникационная деятельность дискредитируется соответствующими государственными органами и/или обществом в зависимости от характера нарушений. В соответствии с этим возможность ее продолжения становится затруднительной. Поэтому, личная заинтересованность блогеров в применении этических принципов профессиональной

журналистики, в своей информационно-коммуникационной деятельности свидетельствует об их ответственном подходе и профессиональном росте.

Таким образом, блогеры/политические блогеры в своей информационно-коммуникационной деятельности следуют правовым нормам и общим принципам деятельности традиционных СМИК в синтезе с демонстрацией лучших морально-нравственных качеств человека. В целом, формирование этических принципов деятельности блогерства/политического блогерства не стихийно, а является ответом на морально-нравственные требования общества и, соответственно, является необходимым их структурно-функциональным элементом.

Литература

1. Декларация Московской хартии журналистов (4 февраля 1994 г.) // Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс] / <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/758-moskovskaya-khartiya-zhurnalistov> (дата обращения: 13. 05. 2019).
2. Декларация принципов поведения журналиста Международной Федерации Журналистов (25-28 апреля 1954 г.) // Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс] / <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/754-deklaratsiya-printsipov-povedeniya-zhurnalista-mezhdunarodnoj-federatsii-zhurnalistov> (дата обращения: 13. 05. 2019).
3. Квятковский К. О., Русакова О. Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы / К. О. Квятковский, О. Ф. Русакова // Социум и власть. № 3(31). 2011. — С. 70-74.
4. Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России (23 июня 1994 г.) // Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс] / <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-grossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 13. 05. 2019).
5. Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов (сентябрь 1996 г.) // Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс] / <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/1901-kodeks-eticheskikh-norm-obshchestva-professionalnykh-zhurnalistov> (дата обращения: 13. 05. 2019).
6. Федеральный закон от 05. 05. 2014 №97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201405050068?index=4&rangeSize=1> (дата обращения: 23. 05. 2019).

УДК 177:631.1

**ПИТАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ****FOOD AS AN INSTRUMENT OF GLOBAL
GOVERNANCE HUMANITY**

Перегуд А. О., аспирант кафедры растениеводства
Академии биоресурсов и природопользования
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Peregud A. O., post-graduate student of the Department
of plant growing Academy of Bioresources and
Environmental Management (Academic Unit)
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В данной статье раскрыты пути влияния посредством продовольствия на человечество и роль сельского хозяйства в решении данной проблемы.

Annotation. This article reveals the ways of influence through food on humanity and the role of agriculture in solving this problem.

Ключевые слова: продовольствие, управление человечеством, качество продуктов, транс национальные корпорации.

Keywords: food, human management, product quality, TRANS national corporations.

Актуальность темы заключается в том, что в XXI вв. в результате увеличения численности населения одно из центральных мест среди глобальных проблем человечества занимает продовольственная. Возникает необходимость изучения влияния продовольствия как одного из инструментов управления населением планеты.

Цель написания статьи — доказать, что, продовольствие является одним из инструментов в управлении человечеством, несет угрозу для современного поколения и потомков, определить пути решения продовольственной проблемы.

Для поставленной цели предполагается решение следующих задач: сбор, анализ и осмысление информации по заданной теме; определение роли сельского хозяйства в решении продовольственной проблемы мира.

Данные Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН говорят о том, что население мира составляет почти 7, 8 миллиарда человек. Это означает, что за последние двенадцать лет мир добавил приблизительно один миллиард жителей. Шестьдесят

процентов людей в мире живут в Азии (4, 5 млрд), 17 процентов — в Африке (1, 3 млрд). Китай (1, 4 млрд) и Индия (1, 3 млрд) остаются двумя самыми густонаселенными странами мира [11].

Вопрос обеспечения растущего населения качественными продуктами питания остается одним из основных для всех стран с развивающейся экономикой, так как согласно выше представленной информации они наиболее густонаселенные. Согласно нынешним оценкам, ежегодно население мира увеличивается примерно на 83 миллиона человек или на 1, 1 процент в год. Даже если предположить, что уровень рождаемости будет продолжать снижаться, ожидается, что население мира достигнет 8, 6 миллиарда человек в 2030 году, 9, 8 миллиарда человек в 2050 году и 11, 2 миллиарда человек в 2100 году, согласно среднесрочному прогнозу [11].

Тем не менее, согласно исследованиям, проведенных Продовольственной сельскохозяйственной организацией ООН, наша Планета способна прокормить растущее население [4]. Но производство не обеспечивается там, где необходимо. Потому, на протяжении последних трех лет число голодающих на Земле растет [12].

Современное понимание отношения человека к пище отражается в пирамиде человеческих потребностей А. Г. Маслоу, которая являет собой иерархически представленные потребности человека по мере их значимости. Фундаментом являются физиологические потребности: необходимость в воздухе, воде, сне и еде. А. Маслоу утверждал, что именно физиологические потребности являются основой всех дальнейших желаний человека, без которых он не может двигаться далее [9].

Итак, один из способов управления человечеством — это наличие продовольствия. Абсолютное число недоедающих людей, то есть людей, страдающих от хронической нехватки продовольствия, возросло почти до 821 миллион в 2017, в сравнении с 2016 годом — 804 миллиона. Доля недоедающих людей на начало 2018 года составила 10, 9%. Ситуация ухудшается в Южной Америке и большинстве регионов Африки. В 2017 году 7, 5% детей в возрасте до пяти лет — 50, 5 млн — страдали от истощения. При этом в России не доедает около 9%. Дефицит продовольствия — это основная угроза здоровью населению планеты, опережающая в этом отношении туберкулез, малярию и СПИД [12]. Подсчитано, что человечеству необходимо производить около 3 млрд. т зерна ежегодно, а производится только 2, 1 млрд. т [8].

Выше приведенная статистика подтверждает, что огромное количество людей в мире могут быть зависимыми, а следовательно, управляемыми. Страны с дефицитом продовольствия прибегают к его импорту, качество и количество которого может быть сомнитель-

ным. Страны-импортеры, устанавливая фито санитарный контроль, определяют качество ввозимой продукции. Так власти, установив требования, допуская ввоз менее качественной продукции, влияют на здоровье населения всей страны. Следует отметить, что вся ввозимая продукция имеет больший срок годности, соответственно, имеет качество ниже.

Глобальная продовольственная проблема мира проявляется двояко: с одной стороны, когда одни страны не доедают, тогда как другие вынуждены бороться с переизбытком продуктов питания, избыточным потреблением и ожирением. Это происходит вследствие нескольких причин, первая из которых — это отсутствие здорового питания. Такая тенденция наблюдается в странах с высоким уровнем дохода среди бедного населения. Свежие, качественные продукты стоят дорого, в таком случае люди выбирают продукты подешевле, которые часто содержат много калорий и мало питательных веществ [12, 7]. Часто бедные слои населения страдают избыточным весом в следствии потребления дешевой, не качественной еды, в то же время богатые выглядят стройным и подтянутыми.

Вторая причина — активная пропаганда нездорового питания производителей «фаст-фуда», таких как МакДональдс. Изучение маркетинговой стратегии его конкурентов KFC, обнаруживает, что для получения прибыли эти организации ни остановятся не перед чем. Последние для приготовления своей продукции используют только курицу, дабы привлечь сегмент покупателей мусульманского вероисповедания, которые не употребляют в пищу свинину.

Говоря о качестве продукции, следует остановиться на замещении животных жиров на растительные, например, пальмовое масло. Исследование *Palm oil and the heart: a review*, проведенное в 2015 году по стандартам ВОЗ, опубликованное в *World Journal of Cardiology*, раскрыло негативное влияние насыщенных жиров на риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний [14]. Известен еще ряд исследований, например, проведенных в университете Огайо, доказавших негативное влияние пальмового масла на липиды крови [2].

Рассматривая рынок продуктов питания мира, следует отметить, что его контролирует около 10 транснациональных корпораций (далее ТНК) [3]. Соответственно, поставляя продовольствие, они качеством своей продукции глобально влияют на здоровье населения Земли. Для примера стоит упомянуть так называемый «меламиновый скандал» в Китае, когда в продукции одной из таких компаний были найдены следы меламин. Вследствие чего заболело 54 тысячи детей в одном только Китае [1].

Небезызвестное объединение Nestlé вообще в 70-80-х годах имело косвенное влияние на количество населения Африки. В качестве гуманитарной помощи поставлялись детские смеси, заменяющие грудное молоко. Детей в более раннем возрасте отлучали от груди, ввиду удобства такого питания (ребенок был менее зависим от матери, и она имела возможность работать). Разведение смеси в грязной воде из-за недостатка питьевых источников, вызывало более частые заболевания и смерть младенцев.

Возникает вопрос: а какова роль сельского хозяйства в решении продовольственной проблемы?

Дискуссии по поводу решения продовольственной проблемы состоят в том, каким путем увеличить производство качественной продукции сельского хозяйства. Существует два пути: экстенсивный и интенсивный. Если привести пример из растениеводства, то суть первого заключается в расширении площадей высеваемых культур и соответственно получения большего валового сбора. Второй же путь возможен только вследствие повышения сбора с той же площади, другими словами, повышения урожайности за счет применения удобрений, новых высокоурожайных сортов, пестицидов, трансгенных семян, современной техники и т. д. Именно таким путем и пошло большинство развитых стран. Этот переломный момент имеет историческое название «Зеленая революция» [10].

Тем не менее «Зеленая революция» имеет ряд отрицательных сторон. Интенсификация производства требует все нового и нового вовлечения ресурсов. Согласно данным Продовольственной сельскохозяйственной организацией ООН [13], ресурсная база сельского хозяйства истощается, а именно, уже ощутим дефицит подземных вод, используемых для орошения, загрязнение окружающей среды. Д. Зерзан, философ-примитивист, утверждал в своей работе «Агрокультура: демонический двигатель цивилизации», что зеленая революция усилила зависимость мира от капиталоемкого производства, уничтожив при этом прежние земледельческие общины. При таком ведении хозяйства, по словам автора, у человечества появилась повышенная потребность в использовании нефтепродуктов. Деятельность человечества нанесла непоправимый вред природе [6].

И тем не менее, чтобы прокормить растущее количество людей на Земле, по мнению специалистов Продовольственной сельскохозяйственной организацией ООН, необходимо увеличить производство продуктов питания на 60% к 2050 году [13]. Также следует учесть, что по прогнозам ООН питание человечества станет существенно калорийнее: если в 2015 г. на одного жителя Земли в среднем приходилось по 2950 ккал в день, то к 2030 г. эта цифра вырастет до 3040 ккал,

а к 2050 г. — до 3130 ккал, указывал исследователь Джон Кирни из Дублинского института технологий в статье, опубликованной Лондонским королевским обществом [5]. В Продовольственной сельскохозяйственной организацией ООН считают, что это возможно только при использовании экологических ресурсосберегающих технологий ведения сельского хозяйства [13]. При этом другое мнение имеют компании по производству трансгенных организмов.

Согласно ряду исследований, наша планета способна накормить растущее население. Проблема состоит в неправильно перераспределении производимой продукции.

В свете представленной выше информации становится очевидным, что продовольственная проблема является собой не только дефицит продуктов питания, голод. Она более многогранна и заключается также в употреблении некачественной еды, культуре питания человека в XXI веке. Также следует отметить огромное влияние на питание людей всего мира транснациональных корпораций по производству продуктов питания.

Выводы.

1. Население планеты растет, при этом число недоедающих составляет 821 млн. человек. Обеспечение голодающих стран продовольствием дает возможность управлять количеством и здоровьем населения данных территорий.

2. Рынок продовольствия контролируют около 10 транснациональных корпораций, которые способны управлять качеством продукции практически всего Мира и этим влиять на человечество в целом.

3. Отсутствие здорового питания, избыток пищи приводят к ожирению и другим проблемам со здоровьем, чему способствуют производители «фаст-фуда». «Быстрая еда» становится пагубным для здоровья людей стилем жизни в развитых странах.

4. Сельское хозяйство не способно решить продовольственную проблему. Интенсификация приводит к негативному влиянию на экологию, биологическую природу человека, истощению ресурсов земли.

5. Продовольствие есть и будет одним из способов управления человечеством, что и определит перспективы развития стран в XXI веке.

6. Одной из главных задач производителей мира состоит в переходе на экологические ресурсосберегающие технологии.

Литература

1. Безопасность пищевых продуктов. ВОЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/food-safety> (дата обращения: 13. 04. 2019).
2. Влияние пальмового масла с различными микроэлементами на липиды крови [Электронный ресурс]. — Режим доступа: clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT02922062 (дата обращения: 13. 04. 2019)
3. Даниэль С. Walking the Talk [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oxfam.org/en/research/walking-talk> (дата обращения: 14. 04. 2019).
4. Декларация всемирного саммита по продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fao.org/search/en/?cx=018170620143701104933%3Aqq82jsfba7w&q=2009+самит+в+риме&cof=FORID%3A9&siteurl=www.fao.org%2Fhome%2Fen%2F&ref=yandex.ru%2F&ss=9512j4467542j31> (дата обращения: 16. 03. 2019).
5. Задача: как накормить человечество? Ведомости &. Номер 13 от 17 октября 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/10/13/737793-zadacha-nakormit> (дата обращения: 23. 03. 2019).
6. Зерзан Д. Агрокультура: демонический двигатель цивилизации / Джон Зерзан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svonz.lenin.ru/articles/Zerzan-Agriculture.html> (дата обращения: 06. 04. 2019).
7. Зиявитдинова Н. М. Глобальная продовольственная проблема и пути ее решения // Молодой ученый. — 2016. — №13. — С. 424-426. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/117/32271/> (дата обращения: 23. 03. 2019).
8. Как прокормить население мира в 2050 г. — Рим: фФАО, 2009. — 30 с. — Режим доступа: http://www.fao.org/fileadmin/templates/wsfs/docs/synthesis_papers/how_to_feed_the_world_in_2050_ru.pdf (дата обращения: 23. 03. 2019).
9. Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. М.: Питер, 2013.
10. Норман Э. Борлоуг. «Зеленая революция»: вчера, сегодня и завтра // Экология и жизнь. — 2000. — № 4.
11. Перспективы Мирового Населения: Обзор 2017 Года, Онлайн-Демографические Профили [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/> (дата обращения: 30. 03. 2019)
12. Продовольственная безопасность и питание во всем мире [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fao.org/state-of-food-security-nutrition/en/> (дата обращения: 30. 03. 2019).

13. Расширение внедрения экосистемного подхода в сельском хозяйстве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fao.org/news/story/ru/item/380091/icode/> (дата обращения: 13. 04. 2019)
14. Osaretin J Odi, Sandra Ofori, and Omosivie Maduka. Palm oil and the heart: A review (англ.) // World Journal of Cardiology. — 2015.

УДК 172:070. 11:614. 25

**РАБОТА ВРАЧА: СЛУЖЕНИЕ ИЛИ УСЛУГА?
(К ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ)**

**DOCTOR'S WORK: MINISTRY OR SERVICE?
(TO TRANSFORMATION
OF ETHICAL PRINCIPLES)**

Kot T. O., аспирант 1 года обучения кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии и общей врачебной практики (семейной медицины) Медицинской академии имени С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Kot T. O., the 1st year post-graduate student Department of Therapy, Gastroenterology, Cardiology and General Medical Practice (Family Medicine) S. I. Georgievsky Medical Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена анализу причин трансформации этических принципов в медицине. Автор приходит к выводу, что изменения врачебной этики продиктованы жизненной необходимостью.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the reasons for the transformation of ethical principles in the doctor's work. The author concludes that changes in medical ethics are dictated by vital necessity.

Ключевые слова: трансформация, врачебная этика, медицинская услуга, христианские ценности, православие.

Keywords: transformation, medical ethics, medical service, Christian values, Orthodoxy.

Модель отношений врач-пациент за время существования медицины претерпела ряд изменений, пройдя путь от библейского правила «не навреди» до законодательно утвержденных норм оказания медицинской помощи. Как известно, раньше работа врача считалась служением, однако сегодня можно говорить о том, что произошла трансформация этических принципов в отечественной медицине. На сегодняшний день законодательно утверждено понятие «медицин-

ской услуги» (Федеральный закон Российской Федерации №323-ФЗ) [4], оказание которой требует оплаты за счет бюджетных ассигнований, средств страховой компании или самого больного. Следовательно, юридически закреплена трансформация этических принципов врача: переход к контрактной модели взаимоотношений «врач-пациент» (по Р. Витчу) [1, с. 97]. Контрактная модель представляет собой отношения между врачом как поставщиком медицинской услуги и пациентом как деловое соглашение, управляемое в соответствии с контрактом или свободным соглашением, заключаемым на основе вознаграждения.

Система стандартизации терапевтических подходов и регламентирование действий врача сменили принцип индивидуализированного лечения, характерный для медицины Советского Союза.

Принципиально важным моментом, указывающим на этическую трансформацию в работе врача, является возникновение правового регулирования принципа уважения автономии пациента. Рассмотрим подробно содержание данного принципа. На основании полученного права больной приобрел возможность знать правду о своем заболевании, свободно выбирать врача и способ лечения. Так, если раньше медицинский работник имел право скрывать от пациента его диагноз «во благо», то сегодня данное поведение врача расценивается юридически как нарушение права пациента на правду. С одной стороны, этот принцип является основополагающим, поскольку, согласно этике И. Канта, уважение автономии проистекает из признания того, что каждый человек есть безусловная ценность и, следовательно, он в состоянии сам определить собственную судьбу. С другой стороны, он противоречит базовым христианским ценностям, предоставляя больному в некоторых странах воспользоваться правом на активную эвтаназию.

Необходимо подчеркнуть, что современный курс на акцепцию европейского законодательства приводит к возникновению как юридического, так и морально-этического неприятия его в отечественной медицине. Зададимся вопросом, в чем причина такого отторжения западноевропейских ценностей?

В ходе проведенного анализа нами обнаружено, что одной из причин, по которой медицинская этика в России формировалась обособленно от европейской, является тесная связь медицины с религией. Как известно, в 1054 году произошел раскол христианской церкви: доминирующей религией в России с этого момента становится православие, в Европе — католицизм, при этом трансформация христианских традиций совместно с наукой сплелась в особое знание в Европе. Согласимся с философом И. А. Ильиным, отмечавшим, что «глубокие

традиции обоих исповеданий, православия и католицизма, противоположны и несовместимы» [2, с. 421-422].

Очень верным, на наш взгляд, является отождествление католичества с рациональной мыслью, а православия с любовью. В основе этой концепции лежат догматические различия двух церквей: святой дух в римо-католицизме трактуется как любовь (связь) между богом-отцом и богом-сыном, между богом-отцом и людьми, в то время как в православии любовь есть общая энергия всех трех лиц Святой Троицы. Эманацию, однако, можно понять и как любовь, проистекающую от бога-духа святого, тогда как бог-сын является сосредоточием духа-логоса. Бог-сын есть сознание, логос бытия, бог-дух святой — это любовь и животворящее начало [5, с. 86-87]. Действительно, доминирующим учением в европейской философии становится учение о Логосе — слове, разуме мира и рациональности. Напротив, в православии продолжает сохраняться представление о святом духе как проявлении всеобщей любви. Таким образом, акцентация логоса отличает «франков», католиков от чуть большего приоритета любви у византийцев» [5, с. 87]. Как следствие, для русских религиозных мыслителей рациональность научного знания Европы выступает в качестве «первородного греха», победы «мертвого рацио» над «живой верой» [3, с. 14].

Указанное расхождение в философско-богословском мышлении привело к тому, что в России сформировалась особая русская религиозная философия, повлиявшая, в том числе, и на формирование этических принципов в медицине. Мы согласны с мнением И. А. Ильина, отмечавшего, что «дух христианской любви проник и в русскую медицину, с ее духом служения, бескорыстия, интуитивно-целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему» [2, с. 437-438]. Однако описанная связь медицины с православным учением значительно ослабла в советский период, что связано с насаждением антирелигиозных взглядов в обществе.

На сегодняшний день государственная политика в сфере здравоохранения направлена на внедрение проевропейского законодательства в сфере регулирования взаимоотношений между врачом и пациентом, что привело к трансформации этических принципов. В литературе данный переход рассматривается в аспекте антропологического кризиса медицины, однако, можно ли говорить о сугубо негативном характере данной трансформации? На наш взгляд, данная стратегия имеет как положительные, так и отрицательные моменты.

С одной стороны, этика русского врача имеет ряд отличий от европейской системы ценностей из-за исторически сложившейся тесной связи с православным христианским учением. С другой стороны,

мы констатируем, что в современной российской медицине связь с религией ослабела.

Зададимся вопросом: в чем причины изменения этики русского врача? Во-первых, этика отечественного врача изменилась по причине коммерциализации сферы оказания медицинских услуг. Во-вторых, внедрение схем лечения, основанных на результатах доказательной медицины, привело к четкому соблюдению алгоритмов диагностики и лечения, а значит, упразднению индивидуализированного подхода к пациенту. Медицина, поставленная на поток, ставит перед собой цель помочь большинству, отсекая клинические случаи, выходящие за рамки стандартов. С одной стороны, это приводит к улучшению статистики, с другой — к формализации отношений между врачом и больным.

Однако, на наш взгляд, все же главной причиной трансформации врачебной этики является то, что изменилась сама медицина. Мы не можем отрицать тот факт, что желание помочь каждому больному в реальности неосуществимо. Врачу приходится производить сортировку больных, определяя приоритетные клинические случаи. Кроме этого, бескорыстное служение не может покрыть текущие расходы на диагностику и лечение заболеваний. Это приводит нас к мысли, что возникновение контрактной модели взаимоотношения между врачом и пациентом, когда каждая медицинская услуга оплачивается, продиктовано жизненной необходимостью.

Улучшается информированность пациентов, их социальная защищенность. Имеются данные, что в США 90% врачей хотя бы однократно подвергались судебному разбирательству. В этом причины закрепления в законодательстве принципа соблюдения прав и свобод человека и правовой защиты интересов врача и больного.

Поэтому стоит ли говорить о том, что современный врач просто не может целиком и полностью отдавать себя служению больному? Наличие увеличенной нагрузки, законодательно закрепленной юридической ответственности, работа в жестких рамках стандартов и рекомендаций в условиях страховой медицины, вынужденная экономия эмоций при тотальном самопожертвовании рано или поздно приведет к феномену эмоционального выгорания.

Таким образом, мы считаем, что произошедшая трансформация этических принципов в отечественной медицине на современном этапе является необходимым условием эффективного функционирования системы здравоохранения. При этом, законодательно утвержденные правила взаимодействия врача и больного направлены на защиту интересов как врача, так и пациента.

Литература

1. *Бартко А. Н.* Биомедицинская этика: теория, принципы, проблемы. Ч. 2. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики [Текст] / А. Н. Бартко, Е. П. Михаловска-Карлова. — М.: ММСИ, 1999. — 275 с.
2. *Ильин И. А.* Путь Православия: собр. соч. в 10 т. Т. 2. Кн. 1. О православии и католичестве [Текст] / И. А. Ильин. — М.: Русская книга, 1993. — 496 с.
3. *Носкова Л. В.* Проблема логоса в историко-философской традиции / Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2009. — № 5. — С. 12-17.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 21. 11. 2011 N 323-ФЗ, ред. от 06. 03. 2019 — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 06. 03. 2019).
5. *Шоркин А. Д.* Схемы универсумов в истории культуры: Опыт структурной культурологии [Текст] / А. Д. Шоркин. — Симферополь, 1996. — 216 с.

POST SCRIPTUM

УДК 316. 6

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ КРЫМА

FEATURES OF POLITICAL AND CIVIL MARGINALITY OF CRIMEAN YOUTH

Черная С. Е., аспирант факультета психологии
Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского
Chernaya S. Y., graduate student of faculty
of psychology, Simferopol,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Я и мой друг Василий — политические маргиналы. В море политики мы не чувствуем себя как рыбы в воде. Отнюдь. Скорее, как утлый баркас «без руля и без ветрил», который наклоняют и немилосердно мордуют могучие волны, заставляя вздрагивать от каждого удара и заваливаться то на один, то на другой борт. Так же, как этот дурной баркас, мы с Васей ничего не понимаем в политике своими деревянными умишками.

Вот, например, идеологические основания политических партий и движений. Недавно как раз обсуждали. Я сказала, что идеология — это система ценностей. То есть, некий ориентир в жизни. В этом смысле, мне симпатичен коммунизм. Именно, не социализм: от каждого по возможностям — каждому по труду. Как-то так. А вот коммунизм: от каждого по возможностям — каждому по потребностям. Вот, действительно, замечательно. Это даже больше чем справедливость. Выше себя не прыгнешь. Делаешь что можешь, а получаешь сколько нужно. И, главное, это фактически не противоречит евангельскому: делай что должно и пусть будет что будет. Вот, делаю, что должно и так, как могу. А беру сколько нужно. Но это — как идея. В то же время, в процессе реализации этой идеологии что-то пошло не так. Причем, многими, если не большинством, это признается. А идея жива и вспыхивает кое-где время от времени.

Василию близка идея социал-демократическая, т. е. идея справедливости. Она же протестантская максима, типа: живешь благородно, работаешь, стараешься, бедным помогаешь — и будет тебе спасение

души. А если ленишься и отлыниваешь, то и воздастся тебе соответственно. При этом Василий ссылается почему-то на Высоцкого:

...Стремилась ввысь душа твоя
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья
Останешься свиньей.
...Но, если туп, как дерево — родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.

Он считает, что это принципы социал-демократии, хотя Высоцкий об этом почему-то не упомянул.

Иное дело наш общий друг Петр. Тот, напротив, крайне правый — так он себя называет. И при этом — патриот. Чуть было мы с ним не расплевались насовсем, когда он назвал чернокожего негром. А как, спрашивает? Он же негр. А если, говорит, он негр не из Африки и не американец, то какой же он афроамериканец? Тут уж мы с Василием оказались в логическом тупике. А когда его называешь расистом — обижается.

Кстати, на выборы мы не ходим, независимо от наших глубоких «политических» расхождений. А кого выбирать? А Петя знает и не сомневается.

Как-то один заезжий преподаватель рассказал анекдот советского времени: «Стоит грузин и держит в руках огромный арбуз. На рынке. И кричит: Выбирайте». Смешно, да... Кстати, он же назвал нас — крымскую молодежь, маргиналами. Сначала обиделись, потому что знаем, бомжи, например, это точно маргиналы. Потом, как всегда, погуляли и пришло понимание. Не все так просто.

Возможна типология.

1. Мы — **устранившиеся**, но на равном расстоянии (отстоянии) от всех.

2. Есть **колеблющиеся** — примыкающие, но разочаровавшиеся (или в поиске большей выгоды) — отмыкающие. Так и мыкаются. Туда— сюда.

3. Есть еще **протестующие**. Этим — главное не попасть в мейнстрим.

Они упиваются своей отдельностью от других, необычностью. И тайне мечтают о том, чтобы возглавить. Какую-нибудь **СОВЕРШЕННО НОВУЮ** политическую силу.

А кто же такие не маргиналы? Они — **прилипшие** к какой-то политической халве. К той или иной. И там, в этой сладкой субстанции существуют как орешки. Как мухи на мёд. Или не на мёд.

Так что, не все так плохо.

Но это вообще... Непростые философские размышления...

А как обстоит дело с политической маргинальностью у молодежи Крыма? Так же, как иногда определяют статус в соцсетях: все сложно. Здесь добавляется еще одна переменная: гражданская идентичность.

Училка в школе задает тему сочинения моей сестре и всему ее восьмому Б. Текст такой:

«А к следующему уроку вы напишете сочинение на тему: Почему я люблю свою Родину?»

Обратите внимание, ребята, что наша Родина — Россия. Это наша родная страна, в которой вы родились и выросли счастливыми и успешными».

Да, но 90% детей в этом классе родились 14 лет назад в Украине. Так и записано. И мы совсем не знаем, как к смене государства относятся в их семье, что говорят, что обсуждают?

Впрочем, мы с Василием и Петром тоже родились в украинском Крыму 24-27 лет назад. Я и Вася постоянно спорим: наши гражданские идентичности — украинская и российская — находятся в сложных взаимоотношениях. Они напоминают соотношение фигуры и фона в гештальт-психологии. То украинская становится фигурой: отчетливой, фактурной, близкой... Тогда российская становится фоном: размытая, глуховатая и отдаленная. Бывает, что фигура и фон меняются местами. Кстати, как в одном, так и в другом случае, отношение к фигуре и фону может быть позитивное, негативное, смешанное. Случается, что гражданские идентичности переплетены и перепутаны, они мерцают и флуктуируют...

Да, все сложно. Может показаться, что жизнь политического и, тем более, гражданского маргинала ужасна, а пребывание в состоянии фрустрации невыносимо. Но нет, у нас не так.

Во-первых, это состояние не всегда чувствуется и осознается. В жизни так много всего и разного, что рефлексии именно по этому поводу может и не быть. Во всяком случае, длительный период. Пока повод не появится. А появляется он, как правило, в контексте наших отношений с другими людьми, дружбы. Много чего распалось и относительно первого, и второго... что-то, точнее, кого-то приходится терять. Но ведь и по другим причинам тоже. Это всего лишь одна из причин. Не лучше и не хуже других...

Во-вторых, конечно, даже если нечто не осознается, то это не означает, что нет напряжения. Но в жизни столько разного напряжения. Нужно уметь его снимать. И делать это разными способами. Мы умеем.

В-третьих, есть и приятные моменты. Например, когда остро чувствуешь свою идентичность и целостность, приезжая в Киев. Или в Москву. Или в ситуации совпадения в этих переживаниях с друзьями.

А спорим мы в случае несовпадения, когда у Василия российская идентичность фигурой, а у меня — фоном. Или наоборот. То есть, здесь мы тоже маргиналы колеблющегося типа. Со стороны может показаться, что наши с друзьями жизни складываются как бы из разноцветных стеклышек — раскрашенных дней с короткими целями, с изменяющимися идентичностями в зависимости от того где находишься. Но наше мировоззрение меняется в зависимости от погруженности в окружение и ментальность, чувствуем ли мы себя в этом всем своими (и это очень хорошо), или чувствуем себя чужаками.

Опять же, иное дело Петр. Украинская идентичность и раньше у него как-то не сформировалась. Вообще не было у него никакой гражданской идентичности. Относительно государства и его политики он был или злобным, или индифферентным. А пять лет назад вроде как тумблер переключился и вуаля — мощная и несокрушимая российская идентичность. Наверное, дремала в нем как идентичность бабочки в закуклившейся гусенице... И, надо признать, как всякий определившийся человек, друг наш спокоен и уверен, во всяком случае, нет у него такой тревожности и напряжения. Он как будто точно знает, «что такое хорошо и что такое плохо». Мы с Василием трактовать «хорошо или плохо» стараемся, как правило, не ориентируясь на мораль или традиции: психологи в интернетах говорят, что в основе всего лежит не оценка, а понимание. А чтобы понимать, нужно анализировать не само событие или поступок, а то, что за ними: мотивы, намерения, переживания. И научиться реагировать на то, что в глубине, а не на поверхности. Если это знать, понимать, да еще и научиться применять, тогда то, что может казаться цветными стеклышками, бессмысленно и бессистемно разбросанными внутри клипа или даже разных клипов, становится фреской, а то и триптихом, как «Сад Наслаждений» у Босха. Мне кажется, что в каждом, хотя бы относительно завершенном фрагменте жизни, есть все три части этого триптиха... Но сейчас не об этом. Даже когда мы с Василием совпадаем и в таком единстве начинаем Петра троллить, то он, обычно, посмотрит на нас снисходительно, мол, ничего, придет время, повзрослеете, поумнеете и тогда, глядишь, уловите истину.

Разумеется, мы не кричим об этой нашей с Васей амбивалентности на каждом углу. Зачем? Это внутренняя проблема. Иногда приходится промолчать, а иногда — покивать. Кстати, конформизм, это тоже определенная форма маргинальности. Ты знаешь, что чувствуешь, но говоришь (или пишешь), что нужно, как бы зависая в безвоздушном

(и бездушном) пространстве между границами аутентичности и лицемерия. Что делать? Одним удается «...впасть как в ересь в невиданную простоту» и мягко упасть в какую-то сторону. Другим хотелось бы, да не получается. А третьи — выбирают разные формы бунта: от тихой фронды и мягкого саботажа, до бегства или радикализма.

Еще сложнее прогнозировать будущее:

- трансформацию нынешних маргиналов;
- изменение содержания и форм политической и гражданской маргинальности.

Но, в общем, неплохо, что об этом иногда хочется поразмыслить. Или поразмышлять?

А что скажете вы?

ГЕНИЙ МЕСТА

Казина Нина Викторовна
г. Симферополь

Эссе «Гений места» получило серебряную медаль в номинации «Чеховские мотивы» на X Международном фестивале «Чеховская осень»

Ника села за рояль, открыла крышку и прикоснулась пальцами к клавиатуре. В пустом зале с приглушенным освещением зазвучала музыка сфер. Адажио из фа-диез-минорного концерта Моцарта, одного из любимых ее произведений, кажется, открывает возможность прикоснуться к Гармонии Небес. Стены зала постепенно становятся прозрачными, раздвигаются, расширяясь до космической беспредельности. Погружаясь в лучезарное бытие музыки Моцарта, начинаешь осознавать закономерность философии древних греков, утверждавших, что земная инструментальная музыка является лишь миниатюрой музыки Вселенной. Звуки стихли, и зал приобрел прежнее очертания. Возвращаясь в реальность, Ника прочитала название рояля — Yamaha. «Да этот рояль совсем новый», — ей показалось, что она первая прикасается к его клавиатуре. «А в гостиной Белой дачи стоит пианино фирмы «Смит и Вегенер», — пронеслось в ее голове. Ника хотела закрыть крышку. «Она закрывается сама, автоматически», — прозвучал сзади женский голос. Мария Филипповна, смотритель зала Литературной экспозиции Дома-музея А. П. Чехова в Ялте, как будто отвечая на мысли Ники, сказала, что рояль подарен

Международным телекинофорумом «Вместе» в 2012 году, а первыми исполнителями были артисты Большого театра.

Она выборочно начинает показывать Нике стенды экспозиции, в которых отражена вся жизнь и творчество Антона Павловича — Таганрог, Москва, Сахалин, Мелихово — всего пятьдесят четыре, но большинство их посвящено Ялте. «Genius loci», — подумала Ника, что в переводе с латинского — «гений локуса» или «гений места», обозначало в римской мифологии духа-покровителя определенного места. В современном понимании — это творец, чья жизнь, работа, произведения связаны с местом проживания. Определенно, связь Чехова с ялтинским местом его обитания очевидна и загадочна — это гений, оберегающий неповторимую атмосферу дома, усадьбы, города. Каким-то таинственным образом, возможно по закону сохранения энергии, происходил жизнедеятельный взаимообмен между гением и локусом: Ялта, будучи целительным эликсиром для Чехова, возвращала ему здоровье и творческие силы, а он, в свою очередь, поддерживал город и его жителей, занимаясь благотворительностью. Это его гений притягивал к локусу Бунина, Куприна, Горького, Гиляровского, Станиславского, Немировича-Данченко. Сегодня, по прошествии 115 лет, когда он ушел в Вечность, гений места делает дом-усадьбу центром притяжения для писателей, поэтов, музыкантов, художников, артистов, ученых, культурологов, философов.

С этими мыслями Ника становится за кафедру, перерыв между заседаниями закончился и конференция, организованная философским факультетом Крымского федерального университета, продолжает работу. В докладе она рассказывает об этосе музыки, затем садится за рояль, открывает крышку, кладет пальцы на клавиши, и музыка сфер вновь наполняет зал...

УДК 172.321

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВА И ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF LAW AND LEGAL NIHILISM. SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Белкин В. В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института федеральной службы исполнения наказания России
Belkin V. V., Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Аннотация: в статье рассматривается вопрос зарождения правового нигилизма в широком историческом контексте происхождения государства и права.

Abstract: The article deals with the issue of the birth of legal nihilism in a broad historical context of the origin of the state and law.

Ключевые слова: правовой нигилизм; норма; справедливость; политика; правовая культура; правосознание; государство, личность.

Keywords: legal nihilism; norm; justice; politics; legal culture; legal conscience; state, person.

Объективная необходимость раскрытия всех возможностей права как основного регулятора общественных отношений не вызывает сомнений, поэтому проблема правового нигилизма, явления существенно ограничивающего возможности права, остается чрезвычайно актуальной в настоящее время.

Исследованию этого феномена посвятили свои труды многие авторитетные авторы, которые во многом диалогичны в своих выводах относительно истоков, правового нигилизма. По мнению авторитетного российского теоретика права Н. И. Матузова, ключевым аспектом правового нигилизма является «надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие закона. Коррупция, низкая законодательная техника правотворческого процесса, а в совокупности «некомпетентность и неэффективность власти — одни из глубинных источников правового нигилизма» [1, с. 157]. «Сущность его — в общем, негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности,

отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения» [2, с. 4].

В то же время представляется, что сущностные основания правового нигилизма, следует искать вне сферы правоприменения. На основе материалистического подхода к обществу и истории, возможно рассмотреть право и элементы правовой жизни как феномен, сопровождающий всю историю человеческого рода, не ограничиваясь при этом национальными рамками, попытаться выявить онтологические основания правового нигилизма.

В центре внимания научной философии стоит человек, его сущность и смысл существования. В этом проявляется подлинно гуманистическая направленность философии. Человек как биосоциальное существо, выделившееся из мира природы, из объективной необходимости вынужден взаимодействовать как с природой, так и другими индивидами для удовлетворения своих потребностей. Действуя из своих интересов, человек осуществляет и создает общественную связь, которая в первую очередь проявляется в процессе совместного производства средств обеспечения, как индивидуальной, так и родовой жизни.

В первобытную эпоху, субъектом, носителем родовой человеческой сущности был нераздельный коллектив – род, в котором все составляющие его члены фактически составляли один организм. Индивидуальное и коллективное бытие было неразличимо, однако на определенном этапе производства возникает необходимость распределить различные производственные операции между индивидами.

Именно при переходе от неразрывного коллективного труда к частичному кооперативному труду и обмену его результатами происходит фундаментальное событие человеческой истории – разрыв целостности производства своего материального бытия и соответственно к «... к расщеплению прежней, хотя и неразвитой, но целостной сущности человека и появлению односторонне («частично») развитых индивидов» [3, с. 351]. Таким образом, разделение труда, интенсификация материального производства обусловило начало фундаментального процесса индивидуализации человеческих сущностных сил.

Первоначально нормы обычаев - передающихся из поколения в поколение наиболее рациональные варианты поведения в социально значимых ситуациях, на ранней стадии первобытного общества в необходимой и достаточной степени выражали общий родовой интерес, совпадающий с интересом каждого члена рода в отдельности. Необходимости в специальном аппарате принуждения не существовало. Ввиду того, что отдельный человек не мог существовать вне

рода, то и личный интерес, а также групповой противопоставленный интересу рода отсутствовал, ввиду отсутствия материального основания такого интереса. Нормы обычаев представляли собой квинтэссенцию родового интереса, задачей которого было сохранение родовой человеческой сущности, которая в равной степени наполняла всех членов рода. Поскольку такой стихийно выраженный интерес рода не был ничему противопоставлен, кроме такого же интереса в лице другого племени, свободное социальное общение, гипотетически, могло происходить только между такими монолитными общностями.

Систематическое производство избыточного продукта, обуславливает возможность отчуждения такового, поскольку не наносит ущерба воспроизводству жизни производителя, дает возможность субъекту отчуждения не участвовать материальном производстве, а также гарантирует воспроизводство жизни независимо от различных непредвиденных обстоятельств. Именно по поводу избыточного продукта при переходе к производящей экономике начинают складываться отношения частной собственности как института ограничения доступа к материальным либо нематериальным ресурсам иных лиц в пользу собственника.

Сформировавшиеся таким образом различие в социальном положении групп присваивающих прибавочный продукт и тех от кого он отчуждается, формирует возможность освободить часть общинников от материального производства - отделить физический труд от умственного. Социальной функцией частной собственности становится концентрация прибавочного продукта в руках немногочисленных групп, не участвующих в общественном производстве, а выполняющих иные общественные функции, такие как управление и отправление религиозного культа. Положительной стороной накопления прибавочного продукта на одном полюсе общества является возможность совершения значимых качественных преобразований в интересах всего общества, с другой же стороны формирующаяся социальная дифференциация приводит к обнищанию, а далее и к порабощению, непривилегированного большинства.

Право в виде правового обычая возникает в период разложения первобытнообщинного строя именно из необходимости защиты и регуляции отношений частной собственности. В период господства общинной собственности материальные блага, как и прибавочный продукт, принадлежали всем общинникам и необходимости внешнего, стоящего над обществом, способа регуляции как право не существовало. Зарождающийся институт отчуждения прибавочного продукта, производимого большинством в пользу меньшинства,

требовал внешних по отношению к обществу механизмов защиты интересов меньшинства и его собственности. Возвысившаяся часть общества начинает трансформировать обычаи для своих групповых интересов [4, с. 10].

Обычное право возникает в ту эпоху первобытного строя, когда налицо определенное обособление родоплеменных учреждений от коллективов рода и племен, то есть тогда, когда необходимость типизации поведения человека в более строгих рамках становится условием дальнейшего существования [5, с. 76]. Право возникает в ответ на глубинную необходимость регламентации поведения субъектов новых отношений эксплуатации, в интересах сохранения всего человеческого рода. Произвол, как объект регламентации выходит за рамки интересов человеческого рода и подлежит вытеснению из социума, как явления противостоящего сохранению и возможности развития человеческого рода.

Очевидно, что закрепление института частной собственности на отчужденный продукт встречали сопротивление и неприятие со стороны определенной части коллектива. Это неприятие выражалось в непризнании и неподчинении правилам отчуждения, распределения и обмена прежде общей родовой собственности. Именно в начальный период поляризации первобытного общества мы можем гипотетически смоделировать возможность проявления правового нигилизма в его наиболее полном и ярком виде, поскольку в лице правового, юридического обычая и права частной собственности отрицался правовой, нормативный порядок в целом. Выступая против эксплуатации и порабощения, основанном на праве в той или иной его форме, прежде, свободные общинники сталкивались с отпором родоплеменной знати. У общинников, выступавших против нормативного порядка, закрепляющего отчуждение прибавочного продукта в пользу верхушки общества, еще были перед глазами обычаи предков, согласно которым исключений из общей родовой собственности не допускалось, и именно в этом моменте их неприятие права и всего порядка с ним связанного – эксплуатации и отчуждения, носило наиболее глубинный, сущностный характер. В последующие эпохи такого зримого противопоставления потестарного, общественного устройства социальному расслоению, и соответственно выраженного в них обычного и правового порядка не существовало.

Появление института публичной власти связано с необходимостью защиты частной собственности сначала на отчужденный прибавочный продукт, а затем на сами средства производства, которые являются источником не только прибавочного, но и необходимого для воспроизводства жизни производителя продукта. Формируется

устойчивое социальное неравенство, основанное на отношении одних социальных групп к средствам производства как находящимся в их частной собственности, а других групп как им не принадлежащим, либо социальная группа, сама являясь средством производства, оказывается в частной собственности господствующего слоя.

Государство, политическая организация прежде однородного общества, выступает в отношении к отдельным его членам как отчужденное от них и стоящее над ними инобытие родовой сущности человека, как институциализированная проекция, преломление, всеобщей воли человеческого рода. Таким местом преломления и трансформации всеобщей воли рода становится особый репрезентант рода – господствующий класс, элита, конкретно-исторический носитель родовой человеческой сущности. Проходя через сознание господствующего класса, воля рода возвращается к каждому конкретному индивиду в виде правовых установлений.

Интересы правящей верхушки во многом противостоят интересам народа, а интересы всего рода избирательно как соответствуют, так и противостоят интересам того и другого класса. Родовой интерес должен возвышаться над интересами, как элиты, так и народа, снимать их противоречия. Правящий класс артикулирует через правовые механизмы волю рода, исходя, прежде всего, из своих, классовых интересов. Родовая воля, приобретая нормативную форму и санкционируемая государством, всегда будет обусловлена интересам прежде всего правящего класса, который лишь формально выражает всеобщую волю. В сущности, артикулируемая правящим слоем, всеобщая воля рода лишь отчасти является таковой. Данный зазор между объективной волей рода и наличным, сущностным выражением её в законодательстве всегда будет субстанциональной основой правового нигилизма в классовом обществе.

Литература

1. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. - Саратов, 2003. - 588с.
2. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» //Правоведение. -1994. - № 2. - С. 3-8.
3. Мусаелин Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. // Издательство Пермского государственного университета. Пермь. - 2011. - 439 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. - М., 1969. - 232 с.
5. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. - М., 1917. - 227 с.

Научное издание

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ:
состояние
и перспективы**

Сборник материалов
II научной конференции

Часть I

Текст издания приводится в авторской редакции

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка и дизайн *А. В. Климашинок, В. А. Бибик*

Подписано в печать 04.11.2019
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 13,4
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908